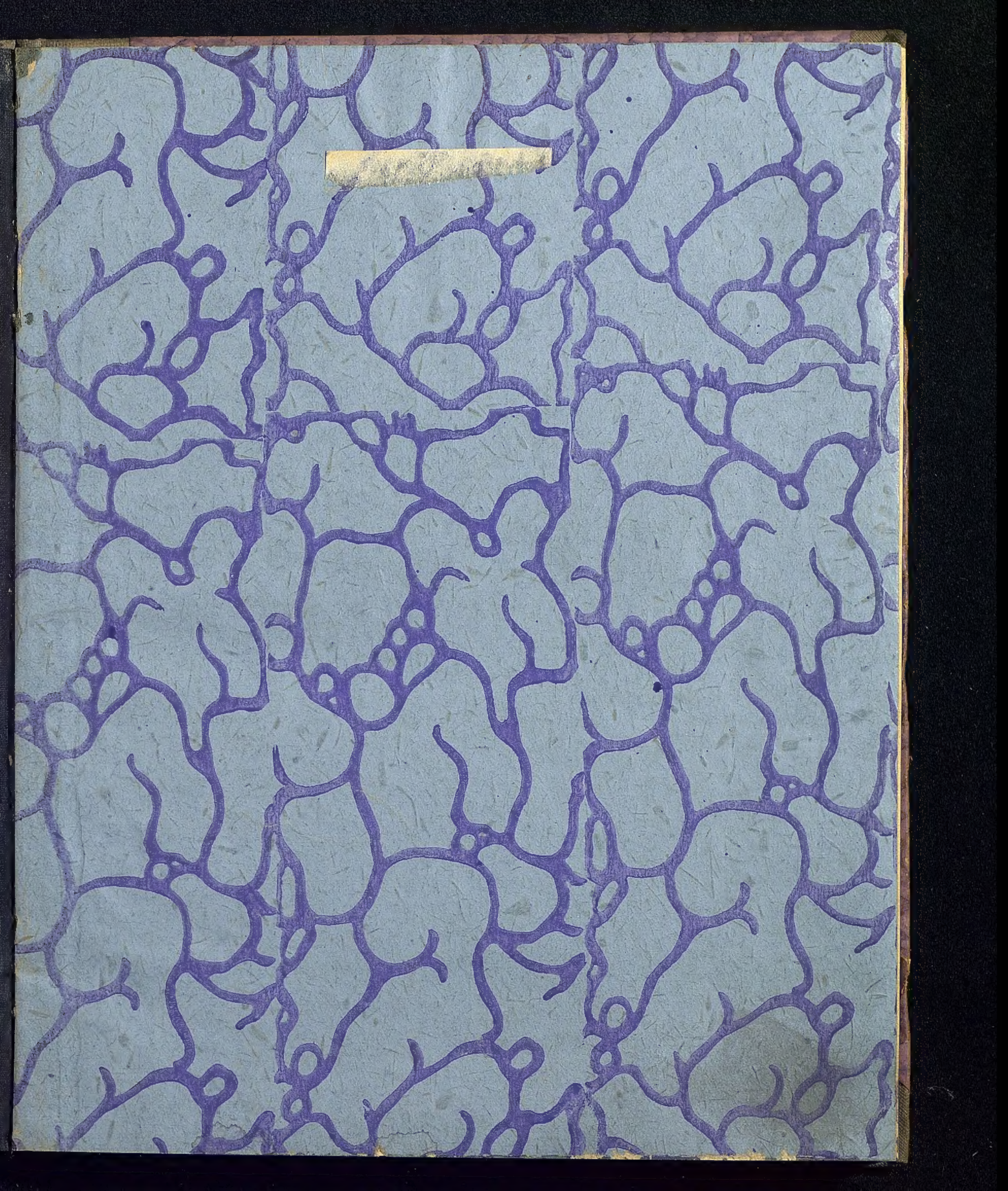

ИЗД.
«НАШИ ДНИ»
МОСКВА

Въ пользу населенія Польши, пострадавшаго отъ войны, отчисляется 25% съ чистой прибыли.

ВЪ ЭТИ ДНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХЪ

БЕЛЛЕТРИСТИКА и СТИХИ:
Л. Андреева, М. Арцыбашева, В. Брюсова, С. Городецкаго, А. Ершова, А. Журина, А. Куприна, В. Ленскаго, Н. Минскаго, Л. Столицы, Игоря Сѣверянина, гр. Алексѣя Н. Толстого, В. Ходасевича, В. Шершеневича.

СТАТЬИ:
Проф. Д. Анучина, П. Берлина, А. Кизеветтера, П. Кропоткина, В. Тотоміянца.

РЕПРОДУКЦІИ съ КАРТИНЪ и РИСУНКОВЪ:
Савицкаго, Самокишъ, Ярошенко, Прайса, Дивуа и изд. „Летучей Мыши“.

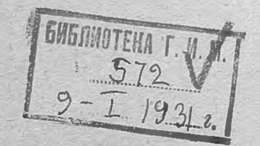
Изд. „Наши Дни“.
Москва. — 1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

Москва. — 1915.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.

Петровка, д. 26. Тел. 131-34.

М. Арцыбашевъ.

Еврей.

РАЗСКАЗЪ.

Вышло такъ, что второй взводъ третьей роты перваго батальона Ашкадарскаго полка, не выпустивъ ни одного патрона и не потерявъ ни одного человѣка, оказался отрѣзаннымъ отъ своихъ.

Какъ это произошло и почему кучка солдатъ въ пятнадцать-двадцать человѣкъ оказалась въ роли самостоятельной боевой единицы, никто изъ нихъ сказать бы не могъ.

Сначала солдаты, въ составѣ всего Ашкадарскаго полка, всю долгую осеннюю ночь усердно и тяжко шлепали по большой дорогѣ, идущей неизвѣстно куда, въ темную, сырую и чужую даль. Курить и разговаривать было запрещено, и темная масса полка во тьмѣ, ощетинившись штыками, похожая на какое-то огромное ежеобразное животное, тихо ворчащее и шелестящее тысячами ногъ, сосредоточенно ползла впередъ. Въ темнотѣ солдаты натыкались другъ на друга, злобно, вполголоса переругивались, скользили въ грязи и по колѣна бултыхались въ глубокихъ колеяхъ, полныхъ холодной воды.

— Ну, и дорожка!—тихо вздыхали по рядамъ.

На разсвѣтѣ полкъ остановили и растянули по краю широкаго картофельнаго поля, которое солдаты увидѣли первый разъ въ жизни.

Шелъ мелкій назойливый дождикъ, и сизые горизонты, пологіе и печальные, мутно таяли въ его водянистой дымкѣ.

Направо и налѣво, насколько хваталъ глазъ, уныло мокли

ряды такихъ же сѣрыхъ солдатъ и офицеровъ, по пасмурнымъ лицамъ которыхъ струился дождь, точно всѣ они плакали о своей судьбѣ... судьбѣ, забросившей ихъ, Богъ знаетъ, куда, на это чужое, незнакомое поле, на которомъ черезъ нѣсколько часовъ многіе изъ нихъ, быть можетъ, лягутъ здѣсь среди полусгнившихъ картофельныхъ тычковъ, на мокрой землѣ, обративъ блѣдныя, мертвыя лица къ холодному небу, тому самому, которое плачетъ теперь и надъ ихъ далекой сѣрой и милой родиной.

Позади, утопая въ размокшей пахотѣ, все устанавливалась и никакъ не могла установиться какая-то батарея. Оттуда долетали простуженные, озлобленные голоса, шлепанье нагаекъ и тяжкое надрывистое храпѣнье лошадей. Впереди одиноко бродили подъ дождемъ мокрыя фигуры офицеровъ въ насквозь промокшихъ шинеляхъ, а еще дальше, за завѣсой дождя и густого тумана, гудѣли пушки, неизвѣстно—свои или чужія. По временамъ пальба уходила вдаль и направо, и тогда гулъ орудій слышался тяжко и глухо, точно катали по землѣ чугунные шары, а иногда выстрѣлы совсѣмъ близко съ трескомъ рвали воздухъ, лопаясь какъ будто надъ самой головой.

Прямо противъ взвода стоялъ ротный командиръ и все время подъ полой закуривалъ папиросы, такъ часто, что казалось, что все время, вотъ уже часа три, онъ закуриваетъ одну и ту же папироску и никакъ закурить не можетъ. Солдаты сосредоточенно смотрѣли ему въ спину, и почему-то всѣмъ болѣзненно хотѣлось помочь ему.

Было холодно, сыро, и подъ ложечкой сосало что-то противное, ноющее, безконечное: не то, что страхъ, а какая-то безпредметная тоска, которую можно было бы выразить тремя словами:

— Хоть бы скорѣе!..

Такъ шло нѣсколько часовъ, но около полудня все страшно и рѣзко измѣнилось.

Хотя небо попрежнему было сѣро, и дождь моросилъ не-

устанно, но стало свѣтлѣе, и облака въ одномъ мѣстѣ сдѣлались бѣлыми и яркими. За ними почувствовалось невидимое солнце, но среди этого бѣлаго холоднаго свѣта стало какъ-то остро и безпокойно, и ноющая тоска начала переходить въ нервную тревогу, которую трудно было выносить.

Совершенно неожиданно, хотя всѣ этого ждали, откуда-то проскакалъ адъютантъ на взмыленной, лохматой отъ сырости лошаденкѣ. Забѣгали офицеры, послышались рѣзкіе командные крики и рожки горнистовъ.

— Ну, братцы!...—высокимъ, сорвавшимся голосомъ произнесъ кто-то въ рядахъ, и всѣ слышали этотъ голосъ и поняли его, но никто не оглянулся.

Сѣрая масса людей вдругъ тронулась, какъ-то охнула, волнообразно изогнулась, и весь полкъ, увязая въ грязи и падая на каждомъ шагу, покатился впередъ, на подъемъ безконечнаго поля, вдругъ ставшаго новымъ и жуткимъ.

Солдаты, съ посѣрѣвшими странными лицами, крестились на-бѣгу, отставали, опережали другъ друга и, когда ихъ остановили на гребнѣ холма, сбились и смѣшались кучками, изломанными линіями, сразу обративъ полкъ въ нестройную толпу запыхавшихся и недоумѣвающихъ людей. Нѣкоторые такъ и держали ружья на перевѣсъ, забывъ ихъ опустить.

Впереди сизѣлъ все тотъ же дождь, и тянулось все то же, чужое, незнакомое поле, но теперь на немъ что-то копошилось, двигалось, сверкало блѣдными огоньками, разсыпаясь непрерывной ружейной трескотней.

На сѣромъ небѣ, казалось, все на одномъ и томъ же мѣстѣ стояла какая-то черная черточка и то увеличивалась, то уменьшалась. И когда увеличивалась, то сверху чуть слышно доносилось странное жужжаніе, и всѣ солдаты поднимали вверхъ сѣрыя, блѣдныя лица.

Потомъ сзади, тоже сверху, пыслышалось быстро приближающееся мощное жужжаніе, и надъ головами солдатъ совсѣмъ низко, тяжело, какъ промокшая птица, пролетѣлъ русскій аэро-

планъ. Онъ быстро сталъ уменьшаться, поднимаясь все выше и выше, и солдаты видѣли, какъ уменьшалось разстояніе между нимъ и той черной черточкой, которая парила далеко въ небѣ. Въ рядахъ послышались голоса и, когда та далекая черточка быстро стала уменьшаться, точно падая къ горизонту, голоса стали громки и веселы.

— Ага, не нравится!.. На утекъ пошелъ, братцы!.. Ловко!.. Молодцы!..—послышалось по рядамъ.

Солдаты ожили и на мгновеніе забыли о себѣ, о той тяжелой неизвѣстной судьбѣ, которая ожидала ихъ самихъ.

— То-то бы тебя, Ермилычъ, на еропланъ посадить... Ловокъ бы ты былъ!..—шутили солдаты другъ надъ другомъ.

И вдругъ впереди послышался нестройный многоголосый крикъ, усиленная безпорядочная трескотня, и оттуда сначала по одному, потомъ кучками и, наконецъ, разсыпной, растерянной массой повалила толпа такихъ же сѣрыхъ солдатъ другого полка, той же дивизіи. Еще издали можно было разсмотрѣть ихъ блѣдныя лица съ широко раскрытыми глазами, съ округленными ртами и выраженіемъ безумнаго ужаса.

Офицеры Ашкадарскаго полка, махая шашками и что-то крича, побѣжали по размытой пахотѣ навстрѣчу бѣгущимъ, но сѣрая толпа моментально сбила, смяла, закрыла ихъ, смѣшалась съ рядами Ашкадарцевъ, и все сразу потеряло тотъ смыслъ, который имѣло до сихъ поръ.

Какъ волна уноситъ разорванную въ одномъ мѣстѣ плотину, такъ бѣгущіе сбили и унесли стоявшій полкъ. Частью побѣжали и сами Ашкадарцы, сами не зная почему, и только чувствуя ту стихійность, передававшуюся отъ человѣка къ человѣку, которая неудержимо толкаетъ въ спину и заставляетъ бѣжать куда бы то ни было, только дальше и дальше.

Вся масса людей кинулась внизъ подъ уклонъ, свернула въ сторону, наткнувшись на батарею, съ которой что-то кричали и махали руками, затѣмъ набѣжала на правильную линію сѣрыхъ солдатъ, быстро идущихъ навстрѣчу, съ штыками наперевѣсъ,

метнулась въ одну сторону, въ другую, назадъ и впередъ, и, наконецъ, бросилась вразсыпную, оглашая воздухъ бѣшенымъ крикомъ и безпорядочной стрѣльбой.

И вотъ тутъ-то этотъ второй взводъ третьей роты, потерявъ свой полкъ и офицеровъ, въ составѣ всего семнадцати человѣкъ, по стихійной привычкѣ державшихся вмѣстѣ, очутился въ сторонѣ отъ боя, въ какомъ-то узкомъ глинистомъ оврагѣ, поросшемъ мелкимъ лѣсомъ.

Оврагъ былъ глубокій съ изрытыми водой глинистыми берегами, надъ которыми высоко мутной, неровной полосой тянулось сѣрое небо, моросившее неустаннымъ дождемъ на размокшую красную глину, на мокрыя березки и кучку солдатъ, сбившихся съ толку и торопливо, по инерціи, бредущихъ все дальше и внизъ.

Солдаты были все изъ запасныхъ, коренастые, бородатые и рябые мужики Костромской и Новгородской губерніи, и среди нихъ—черненькій еврей, Гершель Макъ, который одинъ и думалъ и соображалъ за всѣхъ.

Всѣмъ остальнымъ сѣрымъ мужикамъ, взятымъ прямо изъ деревни, совершенно было непонятно, какимъ образомъ все это произошло, и произошло ли вообще что-нибудь; было ли сраженіе, плохо или хорошо то, что они остались безъ офицеровъ въ какомъ-то проклятомъ оврагѣ и что изъ всего этого выйдетъ? Только Гершель Макъ понималъ, что сраженіе было, что передовыя цѣпи попали подъ перекрестный огонь пулеметовъ, что произошла паника, что Ашкадарскій полкъ былъ сбитъ толпой бѣглецовъ и разстроился безъ выстрѣла, а теперь они предоставлены на волю судебъ, неизвѣстно, гдѣ, можетъ-быть, въ самомъ центрѣ непріятельской позиціи. Гершель Макъ понималъ, что никому до нихъ теперь нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла, а потому они должны выпутываться сами, и его изворотливый еврейскій умъ сразу заработалъ во-всю.

Дождь журчалъ по склонамъ оврага и по дну его, и за водяной пѣсенкой только изрѣдка гдѣ-то на верху слышались

трескотня пулеметовъ и буханье пушекъ. Оврагъ шелъ внизъ и, должно быть, въ лѣсъ, потому что деревья становились все чаще, и на землѣ вмѣстѣ съ грязью лежалъ теперь толстый слой полусгнившихъ вялыхъ листьевъ.

Раза два вверху слышалось тяжкое жужжанье, и солдаты невольно подымали глаза, но аэроплана не было видно и неизвѣстно было, свой онъ или чужой.

Гершель Макъ шелъ позади всѣхъ и напряженно думалъ:

— Что же мы будемъ дѣлать, когда встрѣтится непріятель? Ну, когда былъ полкъ, такъ они себѣ ужъ знали что дѣлать... А мы же не знаемъ высокихъ военныхъ правилъ!.. Можетъ быть, намъ совсѣмъ не нужно драться, можетъ быть, по высокимъ военнымъ правиламъ нужно немножко отступить?.. Мы же ничего не знаемъ!..

И какъ-разъ въ эту минуту на противоположномъ берегу ручья, разлившагося въ плоскія мутныя лужи, среди древесныхъ стволовъ замелькало что-то темное, и показались незнакомые солдаты въ свѣтло-сѣрыхъ шинеляхъ, въ лакированныхъ черныхъ каскахъ, обтянутыхъ въ полотняные чехлы.

Это былъ такой же заблудившійся, отбившійся отъ своихъ, непріятельскій отрядикъ, которымъ предводительствовалъ огромный рыжебородый унтеръ-офицеръ.

Нѣмцы шли такъ же неувѣренно, съ ружьями наперевѣсъ, трусливо озираясь по сторонамъ и только что собирались остановиться, чтобы обсудить свое незавидное положеніе, какъ увидѣли рыже-сѣрые шинели и штыки.

— Стой!—заоралъ бѣлоусый костромичъ такъ, что двѣ вороны камнемъ взлетѣли надъ оврагомъ и понеслись, косо забирая по вѣтру, прочь отъ этого мѣста.

Гершель Макъ чуть не упалъ въ воду.

Съ той стороны раздались жидкіе, разрозненные крики изумленія и ужаса, и вдругъ наступила зловѣщая, напряженная тишина.

Рыжіе и сѣрые солдаты стояли шагахъ въ пятидесяти другъ

отъ друга, раздѣленные мелкимъ мутнымъ ручьемъ, по которому неустанно колотилъ дождь, и скорѣе удивленно, чѣмъ испуганно, смотрѣли во всѣ глаза.

— А... послушайте... а!..—зашепталъ Гершель Макъ, дотрогиваясь до ружья бѣлоусаго костромича.

Но въ это время, какъ по командѣ, сѣрые солдаты отступили шага на два, разомъ опустились на колѣни, и трескъ недружнаго залпа разодралъ мелкій воздухъ.

Бѣлоусый костромичъ и другой русскій солдатъ, нижегородскій многосемейный мужикъ, котораго въ ротѣ звали «Дядя», взмахнули руками и тяжко шлепнулись въ размокшую глину.

Костромичъ былъ убитъ наповалъ, а Дядя схватился за животъ, сѣлъ и взвылъ тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ:

— Бра-атцы!..

И дикая злоба, неукратимая и полная ужаса, похожая на ту нервную злость, съ которой убиваютъ и топчутъ змѣю, вдругъ охватила солдатъ. Дробь разрозненныхъ выстрѣловъ посыпалась между мокрыхъ деревьевъ, и нестройный крикъ повисъ въ сыромъ туманѣ. Пули засвистали далеко по лѣсу, чмокая въ глину.

Березывые листья, тихо кружась, опускались на землю, а на ней, то падая, то подымаясь, въ судорожныхъ движеніяхъ боли и ужаса закопошились три свѣтлосѣрыя фигуры.

И первый замолкъ, уткнувшись лицомъ въ холодную муть ручья, огромный бородатый унтеръ-офицеръ.

Въ отвѣтъ снова затрещалъ еще болѣе нестройный залпъ, и потомъ уже съ обѣихъ сторонъ посыпались одиночные безтолковые выстрѣлы, прерываемые злобнымъ крикомъ, стономъ и хрипомъ.

Блѣдные огоньки мелькали со всѣхъ сторонъ, съ березокъ летѣла бѣлая кора, видны были торопливо возившіяся съ ружейными затворами дрожащія руки и блѣдныя искаженныя лица. Надъ ручьемъ потянуло острымъ запахомъ пороха и крови, сизый дымокъ медленно потянулся кверху, выбираясь между вѣт-

ками березокъ, вздрагивающихъ точно отъ страха, а подъ ними двѣ кучки людей, рыжихъ и сѣрыхъ, заряжая и стрѣляя, били другъ друга, усыпая мокрую землю разбитыми, корчащимися и стонущими тѣлами.

. . . .

И вдругъ стрѣльба затихла такъ же неожиданно, какъ и началась.

На открытомъ мѣстѣ уже никого, кромѣ раненыхъ и убитыхъ, не было. Рыжіе солдаты залегли за камни, а сѣрые попрятались за деревья. Огонь смолкъ.

Еще долго сердца дрожали мелкой мучительной дрожью и въ глазахъ стоялъ тотъ же нечеловѣческій злобный ужасъ, но никто не стрѣлялъ.

И такъ прошелъ часъ и другой.

Солдаты молча лежали за камнями, другіе такъ же молча таились въ перелѣскѣ и зорко ненавидящими острыми глазами, подмѣчающими малѣйшее движеніе врага, слѣдили другъ за другомъ.

Только «Дядя», прислонившись спиной къ дереву, тихо и жалобно, точно муха въ паутинѣ, стоналъ отъ боли, да на той сторонѣ все силилась подняться изъ мутной лужи блѣдная безусая голова съ помертвѣлыми глазами, уже подернутыми пленкой близкой смерти. Но на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Каждый чувствовалъ на себѣ зоркіе, безпощадные глаза врага и не смѣлъ шевельнуться, не смѣлъ вытянуть онѣмѣвшую ногу. Разъ одинъ сѣрый солдатъ пытался перемѣнить мѣсто, и сейчасъ же съ той стороны треснули три выстрѣла, и солдатъ только перевернулся и затихъ, точно и въ самомъ дѣлѣ ему только хотѣлось перевернуться на другой бокъ. Позже было убито еще два человѣка, по одному съ каждой стороны, и опять все затихло, только дождь шумѣлъ, точно кто-то незримый горько плакалъ въ лѣсу.

Время шло и росло страшное нервное напряженіе, похожее на предсмертную тоску. Было очевидно, что такъ продолжаться

долго не можетъ, и всѣ знали, что первый, кто подыметъ голову, будетъ застрѣленъ, какъ собака.

Богъ знаетъ, какія странныя и мучительныя мысли проходили въ отуманенныхъ злобой и страхомъ головахъ. Эти головы были теперь тупы, сбиты съ толку.

Гершель Макъ остро чувствовалъ, что ему хочется жить, что у него, какъ и у всѣхъ этихъ, и сѣрыхъ и рыжихъ солдатъ, есть отецъ и мать, есть свои маленькія завѣтныя желанія, далекія отсюда. И еще ему было жалко и «Дядю» и того умирающаго въ мутной лужѣ нѣмца, котораго, быть можетъ, убила пуля «Дяди».

Время шло, росъ нестерпимый нервный ужасъ, и страшное, какъ струна, готовая лопнуть, внутреннее напряженіе начинало переходить въ то кошмарное состояніе, когда у людей начинаютъ дрожать лица, руки и ноги, передъ глазами встаетъ красный туманъ, исчезаетъ страхъ смерти и страданія, и все человѣческое претворяется въ стихійное, звѣриное бѣшенство.

И вотъ, когда струна была готова лопнуть, когда кошмаръ готовъ былъ разразиться безпощадной схваткой, Гершель Макъ, не въ силахъ будучи справиться съ натянувшимися нервами, жалобно взмолился на языкѣ своихъ отцовъ:

— Шма исроэль!.. Шма исроэль!..

Свои не поняли его и только съ ужасомъ, какъ на сумасшедшаго, мелькомъ оглянулись на него, но съ той стороны отозвался ему такой же жалкій, испуганный голосъ на еврейскомъ языкѣ:

— Еврей?.. Еврей!..

Гершель Макъ замеръ. Нельзя передать той безумной радости, того чистаго человѣческаго восторга, какимъ наполнилось сердце его, когда оттуда, откуда онъ ждалъ только ненависти и смерти, раздались знакомыя, понятныя, человѣческія слова.

Онъ вскочилъ на колѣни, поднялъ руки, забывая о смертельной опасности, и крикнулъ, точно отозвался въ пустынѣ:

— Я!... Я!..

Треснулъ выстрѣлъ, но только фуражка Гершеля Мака, подпрыгнувъ, слетѣла въ лужу.

За ручьемъ изъ-за дерева смотрѣла на него характерная, съ торчащими изъ-подъ лакированной каски ушами, человѣческая голова.

— Не стрѣляй!... Не стрѣляй!..—кричалъ Гершель Макъ по-русски, по-нѣмецки и по-еврейски сразу, безтолково размахивая руками.

И тотъ еврей, въ длинной свѣтло-сѣрой шинели, тоже что-то кричалъ своимъ. И уже не одна голова, а десятокъ удивленныхъ лицъ смотрѣли на Гершеля Мака удивленными, обрадованными глазами. Въ этихъ глазахъ, вдругъ ставшихъ простыми, понятными, перепуганными человѣческими глазами, виднѣлась смутная, еще непонятная имъ самимъ надежда.

Тогда Гершель Макъ и еврей въ свѣтло-сѣрой шинели выскочили на открытое мѣсто и, шлепая прямо по водѣ, довѣрчиво побѣжали другъ къ другу. Они сошлись между двумя все еще враждебно торчащими рядами ружейныхъ стволовъ и въ порывѣ неразсуждающей человѣческой радости обнялись.

— Вы еврей?—спросилъ сѣрый солдатъ.

И они стояли и смотрѣли другъ на друга, какъ два старые знакомые, неожиданно встрѣтившіеся тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать этого.

Въ сумерки, подобравъ своихъ рененыхъ и убитыхъ, осторожно оглядываясь назадъ, солдаты тихо расходились въ разныя стороны по оврагу, уже посинѣвшему отъ вечерняго тумана.

Тѣ, которые шли сзади, съ недовѣрчивымъ недоумѣніемъ поглядывали назадъ, на враговъ, и руки ихъ судорожно сжимали холодныя дула ружей. Только Гершель Макъ и еврей въ сѣрой шинели шли спокойно.

А потомъ Гершель всю дорогу болталъ, какъ обезьяна, при-

ставая то къ одному, то къ другому изъ сбитыхъ съ толку, недоумѣвающихъ солдатъ.

Онъ что-то говорилъ о своемъ восторгѣ, о какой-то великой миссіи еврейства. Но его никто не слушалъ и кто-то даже сказалъ ему беззлобно:

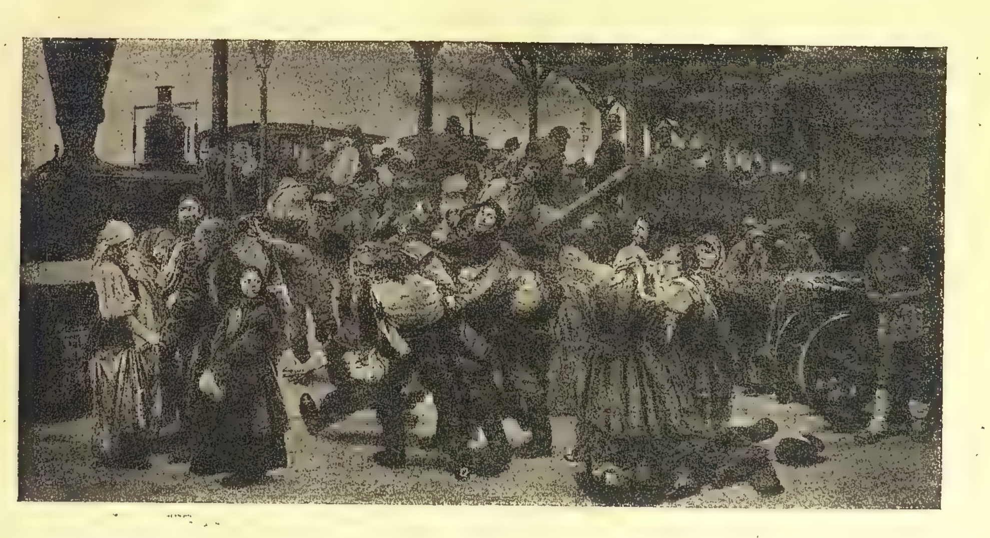
— А поди ты къ чорту, пархатый жидъ!..

Валерій Брюсовъ.

Послѣдняя война.

Свершилось. Рокъ рукой суровый
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики Жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.
Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.
И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.
Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ!
Призывъ племенъ порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.
Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпоровъ гудящій лётъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ.

Такъ! Слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Вальтассаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ міръ!
Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ;
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!
Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы;
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

К. А. Савицкій. — На войну.

Графъ Алексѣй Н. Толстой.

Все полетѣло кверху ногами.

РАЗСКАЗЪ.

Не спѣша по деревенской улицѣ, выбирая мѣста потѣнистѣе, шелъ Илья Ильичъ, псаломщикъ.

Знойный день спадалъ, но все еще было больно смотрѣть на бѣлыя хаты, бѣленыя по субботамъ, съ подстриженными соломенными кровлями; высокія старыя акаціи между ними, подсолнухи передъ окнами стояли неподвижно.

Внизу, на болотѣ, видно было, какъ вертѣлось колесо водяной мельницы и двѣ отпряженныя лошади у телѣгъ мотали головами. Налѣво, передъ лѣсами, на голыхъ высокихъ буграхъ уже появились воза, полные пшеничныхъ сноповъ.

Илья Ильичъ остановился и посмотрѣлъ на бугры, откуда медленно съѣзжалъ возъ, кренясь и колыхаясь; лошадей велъ мальчикъ; за телѣгой шли старуха, опираясь на вилы, и молодая женщина.

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ ваша милость поговорите сегодня,—сказалъ про себя Илья Ильичъ, щуря глаза на ту, молоденькую, которая легко шла за возомъ, придерживая вилы, перекинутыя черезъ плечо; черная съ красными цвѣтами короткая юбка на ней, красная съ чернымъ безрукавка и совсѣмъ уже алый платокъ съ длинными концами на затылкѣ, какъ макъ, заливались солнцемъ на спускѣ горы.

Но вотъ дорога повернула внизъ, въ лощину, мальчикъ по-

висъ на мордахъ лошадей, и лошади, снопы, старуха и дѣвушка скрылись, заслоненные кровлями хатъ.

— Ахъ, Боже мой, какое наказанье, фу,—проговорилъ, очнувшись, громко Илья Ильичъ, сунулъ руку въ карманъ люстриноваго пальто своего, ощупалъ только-что полученный на почтѣ свертокъ, покачалъ головой и прямо по солнцепеку повернулъ на пригорокъ, гдѣ стояла школа, въ глубинѣ палисадника.

Въ окошкѣ школы сидѣлъ учитель; онъ былъ растрепанъ, въ очкахъ, съ необыкновенно несуразнымъ носомъ, изъ-за котораго онъ,—по его же словамъ,—такъ и не выбился въ люди, съ одутоловатымъ, очень блѣднымъ лицомъ.

Поглядѣвъ на псаломщика, учитель почесалъ бороду и спросилъ:

— Ну, что?

— Получилъ,—отвѣтилъ Илья Ильичъ, сѣлъ на ступеньки крыльца, осторожно распечаталъ свертокъ и вынулъ изъ него пузырекъ съ духами.—Заграничные, елянгъ-елянгъ,—продолжалъ онъ,—а ужъ пахнутъ—прямо смерть. Ахъ, Степа, Степа, до чего же я страдаю черезъ любовь!

— Пустяками занимаешься, вотъ и страдаешь,—сказалъ на это учитель, подперевъ подбородокъ такъ, что изъ-за ладони вѣникомъ вылѣзла рыжая его борода.—Мнѣ противно смотрѣть на тебя сейчасъ. Идетъ, братъ ты мой, у насъ война подъ бокомъ, что дѣлается,—уму непостижимо. Да, кабы мнѣ сейчасъ газету достать, вотъ о чемъ забота; а у тебя одна Проська въ головѣ торчитъ и духи. Ужъ не за духи же она тебя полюбитъ въ самомъ дѣлѣ.

— Отчего же, можетъ-быть, за духи; кабы не это, ихъ бы и не выдумали,—отвѣтилъ Илья Ильичъ.

Его лицо, худое, съ небольшими усиками, съ коричневыми глазами, стало необыкновенно умильнымъ отъ разныхъ мыслей.

Учитель же продолжалъ глядѣть черезъ окошко на закатъ, багровыми, оранжевыми, зелеными рѣками разлившійся за лѣ-

сомъ. Оттуда, изъ-за лѣсовъ, надвигалось непонятное, невиданное, неотразимое, какъ этотъ небесный пожаръ, то, что учитель не могъ охватить представленіемъ; оттуда медленно, обозначаясь зловѣщими признаками, двигалась война.

Точно передъ грозой стояли все это время жаркіе, тихіе дни, и какъ передъ грозой затихаютъ скотъ и птицы, такъ оставшіеся въ деревнѣ,—бабы, дѣти и старики,—смирно и молча, безъ ссоръ и пѣсенъ, безъ обычнаго весселья и суеты, кончали уборку хлѣба; мужики, уходя въ полки и обозы, просили оставшихся попахать за нихъ, и никто не отказывалъ, никто не бралъ за это платы; уже три воскресенья, какъ церковь и костелъ полны набирались народомъ; но не было еще писемъ съ войны, никто еще не страшился, потому что никто и не чаялъ, что̀ станется съ деревней, когда изъ лѣсовъ хлынутъ австрійскія войска.

— Ты вотъ все говоришь—любовь, любовь, а безъ нея жить я вѣдь не могу, Степа, безъ Проськи,—проговорилъ Илья Ильичъ, надушивъ пальто, рубашку, волосы и спрятавъ пузырекъ въ карманъ.—Мнѣ сейчасъ хоть все пропадай. Если я Проськи не добьюсь,—значитъ, я человѣкъ рѣшеный; въ головѣ у меня, Степа, сущій кавардакъ, вотъ какъ любовь можетъ изъѣсть человѣка, а ты говоришь—пустяки.

Онъ всталъ, оправился, потолкался по палисаднику, затѣмъ, махнувъ рукой рѣшительно и какъ бы безнадежно, ушелъ по улицѣ, внизъ туда, гдѣ на обрывѣ стояла Проськина хата.

Учитель же медленно перевелъ глаза съ тускнѣющаго заката на тощую, уходящую фигуру псаломщика, подумалъ, что у друга, у Ильи Ильича, непріятныя, точно собачьи, голенастыя ноги. Послѣ этого сталъ глядѣть на то, какъ изъ болотъ въ деревню, пыля и крича, поднялось стадо, и на то, какъ надъ хатами кое-гдѣ засинѣлъ въ сумеркахъ дымокъ, и на то, какъ прилетаютъ съ полей на покой грачи, какъ черезъ улицу прошла баба съ ведрами, и вдругъ сообразилъ, что вся эта тишина, такая обычная и знакомая, необыкновенно страшна сейчасъ, неестественна, точно сонъ, точно всѣ вдругъ ослѣпли, не ви-

дятъ, не слышатъ, не чувствуютъ, что этотъ жуткій покой—передъ концомъ, что, быть-можетъ, завтра, нынче ночью придутъ *тѣ*.

Учитель взялъ картузъ, спустился съ крыльца, оглядѣлся и пошелъ на холмы, къ лѣсу, въ мѣста обычныхъ прогулокъ по вечерамъ. Сейчасъ онъ чувствовалъ, что изъ всей деревни онъ одинъ понимаетъ опасность и долженъ узнать что-то, увидѣть кого-то, предупредить.

Началось это смутное предчувствіе опасности вчера въ полдень; черезъ деревню на рысяхъ проѣхалъ всадникъ въ формѣ казачьяго офицера; минуя школу, онъ обернулся на окно, встрѣтился глазами съ учителемъ и усмѣхнулся недобро и криво; онъ былъ смуглый, тонкій, съ закрученными усиками; подъ фуражкой на вискѣ была надѣта у него черная повязка.

Спустя немного учитель увидѣлъ его остановившимъ лошадь вдалекѣ, на высокомъ бугрѣ; онъ поднялъ обѣ руки къ лицу, точно глядѣлъ въ бинокль; затѣмъ ударилъ коня плетью и скрылся. Офицеръ былъ казачій, конечно, ѣхалъ по своему дѣлу, но все же учитель не могъ забыть его усмѣшки; она тревожила его весь день; сейчасъ же, съ трудомъ поднимаясь по жнивью въ гору, онъ ясно понялъ, что такъ улыбаться могъ только человѣкъ со злыми мыслями, быть-можетъ, переодѣтый австрійскій развѣдчикъ.

На холмахъ росли вѣковыя сосны, дальше начинался густой лѣсъ, залегавшій вплоть до Томашова. Было совсѣмъ сумеречно; мѣсяцъ только-что поднялся, но не свѣтилъ, красноватый и холодный; негромко и глухо шумѣли сосны.

Учитель остановился, снялъ шляпу, вытеръ лобъ и обернулся внизъ къ деревнѣ, закутанной сейчасъ тонкимъ туманомъ болотъ; тамъ кое-гдѣ въ окнѣ горѣлъ огонекъ.

«Ну, если даже и придутъ къ намъ,—подумалъ учитель,—не станутъ же они грабить хаты, обижать женщинъ,—люди, все-таки. Опасности нѣтъ никакой, если смирно сидѣть. А все-таки... Все-таки нельзя, чтобы они пришли».

Опустивъ голову, онъ медленно шелъ къ лѣсу. Вдругъ впереди раздался короткій трескъ, точно быстро хрустнула вѣтка. Учитель вскинулъ голову, сталъ, вглядываясь. Затѣмъ долетѣлъ негромкій, но безнадежный, томительный невыносимо крикъ «а-а-а». Спустя немного, вдоль опушки заскользили тѣни, послышался топотъ: отдѣляясь отъ лѣса, тѣни вылетѣли на минуту на пригорокъ, оказались пятью нагнувшимися всадниками; они свернули внизъ, исчезли въ темнотѣ лощины, внезапно полнымъ ходомъ, съ пиками за плечами, промчались внизу, у ногъ учителя, и скрылись опять по дорогѣ въ деревню. По лошадямъ, по посадкѣ онъ узналъ казаковъ.

Сердце у него такъ билось, что онъ долго махалъ на себя картузомъ, затѣмъ, не думая, а только потому, что давеча такъ хотѣлъ, продолжалъ итти къ лѣсу; достигнувъ же его, понялъ, что ему новыносимо страшно и любопытно узнать, что произошло.

Но здѣсь, подъ кленами, въ орѣховыхъ кустахъ, было такъ темно, что онъ остановился, прислушиваясь. Совсѣмъ рядомъ фыркнула лошадь, затрещали сучья. Учитель уронилъ картузъ, попятился но налетѣлъ на дерево. Лошадь опять фыркнула еще опасливѣе, а невдалекѣ зашуршало, захрустѣло по лѣсу, точно отъ множества ногъ. Учитель протянулъ руки, двинулся въ сторону отъ кустовъ, гдѣ фыркало, но тотчасъ же нога его ударилась о мягкое и шерстяное. Колѣни сами подогнулись; присѣвъ, онъ передъ самымъ лицомъ своимъ различилъ сѣраго человѣка, лежащаго на боку; одна рука его была вытянута, другая положена на голову, точно разболѣлась голова, и онъ легъ, прикрывъ ее.

— Вотъ оно что: они убили,—сказалъ учитель.—Но ни любопытства уже, ни страха не было у него; то, что онъ съ такимъ волненіемъ предчувствовалъ за эти дни, совершилось,—деревня вошла въ тѣнь войны; убитый же австрійскій солдатъ лежалъ, какъ всѣ мертвые, просто и обыкновенно.

Ощупавъ подъ ногой, учитель поднялъ карабинъ, пошарилъ

по нему пальцами, щелкнулъ затворомъ и пробормоталъ: «Видишь ты, какъ это дѣлается», и покачалъ головой. И все-же, должно-быть, онъ участвовалъ во всемъ этомъ происшествіи лишь небольшой частью своего сознанія; вотъ почему неожиданно для него раздвинулись со всѣхъ сторонъ, вокругъ, орѣховые кусты, высунулись лошадиныя морды, появились необыкновенной высоты, словно туманные, всадники; учитель схватилъ ближайшую морду за узду и замахнулся карабиномъ; но тотчасъ на голову ему обрушился острый, ядовитый ударъ; затѣмъ его схватили за плечи, за воротникъ, поволокли къ опушкѣ; въ головѣ трещало, за ухо текла теплая, обильная струя, и было всего обиднѣе, что не давали переступать ногами, а тащили.

На опушкѣ было ясно отъ луннаго свѣта; всадники, на высокихъ коняхъ, расшитые, въ ментикахъ, въ шапкахъ, позвякивая, стали вокругъ; они уже не казались огромными, какъ въ лѣсу, но страшно крѣпкими, неумолимыми.

Самый нарядный изъ нихъ, на тонкой лошади не спѣша, высвободилъ изъ кобуры револьверъ, постукалъ имъ сначала по кончику своего носа, затѣмъ навелъ на учителя и сказалъ по-польски:

— Я думаю, панъ не откажетъ мнѣ отвѣтить: въ какомъ направленіи ускакали казаки?

Учитель молчалъ, съ трудомъ соображая; офицеръ продолжалъ:

— Вы, конечно, понимаете, что пойманы на мѣстѣ преступленія; единственная возможность избѣгнуть наказанія—полная откровенность; я спрашиваю васъ—казаки ускакали въ деревню?

Учитель, всматриваясь въ лицо офицера, вдругъ усмѣхнулся; онъ замѣтилъ на его головѣ черную повязку.

— Ничего не видѣлъ, ничего не знаю,—отвѣтилъ онъ, и вдругъ восторгъ, какъ свѣтъ, наполнилъ сердце,—такого восторга онъ никогда не зналъ.

— Въ деревнѣ есть русскія войска?—спросилъ офицеръ отрывисто.

— Да, есть.

— Какія?

— Казаки.

— Сколько?

— Я не считалъ,—полна деревня.

— Вы видѣли, кто убилъ дозорнаго солдата?

— Я его убилъ.

«Что, что, поговорилъ, поговорилъ, узналъ, добился, вотъ какъ тебѣ нужно отвѣчать», быстро, восторженно подумалъ учитель. Онъ стоялъ теперь одинъ, хотя руки все еще держалъ за спиной.

Офицеръ тронулъ лошадь, отъѣхалъ, по-нѣмецки сталъ совѣтоваться съ двумя всадниками; шесть гусаръ двинулись налѣво черезъ оврагъ, столько же на рысяхъ вправо, вдоль опушки; остальные 20 спѣшились, вынули карабины; коноводы отвели коней; офицеръ, должно-быть, очень возбужденный, быстро ходилъ, взмахивая на поворотахъ ментикомъ, позвякивая шпорами; затѣмъ онъ сталъ передъ учителемъ и принялся смотрѣть ему въ лицо, затѣмъ только на одинъ носъ...

«Вотъ-вотъ, сейчасъ скажетъ это,—подумалъ учитель,—только поскорѣе».

Ему было тошно и голова точно медленно раскалывалась отъ боли. Красивыя губы офицера дрогнули презрительно отъ отвращенія; онъ проговорилъ что-то тихо по-нѣмецки. Учитель быстро закрылъ глаза. Офицеръ отошелъ и скомандовалъ отрывисто:

— Повѣсить!

Въ то же время на краю села, у хаты, на скамейкѣ сидѣли Проська, бабушка и ея горемычная баба-бобылиха. Передъ женщинами стоялъ Илья Ильичъ, распространяя запахъ духовъ вокругъ себя.

Проська молчала, потоптывала башмакомъ; бабушка по-

кряхтывала; бобылиха, Богъ знаетъ откуда получивъ свѣдѣнія, разсказывала про австріяковъ, великихъ ростомъ, несмѣтныхъ числомъ, позвали ихъ будто паны и арендаторы, а позвали оттого, что народъ отъ рукъ отбивается, и какъ австрійцы придутъ, такъ все пожгутъ, скотъ порѣжутъ, ребятъ порѣжутъ, а женщинъ будутъ въ солому обертывать и отсылать въ Галицію.

— Охота вамъ, бобылиха, на ночь пустяки говорить,—молвилъ Илья Ильичъ.—Мы австріяковъ не трогаемъ, и они насъ не тронутъ. Я, напримѣръ, про войну и знать ничего не знаю, а вы только панну Проську напугаете; вотъ бы васъ за это самое въ солому обернуть.

Илья Ильичъ засмѣялся, въ то же время мучительно вглядываясь въ круглое Проськино лицо,—улыбнулась ли она его шуткѣ. Но, опустивъ глаза, молчала дѣвушка, какъ каменная, сидя въ свѣтѣ мѣсяца у бѣлой стѣны.

— Я духи выписалъ, хотите понюхать?—упавшимъ голосомъ проговорилъ Илья Ильичъ и уже приготовилъ платокъ, чтобы сунуть его подъ самый носъ мучительницѣ, но на дорогѣ въ это время послышался быстрый конскій топотъ, изъ-за пригорка вылетѣли пять казаковъ, сдержали коней, рысью подъѣхали къ хатѣ и стали.

— Бабы, уходите отсюда, прячьтесь, австріяки идутъ,—сказалъ средній, бородатый казакъ весело; спрыгнулъ съ коня и сталъ подтягивать подпруги, затѣмъ сѣлъ вновь, махнулъ плетью и запустился по улицѣ.

Проська первая вскочила съ лавки:

— Бабушка!—крикнула она.—Идите скорѣе на погребицу. Да Митинька-то нашъ гдѣ?

— А онъ спитъ,—проговорила бабушка, тряся головой.

Бобылиха заголосила-было, потомъ закрыла ротъ ладонью. Оставшіеся четыре казака засмѣялись: «Уходите, уходите скорѣе, бабы,—сказалъ одинъ.—Мы тутъ сейчасъ стрѣлять начнемъ.

Проська, бабушка, бобылиха кинулись въ ворота. Илья Ильичъ только тогда опомнился.

— Панна Проська,—закричалъ онъ, толкаясь въ запертыя ворота,—я тоже на погребицу, я съ вами хочу,—потомъ нагнулся къ подворотнѣ и закричалъ: «Панна Проська», но тотъ же казакъ схватилъ его за воротъ, вздернулъ на ноги, сказалъ свирѣпо: «Что ты орешь? Бѣги, такой-сякой, голенастый», и толкнулъ въ плечи. Илья Ильичъ побѣжалъ по темной, спящей улицѣ.

Черезъ часъ съ бугровъ послышалась трескотня. Деревня пробудилась, нѣсколько бабъ заголосило, выбѣжало за ворота, закричали кое-гдѣ ребята, завыла собака, но сейчасъ же все затихло, попряталось. А съ бугровъ щелкали и раскатывались выстрѣлы. Передъ зарей черезъ деревню съ тяжкимъ топотомъ пронеслось множество всадниковъ. Слышали, какъ загудѣла земля подъ ними, и сейчасъ же изъ-за хатъ, отовсюду рѣзко и громко, какъ бичи, захлестали выстрѣлы. И все это, не прекращалось, и насталъ день, и гулко, точно громъ небесный, издалека громыхнулъ первый орудійный выстрѣлъ, за нимъ—другой. Сейчасъ же дрогнула земля и, раздирая уши, заревѣлъ весь воздухъ. Начался знаменитый комаровскій бой.

Илья Ильичъ, прибѣжавъ къ себѣ, затворился, прислушался, взглянулъ подъ кровать, воскликнулъ: «Нѣтъ, тутъ меня найдутъ!» Наскоро началъ совать въ карманы перочинный ножикъ, папиросы, зеркальце и прочую дрянь, затѣмъ распахнулъ окно, выпрыгнулъ въ палисадникъ, но въ это какъ-разъ время началась стрѣльба съ горъ, и Илья Ильичъ, потерявъ шапку, побѣжалъ на зады, гдѣ и залѣзъ подъ плоскій мосточекъ, перекинутый черезъ высохшую канаву. Здѣсь онъ пролежалъ ничкомъ три дня. На четвертый все затихло; настала такая тишина, что Илья Ильичъ подумалъ въ своемъ полубреду, полуснѣ, что не померъ ли онъ самъ. Затѣмъ небольшой просвѣтъ передъ его лицомъ между мосточкомъ и канавой заслонила собачья голова. Фыркая и скалясь, собака съ рычаньемъ начала рыться

лапами. Илья Ильичъ долго глядѣлъ ей въ глаза, потомъ прошепталъ: «Пошла!». Собака ощетинилась и скрылась. Онъ же только къ вечеру едва-едва со стонами и молитвой выбрался изъ-подъ мосточка. На томъ мѣстѣ, гдѣ была деревня, торчали теперь голыя, высокія трубы, обуглившіяся деревья, лежалъ кучами мусоръ. И ни человѣка, ни скотины, ни птицы не увидѣлъ Илья Ильичъ.

— Окаянные!—сказалъ онъ.—Что же это въ самомъ дѣлѣ такое?

Игорь Съверянинъ.

Германія, не забывайся!

Германія, не забывайся! Ахъ, не тебя ли сдѣлалъ
Бисмаркъ?
Ахъ, не тебя ль Вильгельмъ Ораторъ могущественно
укрѣпилъ?
Но это тяжкое величіе—солдату русскому на высморкъ!
Германія, не забывайся!—на твой расчетъ отвѣтомъ
пылъ.
Твое величіе—въ мирномъ ростѣ: твоя политика къ
побѣдамъ.
Германія, не забывайся!—не приведетъ тебя, а тутъ:
И наша доблестная Польша, и Прибалтійскій край,
сосѣдомъ.
Къ тебѣ придвинутый, подъ скиперъ твоей державы
не взойдутъ.
Съ твоей союзницею наглой,—съ Австро-Венгерскою
задирой,
Тебѣ ль грезэркой быть, буржуйка трудолюбивая?
тебѣ ль?!...
Германія! Не забывайся! Дрожи передъ моею лирой
И помни, что моя Россія твою качала колыбель.

Н. Самокишъ. Казакъ.

Вл. Ленскій.

Душа человѣческая.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Возвращеніе съ военной службы въ родное Заборье было для Микоши болѣе печально, чѣмъ онъ могъ ожидать. За три съ лишнимъ года, что онъ не былъ дома, отецъ его, старый Жудра сильно поддался, ослабѣлъ, одряхлѣлъ, ходилъ сгорбившись, потерялъ почти всѣ зубы и говорилъ такъ, что его временами трудно было понять. Домъ и хозяйство были запущены; со старикомъ жила его сестра, тетка Микоши, Параня, шестидесятилѣтняя старуха, тоже дряхлая, едва управлявшаяся у печи,—и они оба жили только ожиданіемъ, что вотъ придетъ Микоша и все устроитъ, и тогда будетъ хорошо. Старикъ свою землю не обрабатывалъ и не засѣвалъ, занимался только рыбной ловлей, чтобы не помереть съ сестрой съ голоду. Приходъ сына обрадовалъ старика Жудру и растрогалъ такъ, что онъ заплакалъ.

— Ужъ не чаялъ дождаться тебя!—сказалъ онъ, обнимая Микошу.—Скоро, вѣдь, помирать надо...

Тетка Параня тоже плакала, глядя на племянника, и безтолково суетилась у печи, торопясь накормить дорогого гостя.

Большой домъ Жудры, когда-то богатый, построенный на широкую ногу, съ массой комнатъ, клѣтей, кладовыхъ, сильно покосился, такъ что крыша его на самой серединѣ осѣла и

имѣла видъ переломленнаго хребта; внутри же, и въ красной избѣ, и въ горницѣ, и въ шомушѣ царило запустѣніе, пахло нежилымъ и словно брошеннымъ помѣщеніемъ. Микоша обошелъ весь домъ, заглянулъ и въ клѣти и на вышки—отовсюду на него глядѣли темная, холодная нищета, заброшенность. Вернувшись къ отцу въ избу, онъ тяжело опустился на лавку и, задумчиво постучавъ по столу пальцами, сказалъ:

— Такъ...

Старый Жудра въ отвѣтъ только грустно покачалъ головой.

Они долго молчали, каждый занятый своими мыслями. Круглое, загорѣлое лицо Микоши съ бѣлыми усами и голубыми, свѣтившимися на темномъ лицѣ, глазами, было хмуро, сумрачно, какъ-будто на него легла темная тѣнь.

Вдругъ эта тѣнь сбѣжала, Микоша тряхнулъ головой и беззаботно сказалъ:

— Ничего! Справимся!..

Старикъ повеселѣлъ.

— Справимся, Микоша, что и говорить!—сказалъ онъ, постариковски хихикая себѣ въ бороду.—Сила въ тебѣ большая, не занимать стать!..

Микоша повелъ своими могучими плечами, потянулся.

— А что Анисава?—словно между прочимъ, притворяясь равнодушнымъ, спросилъ онъ.—Какъ она?..

Тетка Параня вдругъ загрохотала горшками у печи, пугливо оглянулась и зачѣмъ-то торопливо засѣменила вонъ изъ избы. Старикъ пересталъ смѣяться, отвернулся и уклончиво отвѣтилъ:

— Что ей? Живетъ!..

Микоша насторожился, подозрительно поглядѣлъ на отца. Помолчавъ немного, онъ снова спросилъ, измѣнившись въ лицѣ, какимъ-то не своимъ, глухимъ голосомъ:

— Перемѣнъ у ней никакихъ?..

Старикъ безпокойно завозился на своемъ мѣстѣ; его сѣдыя

брови хмуро нависли надъ глазами, онъ сказалъ, глядя въ сторону, недовольнымъ тономъ:

— Не знаю... Давно не видалъ...

Микоша больше не спрашивалъ. Лицо его опять покрыла темная тѣнь. Онъ постучалъ пальцами по столу и тихо сказалъ:

— Такъ...

II.

За все время военной службы у Микоши, кажется, не было ни одного дня, когда бы онъ не вспомнилъ, не подумалъ объ Анисавѣ. Жизнь на чужбинѣ, далеко отъ родныхъ мѣстъ, только и скрашивалась мыслью о томъ, что вотъ онъ окончитъ службу и опять увидитъ Анисаву. И когда онъ кончилъ службу и ѣхалъ съ Кавказа черезъ всю Россiю, на самый сѣверъ Архангельской губернiи, онъ радовался не тому, что возвращается домой, а что ѣдетъ къ Анисавѣ; если бы она переселилась куда-нибудь, онъ и не подумалъ бы ѣхать домой, а прежде всего отправился бы къ ней, хотя бы она жила на самомъ краю свѣта. Такъ Микоша любилъ Анисаву.

Онъ познакомился съ ней незадолго до того, какъ его взяли въ солдаты. Микоша шатался съ ружьемъ по берегамъ Ваги, въ прибрежныхъ лѣсахъ—и тамъ въ первый разъ увидѣлъ Анисаву; она ходила по лѣсу съ корзинкой и собирала грибы. Его поразилъ густо-черный цвѣтъ ея волосъ и горячiй блескъ ея большихъ черныхъ глазъ. На сѣверѣ дѣвушка съ черными волосами и черными глазами большая рѣдкость. Она къ тому же была еще и очень хороша собой; у нея были смуглыя, круглыя, какъ у маленькихъ дѣтей, щеки и небольшой ротъ съ красными, какъ кровь, губами, полный бѣлыхъ, крѣпкихъ, весело смѣющихся зубовъ, а кончикъ тонкаго носа былъ немного вздернутъ и придавалъ лицу задорное, проказливое выраженiе. Ей тогда уже было семнадцать лѣтъ, а она походила на маленькую дѣвочку со своими узкими плечами и тонкими руками и ногами, въ сво-

емъ короткомъ платьѣ пониже колѣнъ изъ краснаго двинскаго ситца.

Микоша наткнулся на нее въ самой гущинѣ лѣса; она сидѣла подъ сосной, перебирая въ корзинкѣ собранные грибы.

— Ты чья будешь, дѣвушка?—спросилъ онъ, усаживаясь на землѣ около нея.

Дѣвушка спокойно и довѣрчиво посмотрѣла на него своими большими, блестящими глазами и непринужденно сказала:

— Я изъ города. Купца Барчана.

— А какъ звать тебя?

— Анна. Дома меня зовутъ Анисавой...—Она вдругъ засмѣялась, показывая всѣ свои зубы и, наклонивъ голову къ плечу, лукаво посмотрѣла на него.—А я знаю, чей ты!..

— Ну?—удивился Микоша.—Чей?

— Жудры! Микоша, изъ Заборья!..

— Вѣрно!..

— Что это у тебя?—она потрогала его сумку.

— Дичь!

Микоша вывалилъ на землю изъ своей сумки гагару, кулика, пару рябчиковъ, тетерку. Дѣвушка брала мертвыхъ птицъ въ руки, гладила ихъ безжизненно повисшія шейки и крылышки, и ея глаза наполнялись слезами.

— Бѣдненькія вы мои!—сказала она, кривя губы отъ жалости.—Неужто тебѣ не жалко убивать ихъ?..

Микоша никогда раньше не думалъ объ этомъ—жалко или не жалко: убивалъ птицъ для того, чтобы было что ѣсть; а теперъ, при видѣ жалости Анисавы, у него самого защемило въ сердцѣ. Убитыя птицы въ ея рукахъ имѣли какой-то особенно жалостливый видъ, и ему первый разъ въ жизни пришло въ голову: «А вѣдь и вправду жалко!..»

Но сознаться въ этомъ было почему-то стыдно, и онъ засмѣялся и сказалъ, бахвалясь:

— Чего жалко? Она, дичь-то, на то и существуетъ, чтобы ее убивать!..

Анисава посмотрѣла на него, сдвинувъ брови, потомъ поднялась и взяла свою корзинку. Видно было, что она разсердилась: ея лицо точно загорѣлось, глаза гнѣвно засверкали.

— Не люблю охотниковъ!—сказала она рѣзко, отворачиваясь отъ него.—Не встрѣчайся мнѣ тутотка больше!..

И торопливо пошла лѣсомъ, не оглядываясь. Микоша, смущенный, красный, укладывалъ дичь въ сумку и сердито бормоталъ:

— Не любишь—и не надо!.. Ишь какая!..

Потомъ онъ долго стоялъ на мѣстѣ и недоумѣнно смотрѣлъ ей вслѣдъ. Его и злость разбирала на дѣвушку, что она за такой пустякъ разсердилась на него, и жалко было, что она уходила отъ него и не хотѣла съ нимъ больше встрѣчаться.

Онъ нерѣшительно переступалъ съ ноги на ногу, слѣдя за мелькавшей среди сосновыхъ стволовъ маленькой красной фигуркой удалявшейся Анисавы. Вотъ она повернула въ сторону, скрылась за группой тѣсно стоявшихъ одна около другой сосенъ, снова показалась и опять спряталась за молодымъ соснякомъ. Микоша подождалъ,—нѣтъ, больше она не показывалась, словно провалилась сквозь землю.

Онъ нехотя, съ какимъ-то смутнымъ сожалѣніемъ повернулся и пошелъ домой, въ глубокой задумчивости шагая бездорожьемъ прямо черезъ лѣсъ. Ему стало скучно, досадно; онъ бормоталъ про себя, недовольно хмурясь:

— Вотъ ты какая, Анисава Барчанова!.. За что разсердилась-то, скажи на милость!..

Это казалось смѣшнымъ и глупымъ, она разсердилась на него за то, что онъ стрѣляетъ дичь! Завтра же онъ опять пойдетъ и будетъ стрѣлять, чтобы она не думала, что онъ ее испугался! Пускай сердится, пусть съ нимъ не встрѣчается,—что она ему?..

Но дѣло оказалось серьезнѣй, чѣмъ онъ думалъ. Всю ночь онъ не спалъ, все припоминалъ свой разговоръ съ Анисавой, злился на нее и въ то же время чувствовалъ себя въ чемъ-то

виноватымъ передъ ней. И передъ нимъ неотступно стояло ея лицо—такое яркое, съ черными волосами, черными глазами и красными губами; Анисава лукаво смотрѣла на него и смѣялась, блестя бѣлыми ровными зубами и какъ-будто спрашивала: что, будешь еще стрѣлять?..

— И буду! Буду!—злобно бормоталъ Микоша, ворочаясь безъ сна съ боку на бокъ.

А на другой день, собираясь въ лѣсъ, онъ уже взялъ было ружье въ руки, но подумалъ, подумалъ и поставилъ его въ уголъ. На этотъ разъ онъ пошелъ въ лѣсъ безъ ружья...

Онъ долго блуждалъ по лѣсу, пока нашелъ Анисаву. Когда завидѣлъ, наконецъ, издали среди сосенъ ея красное платье, въ груди у него что-то радостно дрогнуло, и отъ волненія даже духъ захватило. Онъ остановился, изумленный этимъ страннымъ, до сихъ поръ невѣдомымъ ему чувствомъ. Онъ былъ радъ видѣть ее, но ему отчего-то было страшно подойти къ ней.

Дѣвушка шла ему навстрѣчу, онъ стоялъ и ждалъ. Но когда она приблизилась,—онъ отступилъ въ сторону, чтобы дать ей дорогу.

Анисава прошла мимо съ опущенной головой, не взглянувъ на него; можно было подумать, что она вовсе не видѣла его.

Микоша тихо окликнулъ ее:

— Анисава...

Дѣвушка вздрогнула, но не остановилась и не оглянулась; она продолжала итти и глядѣла въ землю, точно внимательно искала грибы. Но она двигалась какъ-то неловко, споткнулась разъ и другой,—видно было, что она чувствовала на себѣ взглядъ Микоши.

Онъ подождалъ немного и снова окликнулъ ее погромче:

— Анисава! Постой, дѣвушка!..

Анисава и на этотъ разъ не остановилась, но замедлила шаги.

Микоша бросился нагонять ее.

— Погоди что ли! — говорилъ онъ на ходу. — Сказать тебѣ надо!..

Дѣвушка, наконецъ, остановилась и хмуро, исподлобья смотрѣла на него своими горячими глазами.

— Чего давеча разседилась?—сказалъ Микоша, подходя къ ней.—Я, вѣдь, такъ, сдуру. Мнѣ, поди, самому жалко...

— Такъ что?—сказала съ усмѣшкой Анисава.—Жалко, а убиваешь?..

Микоша задыхался, ему стало нестерпимо жарко, онъ снялъ шапку и вытеръ рукавомъ рубахи вспотѣвшій лобъ. Онъ былъ смущенъ, не зналъ, что еще ей сказать, глупо ухмылялся и безпомощно топтался на мѣстѣ.

Анисава снизу вверхъ посмотрѣла на его огромную фигуру и пожала плечами, сдѣлавъ движеніе, какъ-будто хотѣла итти. Микоша, уловивъ ея движеніе, торопливо сказалъ:

— Если не хочешь, такъ я и не буду больше...

— Чего не будешь?

— Да стрѣлять...—Микоша замялся и смущенно потупился.—Только бы ты не сердилась...

Анисава улыбнулась:

— Не буду сердиться...

— Я вонъ безъ ружья хожу,—сказалъ Микоша въ подтвержденіе своего обѣщанія.

— Вижу,—сказала Анисава и почему-то покраснѣла.

Они пошли вмѣстѣ. Микоша держался немного позади, точно не смѣлъ итти съ ней рядомъ.

Теперь они уже не чувствовали себя такъ просто, спокойно, какъ вчера. Оба они были смущены, испытывали какую-то неловкость и молчали, боясь взглянуть одинъ на другого. Дѣвушка то вспыхивала, то блѣднѣла, отворачивалась и смотрѣла въ землю, какъ-будто искала грибы. Но ей, повидимому, ужъ было не до грибовъ.

Передъ Анисавой вдругъ выросла изгородь изъ тонкихъ жердей; она замѣтила ее только, когда подошла къ ней вплотную, Дѣвушка обернулась къ Микошѣ и робко взглянула на него своими большими, недоумѣнно раскрывшимися глазами, и ея

губы тронула блѣдная улыбка. Она невольно протянула руки къ продолжавшему двигаться на нее Микошѣ, точно обороняясь, и уронила корзинку, изъ которой вывалились на землю всѣ ея грибы.

Микоша тоже усмѣхнулся кривой, растерянной усмѣшкой. Онъ взялъ ее руки и зачѣмъ-то потянулъ дѣвушку къ себѣ. Глаза Анисавы стали еще больше, улыбка сбѣжала съ ея побѣлѣвшихъ губъ. Она закрыла глаза и, точно внезапно лишившись силъ, вся поникла и повисла у него въ рукахъ.

— Анисавушка... сердце мое...—сказалъ Микоша и поцѣловалъ ее въ губы.

Дѣвушка затихла, замерла, казалось вовсе не дышала. Потомъ вдругъ на ея щекахъ вспыхнулъ горячій румянецъ, она стала вырываться изъ его рукъ, застыдившись.

— Пусти... Будетъ...

Микоша выпустилъ ее. Она опустилась тутъ же, у изгороди, закрыла лицо руками и заплакала. Онъ стоялъ передъ ней съ глубоко виноватымъ видомъ, не понимая, какъ все это случилось. Онъ пробормоталъ первое, что ему пришло на умъ, чтобы утѣшить дѣвушку:

— Грибы твои я соберу...

Онъ присѣлъ на корточки и сталъ собирать грибы въ корзинку. Анисава перестала плакать, вытерла лицо передникомъ и стала ему помогать. Одинъ большой грибъ она выкинула, сказавъ:

— Червивый...

Микоша подобралъ его, осмотрѣлъ и снова положилъ въ корзинку:

— Не весь червивый. Пригодится...

Анисава улыбнулась; ярко засвѣтились улыбкой ея черные, еще мокрые отъ слезъ глаза.

— Пускай! — согласилась она. — Вправду, пригодится...

Обоимъ вдругъ стало легко и весело. Точно все дѣло было въ этомъ грибѣ, представлявшемъ собой какое-то большое недо-

умѣніе; теперь это недоумѣніе разрѣшилось, и тяжесть, неловкость, связывавшія ихъ нѣсколько минутъ тому назадъ, пропали. Они какъ-будто были давно-давно знакомы и близки...

Они стали встрѣчаться въ лѣсу каждый день. Микоша уже зналъ, почему его такъ тянуло къ этой дѣвушкѣ и отчего онъ съ ранняго утра начиналъ искать ее въ окрестныхъ лѣсахъ. Анисава тоже стала понимать, что не за одними только грибами ей хотѣлось ходить въ лѣсъ, и уже не плакала, когда Микоша ее цѣловалъ. Объ ихъ встрѣчахъ никто не зналъ; одинъ лѣсъ былъ свидѣтелемъ ихъ тайной помолвки.

Но отцу Анисавы скоро все стало извѣстно. Какъ онъ узналъ—для дѣвушки осталось неразрѣшимой загадкой. Она, впрочемъ, не думала долго отъ него скрывать свою помолвку съ Микошей и не только не стала отпираться, но тотчасъ же твердо заявила о своемъ желаніи стать его женой.

Купецъ Барчанъ былъ старикъ крутого нрава; всѣ въ домѣ— и его жена, и приказчики въ лавкѣ, и работники—трепетали передъ нимъ, точно онъ былъ ихъ неограниченнымъ владыкой. Одна Анисава, любимица старика, не боялась отца и часто поступала наперекоръ ему, проявляя такое же упорство и своеволіе, какими отличался и самъ Барчанъ.

Старикъ не хотѣлъ и слышать объ ея свадьбѣ съ Микошей и приказалъ выбросить эту дурь изъ головы, потому что она— дочь купца и съ хорошимъ приданымъ, а онъ—мужикъ и нищій. Анисава на это спокойно возразила, что не ему выходить замужъ, а ей, и она выйдетъ за того, кто ей любъ, а не за того, на кого онъ ей укажетъ.

Купецъ хорошо зналъ свою дочь и понималъ, что если ему и удастся смирить ее, то только самыми крутыми мѣрами. И онъ заперъ ее въ горницѣ и цѣлый мѣсяцъ продержалъ взаперти.

Но въ первый же день освобожденія, когда она притворилась смирившейся и купецъ снялъ замокъ съ ея комнаты, она ушла въ Заборье, къ Микошѣ и оттуда прислала отцу записку, въ

которой написала, что не вернется къ нему больше, если онъ не позволитъ ей выйти замужъ за Микошу.

Купцу ничего не оставалось, какъ тоже пуститься на хитрости. Онъ сдѣлалъ видъ, что согласенъ исполнить ея желаніе, и Анисава вернулась домой. Но старикъ старался оттянуть свадьбу, ожидая удобнаго случая отдѣлаться отъ Микоши, и случай этотъ скоро представился.

Микоша не долженъ былъ итти на военную службу, потому что былъ единственнымъ сыномъ и имѣлъ льготу; но въ томъ году ему какъ разъ исполнилось двадцать одинъ годъ, его вдругъ потребовали къ призыву и забрали въ солдаты. Это было, несомнѣнно, дѣло рукъ Баранча, пользовавшагося въ городѣ большимъ вліяніемъ.

Микоша принялъ этотъ ударъ твердо; три года съ лишнимъ— срокъ небольшой, можно было потерпѣть. Анисава обѣщала ему дожидаться его.

III.

Вечеромъ поѣхалъ Микошка съ отцомъ рыбачить. На сердцѣ у него было неспокойно, тревожно. Что съ Анисавой? Отецъ какъ-будто о чемъ-то умалчиваетъ, не договариваетъ; Микоша боялся разспрашивать его, чуя недоброе. Его томилъ страхъ; онъ не рѣшился въ этотъ день итти къ ней и отложилъ свиданіе на утро.

Вотъ, наконецъ, онъ опять видитъ эти яркія зори бѣлыхъ сѣверныхъ ночей, эту широкую гладь тихой Ваги, въ которой точно опрокинулись внизъ и пылающее небо, и высокіе песчаные, розовые отъ зари берега съ темнѣющими на нихъ сосновыми и еловыми лѣсами. Лодка тихо подвигалась противъ теченія, Микоша глядѣлъ по сторонамъ и самъ удивлялся тому, что не испытывалъ никакой радости при видѣ родныхъ мѣстъ. Тревожныя мысли объ Анисавѣ не оставляли его; ужъ лучше было бы сегодня пойти къ ней и все узнать. Можетъ быть, ничего

худого нѣтъ, она ждетъ его и попрежнему любитъ, а онъ понапрасну будетъ мучиться всю ночь!

Микоша работалъ веслами, а старый Жудра сидѣлъ на рулѣ и молча курилъ трубку. Онъ поглядывалъ на сына, временами улыбался, радуясь, что тотъ, наконецъ, вернулся, временами хмурился и сокрушенно качалъ головой какимъ-то своимъ, видимо, непріятнымъ мыслямъ. Видно было, что ему хотѣлось что-то сообщить сыну, и онъ не зналъ, какъ и съ чего начать. Разъ онъ даже крякнулъ и отплюнулся, приготовившись говорить, но ничего не сказалъ и снова вложилъ въ ротъ свою трубку. Микоша опустилъ весла и выжидательно посмотрѣлъ на него.

— Ты чего?—спросилъ онъ отца.

Старикъ помолчалъ и вдругъ спросилъ, вынувъ изо рта трубку:

— Савоську Кандина знаешь?

Микоша подумалъ, вспомнилъ:

— Что на Перевозѣ черной бакалеей торговалъ? Знаю.

— Лавку-то свою, слышь, закрылъ!—сообщилъ почему-то съ значительнымъ видомъ Жудра. — Теперь у купца Барчана въ приказчикахъ служитъ.

Микоша при упоминаніи имени Барчана насторожился. Но старикъ снова засосалъ свою трубку и молчалъ.

— Ну, такъ что?—нетерпѣливо спросилъ Микоша.—Ты это къ чему?

— Ни къ чему. Такъ,—уклончиво сказалъ старикъ, отвернувшись.

У Микоши тоскливо заныло сердце. Хитритъ старикъ, что-то знаетъ и не хочетъ сразу сказать. Видно, въ самомъ дѣлѣ съ Анисавой что-то случилось.

Савоська Кандинъ, какимъ помнилъ его Микоша, былъ худой, некрасивый, желтолицый парень, имѣвшій въ Заборьѣ черно-бакалейную торговлю, тихонько наживавшій и копившій свои копейки. Почему онъ закрылъ свою лавку и перешелъ на службу

къ Барчану? Отчего старый Жудра нашелъ нужнымъ и съ такимъ значительнымъ видомъ сказать ему объ этомъ?

Микоша взмахнулъ два-три раза веслами и, съ сердцемъ бросивъ ихъ, сказалъ:

— Да ты что знаешь-то? Говори, не бойся!

Старикъ всполошился, заволновался:

— Что знаю? Про что?

— Да про Анисаву!

Жудра разсердился.

— Что присталъ со своей Анисавой? Ничего я про нее не знаю! Сказывалъ ужъ!

Микоша покачалъ головой, поднялъ весла и съ силой ударилъ ими по водѣ. Больше они не разговаривали.

Уловъ былъ у нихъ небольшой, обоимъ было неохота возиться. Вернулись они къ полуночи. Только что утренняя заря смѣнила ночную, небо становилось глубже и прозрачнѣе. Старый Жудра тотчасъ же завалился спать, а Микоша вышелъ на крыльцо. О снѣ онъ и думать не могъ—тоска больно сосала сердце.

Домъ Журды выходилъ крыльцомъ къ лѣсу. Надъ лѣсомъ свѣтилось уже почти утреннее ясное небо, а среди сосенъ стоялъ еще ночной полумракъ, и хвоя сосновая висѣла недвижно, овѣянная глубокой, сонной тишиной ночи.

Микоша сидѣлъ на крыльцѣ, уставившись задумавшимися глазами въ сумракъ лѣса. Что-то будетъ завтра? Какъ-то онъ увидится съ Анисавой?

Гдѣ-то на рѣкѣ жалобно, какъ маленькій, плачущій ребенокъ, кричала гагара: у-аа... у-аа... Съ другой стороны доносился стонущій крикъ кулика, точно кому-то сжимали горло, и онъ протяжно, мучительно стоналъ, прощаясь съ жизнью. Микошѣ казалось, что это онъ самъ стонетъ, его горло что-то душило, какъ будто цѣпкіе, горячіе пальцы.

Вдругъ онъ услыхалъ донесшійся изъ-за ближайшихъ сосенъ тихій шорохъ, словно тамъ крался кто-то, прячась за стволами деревьевъ. Ему даже показалось, что въ лѣсу что-то метнулось

отъ одной сосны къ другой и пропало. Онъ долго вглядывался въ сумракъ лѣса, но ничего не увидѣлъ; и шороха больше не было слышно.

Охваченное волненіемъ сердце Микоши уже не могло успокоиться. Онъ сошелъ съ крыльца и направился къ лѣсу.

Жуткая тишь стояла въ сонномъ, темномъ лѣсу. Сухой ягель подъ ногами Микоши хрустѣлъ въ этой тишинѣ такъ, словно онъ ступалъ по валежнику.

Микоша прошелъ лѣсомъ шаговъ двадцать, посмотрѣлъ кругомъ, послушалъ; лѣсъ былъ рѣдкій, далеко видно было между сосенъ; нѣтъ, никого тамъ не было. Онъ повернулъ назадъ, къ дому. Около самой опушки онъ вдругъ поднялъ голову, словно его что-то толкнуло, и увидѣлъ прямо передъ собой Анисаву.

Она стояла неподвижно, прижавшись спиной къ соснѣ, и смотрѣла на него большими, темными, жутко блестѣвшими глазами.

Это была совсѣмъ не та Анисава, какой онъ зналъ ее три года съ лишнимъ назадъ. Она какъ будто выросла, стала выше, тоньше, стройнѣй; круглыхъ щекъ ея уже не было, лицо было тонкое, худое, блѣдное, и, казалось, почти половину его занимали широко раскрытые, запавшіе, темнѣвшіе, точно провалы, глаза. Она совсѣмъ была не похожа на ту, прежнюю Анисаву, но она, казалась красивѣе, трогательнѣе, святѣе; Микоша невольно подумалъ, глядя на нее: «Какъ Божья Матерь въ соборѣ».

Они смотрѣли другъ на друга удивленно, точно не вѣря своимъ глазамъ. Анисава тяжело дышала, губы ея дрожали и кривились.

— Тебя дома не было,—сказала они тихо, опуская голову.— Я давно здѣсь дожидаюсь.

— Рыбачили съ отцомъ,—объяснилъ свое отсутствіе Микоша.—Только сейчасъ вернулись.

Онъ поглядѣлъ на нее и сказалъ съ грустной усмѣшкой:

— Вотъ ты какая, Анисава!

— Перемѣнилась?—она подняла на него затуманенные сле-

зами глаза.—Ты тоже,—сказала она съ застѣнчивой улыбкой.— Тяжело было служить?

— Нѣтъ, сказать нельзя.—Микоша подумалъ и добавилъ смущенно.—Безъ тебя было тяжело, вотъ что.

Анисава снова опустила голову. Микоша увидѣлъ, какъ слезы, переполнивъ ея глаза, побѣжали по щекамъ. Онъ тихо спросилъ:

— Что жъ, Анисавушка? Не рада?

Анисава вся затрепетала, подалась впередъ, точно хотѣла броситься къ нему на грудь, и отвернулась, покачавъ головой. Она чуть слышно сказала, потупившись:

— Рада.

Микоша подвинулся къ ней и взялъ ее за руку; она руки не отнимала и все стояла съ опущенной головой. Онъ осторожно потянулъ ее къ себѣ, Анисава уклонилась и высвободила свою руку. Микоша удивленно спросилъ:

— Что жъ ты, Анисавушка?

Анисава молчала. Микоша криво усмѣхнулся.

— Аль не милъ сталъ, Анисава?

Она молча покачала головой.

— Такъ что жъ?

— Я замужемъ,—тихо сказала Анисава и заплакала, закрывъ рукавомъ глаза.

Микоша точно ожидалъ этого отвѣта и, казалось, совсѣмъ не удивился. Онъ только тихо сказалъ:

— Такъ,—и сталъ разрывать на землѣ ногой опавшія сосновыя иглы.

Потомъ, помолчавъ, спросилъ:

— Какъ же, Анисава? Значитъ, не дождалась?

Анисава, плача, стала объяснять:

— Тебя долго не было. Вѣдь, три года—много времени.

Микоша грустно согласился:

— Да, много.

— Ждала, ждала, — говорила Анисава, не переставая плакать.—Тяжело было, скучно, а все жъ думала дождаться.

— Думала?

— Клянусь Богомъ! Любъ ты мнѣ, Микоша, и посейчасъ! Сердце разрывается.

Она заплакала еще сильнѣе. Микоша недовѣрчиво спросилъ:

— Что жъ не дождалась, коли любъ?

Анисава заломила пальцы.

— Не знаю,—сказала она, недоумѣнно качая головой.—Отецъ корилъ, ругалъ, говоритъ: «твой Микоша о тебѣ и думать забылъ, поди, другую на чужой сторонѣ нашелъ, вѣрно, и домой не вернется, а ты, дожидаючись его, въ старыхъ дѣвкахъ останешься». А отъ тебя, какъ на грѣхъ, и вѣстей никакихъ не получала.

— Писалъ, вѣдь!—перебилъ ее Микоша.—Каждый мѣсяцъ письмо посылалъ!

— Теперь-то знаю, что писалъ. Отецъ пряталъ твои письма, не давалъ. Узнала о нихъ только, какъ замужъ вышла.

— У старика моего что не спросила? Онъ-то зналъ, что вернусь.

— Ходила, спрашивала. Сказалъ, что ты ничего не пишешь. Видно, моего отца побоялся. Ужъ какъ плакала я, Микоша, какъ убивалась, когда узнала, что писалъ ты мнѣ! Головой о стѣны билась. Да ужъ поздно было.

Микоша стоялъ, какъ пришибленный и, казалось, ничего не понималъ; простодушное, круглое лицо его выражало только одно печальное недоумѣніе.

— Давеча узнала, что ты вернулся, какъ ножъ въ сердце!—продолжала, плача, Анисава.—Мужняя я теперь, другого жена, не сронить бы мнѣ съ головы вѣнца святого, а не могла стерпѣть, пришла, видишь, хоть посмотрѣть на тебя. Ой, Микоша, Микоша, какъ тяжко мнѣ видѣть тебя! Не мой, вѣдь, ты и никогда не будешь моимъ!

Она вся согнулась отъ рыданій, потомъ выпрямилась съ искаженнымъ лицомъ, протянула руки и упала къ нему на грудь, забившись всѣмъ тѣломъ, какъ подстрѣленная птица.

У Микоши по щекамъ ползли слезы. Онъ прижалъ ее къ себѣ, потомъ поднялъ на руки, посмотрѣлъ ей въ лицо и тихо поставилъ на землю.

— Эхъ, Анисава! Анисава!—сказалъ онъ жалобно.—Что ты надѣлала, Анисава!

Анисава затихла и молча вытирала концомъ своей шали глаза. Помолчавъ, Микоша глухо спросилъ:

— Кто мужъ-то?

Анисава опустила голову.

— Савелій Кандинъ,—сказала она почти шопотомъ, отворачиваясь.

— Ага!—сказалъ Микоша съ злой усмѣшкой.—Савоська-торговецъ! Подстать твоему отцу!

Анисава, какъ-будто оправдываясь, ломала пальцы:

— Онъ человѣкъ хорошій, добрый, дѣтей любитъ,—она сжала на груди руки и порывисто повернулась къ Микошѣ.—Да не любъ, не любъ онъ мнѣ, Микоша! Бросила бы, ушла бы, кабы не грѣхъ!

— Гдѣ ужъ!—смѣхнулся Микоша.—Коли дѣти есть. Много ль дѣтей?

— Двое. Мальчишка да дѣвченка. Только и радости, что въ нихъ.

Микоша покорно опустилъ голову, вздохнулъ.

— Значитъ—не судьба. Терпи, Анисава.

Анисава опять заплакала.

— Ужъ ты прости, Микоша, меня, глупую, несчастную. Не знала я, не вѣдала.

— Богъ проститъ,—хмуро сказалъ Микоша.

Онъ повернулся и, не взглянувъ больше на нее, пошелъ къ своему дому.

Съ крыльца онъ увидѣлъ, какъ Анисава стояла у сосны и плакала, прислонившись къ ней плечомъ, маленькая, несчастная. У Микоши больно сжалось сердце, подогнулись колѣни; онъ съ трудомъ переломилъ себя и вошелъ въ избу.

Жудра, какъ и всѣ старики, спалъ очень чуткимъ сномъ; при входѣ сына онъ проснулся и приподнялся на локтѣ.

— Чего ты?—спросилъ онъ, вглядываясь въ лицо Микоши, испугавшись его хмураго вида.—На тебѣ лица нѣтъ, Микоша!

Микоша криво усмѣхнулся.

— Анисава тутъ была,—сказалъ онъ, отворачиваясь, и тяжело опустился на лавку.

Старикъ безпокойно завозился у себя на лавкѣ, сѣлъ.

— Ну?

— Что—ну! Самъ не знаешь, что ли?—разсердился Микоша.— Замужемъ она, вотъ тебѣ и ну! Зачѣмъ не сказалъ ей, какъ приходила, что получалъ отъ меня письма?

Жудра смущенно закряхтѣлъ.

— Дѣло, видишь, такое было,—сказалъ онъ, искоса боязливо поглядывая на сына.—Пришелъ къ намъ купецъ, Барчанъ самый, говоритъ: не сказывай Анисавѣ, дочкѣ-то, про своего сына, гдѣ да что съ нимъ, да вернется ли, говори, молъ—ничего не знаю, а я тебѣ за то изъ своей лавки крупы, муки, чаю, сахару, все, что нужно, дамъ, приходи, проси, отказу не будетъ. Подумалъ я, подумалъ, что дѣлать? Объ Анисавѣ ты, почитай, ни разу не спрашивалъ, думаю, забылъ ты о ней, а если не забылъ, такъ купецъ все равно не отдастъ за тебя, мужика, дочку свою. Опять же и намъ съ Параней худо приходилось, хорошо бы, думаю, крупки немного у купца взять, все легче будетъ. Ну, я и того... ладно, говорю, скажу.

Микоша молча слушалъ, качая головой. Потомъ сказалъ безъ злобы, съ горькой покорностью:

— Значитъ, продалъ ты меня за крупу? Такъ, что ли?

Старикъ виновато опустилъ голову.

— Вижу, что продалъ. Параня говорила: не надо. Грѣхъ попуталъ. Самому жалко было. Пришла дѣвушка—лица на ней нѣтъ, вся дрожитъ, словно въ лихорадкѣ; о тебѣ спрашиваетъ, а губы-то у ней такъ и прыгаютъ. Сказалъ я ей, какъ купецъ наказывалъ, она и сѣла на лавку, какъ подстрѣленная, смо-

тритъ, молчитъ, а слезы по лицу такъ и побѣжали, такъ и побѣжали. Потомъ встала, ничего не сказала и пошла вонъ изъ избы. Схватило меня за сердце, жалко стало, а тутъ еще Параня: что ты, говоритъ, сдѣлалъ? выдастъ ее купецъ замужъ,— Микоша, поди, убиваться будетъ, не гоже намъ-то съ тобой въ его дѣло мѣшаться! Что жъ, думаю—не гоже, такъ не гоже! Я на крыльцо за ней, за Анисавой—дѣвушка,—кричу,—постой, слышь, погоди, что я скажу тебѣ! А она уже лѣсомъ идетъ. Оглянулась, посмотрѣла, вся въ слезахъ, махнула рукой и пошла. И слушать больше не хотѣла. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Онъ погладилъ свою бороду, покачалъ головой и прибавилъ, бормоча про себя:

— Кабы зналъ, что такое дѣло выйдетъ, не бралъ бы грѣха на душу.

Микоша, казалось, не слушалъ его, смотрѣлъ въ одну точку и стучалъ пальцами по столу. Когда старикъ умолкъ, онъ растянулся на лавкѣ, лицомъ внизъ и заплакалъ, какъ малый ребенокъ. Жудра поглядѣлъ на него, досадливо почесалъ въ бородѣ и со вздохомъ сказалъ:

— Бѣда, вишь, какая. Ахъ ты, Господи, Боже мой!

IV.

Три дня Микоша пролежалъ на лавкѣ, почти не вставая; онъ лежалъ такъ тихо, что старая тетка Параня пугалась и подходила послушать—дышитъ ли, живъ ли еще парень.

— Чего такъ-то убиваться?—говорила она, гладя его своей сухой, костлявой рукой по головѣ, какъ маленькаго мальчика.— Ну, бѣда, случилась—не пропадать же! Можетъ, другую найдешь, еще получше.

— Тоска!—отвѣчалъ Микоша.—Такъ, тетка, сосетъ, такъ сосетъ!

И онъ начиналъ стонать и скрежетать зубами, точно его что-то раздирало внутри.

Ночами Микоша ни на минуту не засыпалъ, все лежалъ съ открытыми глазами и о чемъ-то думалъ, думалъ. Иногда онъ начиналъ разговаривать самъ съ собой. Старый Жудра просыпался, приподымался и со страхомъ смотрѣлъ на сына. Микоша говорилъ:

— Аль не вѣрила, что люблю? Анисавушка? Бѣда, вѣдь, вотъ какая,— не забыть мнѣ тебя, не вырвать изъ сердца вонъ. Любъ, говоришь,— а не дождалась. Зачѣмъ сказала, что любъ? Замучился я, совсѣмъ, вѣдь, замучился. Уйди лучше! Отъ грѣха уйди! Къ Савоськѣ своему уйди! О-о.

Потомъ слышались тяжелые вздохи, тихій вой—Микоша плакалъ. Старикъ издали крестилъ сына, тревожно бормоча:

— Совсѣмъ парень тронулся. Изведется, пропадетъ, поди.

На третій день къ вечеру Микоша всталъ съ лавки, встряхнулся, полоснулъ себѣ въ лицо водой изъ рукомойника и, утеревшись, хмуро, глядя въ сторону, сказалъ:

— Будетъ! Пойдемъ рыбалить, старикъ!

Жудра обрадовался:

— Ну, вотъ! И слава Богу! Что горевать-то? Добро бъ о чемъ путномъ, а то...

— Помолчи!—сердито оборвалъ его Микоша.—Чего мелишь!

— Ну-ну... не буду,—спохватился старикъ.—Я ничего... Я такъ...

Поѣхали рыбалить.

До утра пробыли на рѣкѣ,—Микоша за всю ночь не проронилъ ни слова. Сидѣлъ въ лодкѣ темный, тихій, словно его тутъ и не было. Жудра говорить уже боялся, только искоса посматривалъ на него и вздыхалъ.

Когда пріѣхали утромъ домой, Микоша спать не легъ, а пошелъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлся съ Анисавой. Сѣлъ подъ той самой сосной, гдѣ она стояла и плакала, и такъ просидѣлъ неподвижно, съ остановившимися

глазами, точно въ столбнякѣ, до полудня, пока отецъ не позвалъ его обѣдать.

Такъ и пошло. Старикъ не узнавалъ сына, его словно подмѣнили. Прежде былъ онъ веселый, живой, разговорчивый, теперь ходилъ темный, нахмуренный, двигался медленно, какъ во снѣ, и все молчалъ, точно онѣмѣлъ. Отъ работы онъ не отказывался, ѣздилъ съ отцомъ на рыбную ловлю, по дому дѣлалъ то то, то другое,— но вяло, какъ неживой, какъ будто въ немъ душа уже умерла и только одно тѣло продолжало жить и двигаться.

Жудра ждалъ,— переболѣетъ парень, поправится; не можетъ же быть, чтобы онъ уже на всю жизнь остался такимъ. Но проходили дни, недѣли, прошелъ мѣсяцъ,— Микоша оставался все такимъ же сумрачнымъ, молчаливымъ, видимо, мучился, тосковалъ, худѣлъ, терялъ силы. Старикъ разъ чуть не заплакалъ, когда увидѣлъ, какъ Микоша, нарубая дровъ для кухни, воткнулъ въ колоду топоръ, поднялъ ее немного и опустилъ на землю; видно было, что не могъ поднять выше, силъ не было. А прежде подымалъ и клалъ себѣ на плечо цѣлую сосну въ четыре сажени длиной!

Еще тяжелѣй старику было видѣть сына, когда онъ сидѣлъ безъ дѣла, весь погруженный въ свою тоску, разрушавшую, точно злая болѣзнь, его большое, здоровое тѣло. Чтобы отвлечь его отъ тяжелыхъ думъ, Жудра какъ-то напомнилъ ему:

— Взялъ бы, паря, ружьишко, дичи бы пострѣлялъ. Что такъ-то зря сидѣть? Скучно, небось.

Микоша безпрекословно слушался отца и дѣлалъ все, что тотъ ни говорилъ ему. И на этотъ разъ онъ покорно поднялся, взялъ ружье, закинулъ за плечо,— но вдругъ глаза его странно оживились, точно онъ что-то вспомнилъ, и губы его дернула жалкая усмѣшка.

— Анисава не велѣла,— пробормоталъ онъ про себя, и, снявъ съ плеча ружье, тихо поставилъ его въ уголъ.

Старикъ не слыхалъ, что онъ сказалъ, и повторилъ громче, какъ глухому:

— Дичи, говорю, пострѣляй!

Микоша тяжело посмотрѣлъ на него, отвернулся и молча сѣлъ на лавку, опустивъ на грудь голову.

Вечеромъ въ этотъ день Микоша не захотѣлъ рыбалить,— старикъ уѣхалъ одинъ. Когда Жудра вернулся,—уже утромъ,— Микоши дома не оказалось. Исчезло и его ружье. Старикъ подумалъ, что сынъ все-таки пошелъ на охоту и сталъ терпѣливо ждать его.

Но прошелъ цѣлый день, Микоша не приходилъ. Онъ явился только поздно вечеромъ пьяный и безъ ружья.

Микоша прежде никогда не пилъ,—отецъ въ первый разъ видѣлъ его пьянымъ. Старикъ съ ужасомъ смотрѣлъ на сына, когда тотъ ввалился въ избу шатаясь и упалъ на лавку. Микоша бормоталъ что-то безсвязное и все махалъ рукой, точно отстраняя отъ себя что-то тяжелое, непріятное. Видно было, что и отъ вина ему не становилось легче; онъ шумно вздыхалъ, слвно ему было трудно дышать, и губы у него кривились отъ подступающей къ горлу тошноты.

Жудра постоялъ передъ нимъ, поглядѣлъ и тихо, строго сказалъ:

— Ты что же это, Микоша? Бога забылъ? А?..

Микоша безнадежно махнулъ рукой и отвернулся, ничего не сказавъ. Старикъ продолжалъ:

— Что? Небось, отъ вина еще хуже стало? Вѣрно говорю?

— Оставь!—крикнулъ Микоша съ сердцемъ и стукнулъ кулакомъ по столу.—Не терзай сердца, Богомъ прошу!

— Да ты зачѣмъ пьешь-то?—повысилъ голосъ и старикъ.— На какія деньги гулялъ? Гдѣ ружье дѣвалъ?

Микоша вынулъ изъ кармана и показалъ ему нѣсколько рублей: ружье, онъ, повидимому, продалъ и часть денегъ пропилъ.

— Отдай!—сказалъ старикъ сердито.—Сейчасъ отдай!

Микоша посмотрѣлъ на него и на деньги пьяными, мутными глазами, подумалъ и покачалъ головой

— Не отдамъ.

Онъ спряталъ деньги, поднялся и пошелъ къ двери. Его качало изъ стороны въ сторону, голова безпомощно болталась на шеѣ.

Жудра загородилъ ему дорогу, разставивъ руки.

— Куда? Нечего! Ложись спать, слышь?

— Пусти!—упрямо сказалъ Микоша, наступая на него.

— Не пущу!

Микоша злыми глазами уставился въ отца.

— Не пустишь? Старикъ, не вводи во грѣхъ!—онъ поднялъ надъ головой отца свой огромный кулакъ.—Пусти, а то ударю!

Жудра понялъ, что теперь Микошу не остановишь, и отступился. Онъ только вздохнулъ съ укоризной.

— Микоша, Микоша, что дѣлаешь, сынъ мой! Этакого сраму въ роду у насъ не бывало!

Микоша ушелъ.

Онъ долго плуталъ по лѣсу, пока не свалился. Его тотчасъ же сковалъ крѣпкій, мертвый сонъ.

Но черезъ полчаса онъ вдругъ проснулся, точно вспомнивъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, для котораго ушелъ изъ дому, всталъ и опять пошелъ.

Короткій сонъ не вытрезвилъ его, въ головѣ его еще больше мутилось, качало его еще сильнѣе. Онъ плакалъ отъ какой-то безсильной злобы, овладѣвшей его сердцемъ, билъ себя кулакомъ въ грудь и кому-то грозилъ:

— А-а! Постой! Посчитаемся!

На этотъ разъ онъ не блуждалъ и шелъ по прямой дорогѣ къ городу. Отъ Заборья до города было не больше версты, но Микоша подвигался медленно, и ему нужно было больше часу времени, чтобы сдѣлать этотъ путь.

Уже было совсѣмъ свѣтло, когда онъ вошелъ въ городъ. Высившаяся надъ маленькими деревянными домами церковь женскаго монастыря была окрашена розовымъ свѣтомъ утренней

зари, а въ стеклахъ купола ярко горѣлъ отблескъ уже близкаго солнца. Въ улицахъ было еще пусто, тихо, сонно, не слышно было даже собакъ, и ночные сторожа спали у первыхъ попавшихся воротъ, гдѣ ихъ застигнулъ неодолимый утренній сонъ.

Микоша ходилъ по улицамъ, не подымая головы, точно безъ всякой цѣли, и все грозился и сжималъ кулаки. Но у него цѣль была. На базарѣ онъ вдругъ подошелъ къ хорошо знакомому ему дому купца Барчана и со всего размаху ударилъ кулакомъ въ оконную раму. Стекла со звономъ мелкими осколками посыпались на землю. Микоша пошелъ къ другому окну и опять ударилъ кулакомъ по рамѣ, разбивъ всѣ стекла и тамъ. Въ домѣ послышался шумъ тревоги, кто-то крикнулъ:

— Кто тамъ? Что такое?..

Въ разбитомъ окнѣ появился купецъ Барчанъ—злой, суровый старикъ, съ нависшими надъ глазами сѣдыми бровями.

— А, это ты!—сказалъ онъ, узнавъ Микошу.—Стекла бьешь?.. Скандалишь?..

Микоша ударилъ себя кулакомъ въ грудь и, плача, закричалъ:

— Что ты со мной сдѣлалъ?.. Я тебя спрашиваю, что ты со мной сдѣлалъ?..

— Пошелъ! Пошелъ!—гнѣвно крикнулъ ему старикъ.— Слышь, убирайся, а то работниковъ разбужу!..

— Буди! Зови!..—Микоша снова ударилъ кулакомъ по рамѣ.—Что мнѣ твои работники, когда ты жизнь мою погубилъ!..

Изъ-за плеча купца вдругъ показалось блѣдное, испуганное лицо Анисавы. Она съ ужасомъ смотрѣла на Микошу.

— Анисава! Анисавушка!—крикнулъ ей Микоша и заплакалъ.—Видишь, пропадаю!..

Купецъ обернулся и оттолкнулъ дочь отъ окна. Микоша, заливаясь пьяными слезами, говорилъ:

— Разбудилъ тебя, Анисавушка?.. Напугалъ тебя, бѣдную?.. Ну, уйду, уйду... не буду... Пропадаю я, вѣдь, сама знаешь...

Онъ, шатаясь, пошелъ по улицѣ...

Дальше Микоша уже ничего не сознавалъ; онъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ города, какъ упалъ въ лѣсу, не дойдя до Заборья...

Проснулся онъ въ полдень отъ сильнаго жара, вдругъ охватившаго все его тѣло. Онъ вскочилъ, еще не придя въ себя, и въ первую минуту ничего не могъ понять. Кругомъ него шумѣло, гудѣло; сквозь густой дымъ едва можно было разглядѣть деревья. По землѣ и стволамъ сосенъ бѣжали огненные языки, слизывая сухую траву, мохъ, поѣдая съ трескомъ валежникъ и нижнія сухія вѣтви на соснахъ.

Горѣлъ лѣсъ.

Микоша оглядѣлся кругомъ: онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ огнемъ. Откуда-то сквозь ревъ пожара доносились человѣческіе крики, звонъ церковнаго набата. Вглядѣвшись въ дымъ, онъ увидѣлъ въ отдаленіи темныя фигуры, работавшія лопатами, бившія по горящимъ деревьямъ огромными сосновыми вѣхами. Пожаръ угрожалъ и городу и Заборью, и въ тушеніи пожара, видимо, принимало участіе все населеніе и деревни и города. Микоша бросился въ ту сторону, прыгая черезъ горящій валежникъ и бѣгущее по мху пламя.

Вдругъ недалеко передъ нимъ поднялся высокій огненный столбъ и съ ревомъ понесся прямо на него, охватывая по пути деревья отъ корней до вершинъ, выбрасывая вмѣстѣ съ чернымъ, густымъ дымомъ тучу бѣшено вертѣвшихся искръ. Микоша понялъ, что это загорѣлось смолье—сосны съ ободранной корой, густо покрытыя сырой смолой, приготовленныя для смолокуренія. Онъ метнулся вправо и увидѣлъ, что и огненный столбъ метнулся туда же; онъ кинулся въ другую сторону, и тамъ тоже бѣжала на него высокая, клубящаяся стѣна огня. Онъ заметался какъ звѣрь, окруженный со всѣхъ сторонъ облавой. Уже не было видно людей, не слышно было криковъ набатнаго звона; онъ былъ одинъ среди бушующаго моря огня и дыма.

«Зачѣмъ бѣгу?—мелькнуло у него въ головѣ.—Все равно—пропадать! Одинъ конецъ!..» Онъ на мгновеніе остановился, ози-

раясь кругомъ; глубокая, нестерпимая боль ужаса передъ надвигающейся страшной смертью пронизали все его тѣло. Передъ нимъ вдругъ всплыло блѣдное, съ большими глазами, лицо Анисавы, какимъ онъ видѣлъ его утромъ, и онъ закричалъ не своимъ, дикимъ, придушеннымъ голосомъ:

— Анисавушка! Пропадаю!..

Ничего не сознавая, охваченный безсмысленнымъ, животнымъ страхомъ, онъ бросился напроломъ, черезъ огонь, заслонивъ лицо рукой, съ воемъ, похожимъ на звѣриный ревъ. Ему сразу опалило волосы, обожгло руки; огненный вихрь захватилъ дыханіе, казалось, закружилъ его, понесъ. Онъ выскочилъ изъ полосы огня съ горящей рубахой, черный, обезумѣвшій, упалъ на горячую, обожженную землю и потерялъ сознаніе. Нѣсколько человѣкъ увидѣли его, подбѣжали, потушили на немъ тлѣвшую рубаху, оттащили подальше отъ пожарища...

Микоша очнулся, когда кругомъ уже было все тихо, не слышно было ни крика людей, ни шума пожара. Только дѣти оставались въ лѣсу, сторожа пожарище, чтобы отъ какой-нибудь тлѣвшей головни снова не загорѣлось.

У Микоши болѣли обожженныя руки, во рту было сухо-сухо, точно внутри у него все выгорѣло. Но въ сердцѣ дрожала тихая радость: живъ, ушелъ отъ огня!..

Кто-то сидѣлъ надъ нимъ; онъ сразу не могъ разобрать— кто: солнце сквозь хвои ударяло ему прямо въ глаза, и склонившееся къ нему лицо казалось охваченнымъ такимъ же краснымъ пламенемъ, черезъ какое онъ бѣжалъ въ горящемъ лѣсу. Онъ вспомнилъ это лицо: вѣдь, онъ видѣлъ его въ эту ночь въ разбитомъ окнѣ барчановскаго дома и потомъ—въ лѣсу передъ тѣмъ, какъ онъ бросился въ огонь! Онъ подумалъ немного и тихо, про себя произнесъ:

— Анисава...

Это была она. Молодая женщина смотрѣла на него тихими, печальными глазами, но замѣтивъ движеніе его губъ, она наклонилась къ нему и ласково улыбнулась.

— Ну, вотъ! Такъ-то лучше!.. — пѣвуче сказала она.— Подняться не можешь? Слабъ?..

Микоша ничего не отвѣтилъ и все смотрѣлъ на нее тихо, серьезно. Потомъ удивленно спросилъ:

— Ты откуда? Почему здѣсь?..

— Всѣ тутъ были. Весь городъ!—отвѣчала Анисава. — Пожаръ тушили... Вѣтеръ въ нашу сторону билъ, кабы не поработали, городъ сожгло бы. Страшно горѣло!..

— И ты тушила?

— И я. Съ мужемъ да съ отцомъ...

Микоша приподнялся и сѣлъ.

— А гдѣ мужъ-то?

— Послала домой воды да спирту принести, тебя оттирать думала... — она заботливо поглядѣла ему въ лицо. — Ну, что? Какъ?..

— Чего мнѣ!—сказалъ Микоша и отвернулся; помолчавъ немного, глухо спросилъ. — Сердится, поди, мужъ твой, что стекла давеча билъ?..

Анисава покачала головой.

— Нѣтъ. Онъ добрый. Жалѣетъ тебя. Вѣдь, не въ своемъ умѣ ты былъ...

— Пьянъ былъ...—хмуро сказалъ Микоша и со злобой прибавилъ.—А ты ему скажи, чтобы онъ меня не жалѣлъ! Не смѣетъ жалѣть!..

Анисава тихо притронулась рукой къ его плечу:

— Зачѣмъ пьешь, Микоша?.. Губишь ты себя...

Микоша съ сердцемъ дернулъ плечомъ, словно хотѣлъ сбросить ея руку.

— Не твоя бѣда!—грубо сказалъ онъ.—Вѣдь, и такъ пропалъ!

Но Анисава не снимала руки съ его плеча и все ближе склонялась къ нему грудью; и онъ вдругъ припалъ лицомъ къ ея мягкой бѣлой шали и заплакалъ, какъ маленькое, горько обиженное дитя.

— Анисавушка, не жить мнѣ безъ тебя!.. Какъ Богъ святъ!

Анисава тоже заплакала. Она не вытирала бѣжавшихъ по лицу слезъ и, плача, говорила:

— Что жъ мнѣ дѣлать, Микоша?.. Отъ мужа и дѣтей не уйти... Ошиблась, не дождавшись тебя—теперь муку несу, и ты изъ-за меня нести ее долженъ... Неужто, никогда не простишь?..

— Прощу, не прощу,— легче не станетъ. Не станетъ, Анисавушка!.. Эхъ!..—онъ оттолкнулъ ее отъ себя съ внезапно вспыхнувшей злобой.— Зналъ бы, такъ убилъ бы Савоську Кандина передъ солдатчиной!..

Анисава опустила голову.

— Онъ не виноватъ,—тихо сказала она.—Убей лучше меня...

Микоша поднялся на ноги, поднялась и Анисава. Микоша былъ еще слабъ, у него подгибались ноги,—онъ, видимо, угорѣлъ отъ лѣсного пожара.

— Тебя убить?—онъ покачалъ головой.—Никогда рука моя на тебя не поднимется!..

Анисава вдругъ насторожилась, вглядываясь въ чащу лѣса. Тамъ, шагахъ въ тридцати отъ нихъ, кто-то шелъ, треща сухимъ валежникомъ. Анисава крикнула:

— Ау, Савушка! Здѣсь мы!..

Къ нимъ приближался маленькій, тщедушный человѣкъ, съ желтымъ лицомъ, въ длиннополомъ сюртукѣ и картузѣ съ широкимъ козырькомъ. «Лучше не нашла мужа!»—подумалъ Микоша, и его губы искривились злой усмѣшкой.

— Что долго ходилъ?—спросила Анисава—Ужъ ничего и не надо...

— А я-то бѣжалъ, бѣжалъ,—задыхаясь, скороговоркой проговорилъ Савоська.—Запыхался, вспотѣлъ весь...

Онъ поглядѣлъ на Микошу какъ-то виновато, боязливо; Микоша, презрительно сощурившись, поглядѣлъ на него, потомъ на Анисаву и, точно отвѣчая своимъ мыслямъ, сказалъ:

— Значитъ, такъ...

— Я вотъ винца захватилъ,— почему-то смущаясь, заговорилъ снова Савоська, торопливо вытаскивая изъ бокового кармана своего сюртука бутылку и протягивая ее Микошѣ.— Можетъ, для подкрѣпленія силъ? А?..

— Не надо!— грубо отрѣзалъ Микоша.— Пей самъ! Да вотъ еще ее, жену-то свою угости!.. Не сладко, поди, жить ей съ тобой, поганымъ такимъ!..

Онъ круто повернулся и пошелъ прочь, весь дрожа отъ ревности, ненависти, злобы. Отойдя шаговъ на десять, остановился и крикнулъ Савоськѣ, погрозивъ кулакомъ.

— Гляди, лучше не попадайся! Убью!..

Анисава опустила голову и закрыла лицо руками. Савоська выронилъ изъ рукъ бутылку и посмотрѣлъ на него съ испуганнымъ недоумѣніемъ изъ-подъ козырька своего суконнаго картуза, словно спрашивая: чего ты? что я тебѣ сдѣлалъ?

Микошѣ стало совсѣмъ нехорошо на сердцѣ. Онъ почувствовалъ себя виноватымъ передъ ними, и оттого его разбирала злость противъ нихъ. Онъ скверно выругался и пошелъ, уже не оглядываясь, прямо черезъ пожарище, еще пахнувшее дымомъ и гарью.

V.

Какой-то захожій человѣкъ принесъ извѣстіе о войнѣ, всполошившее все Заборье. А на другой день уже было объявлено о мобилизаціи всѣхъ запасныхъ, которымъ нужно было немедленно собираться въ походъ.

Микоша вытащилъ изъ своего сундучка свой военный костюмъ, опять одѣлся солдатомъ, уложилъ все необходимое для дороги и вмѣстѣ съ отцомъ отправился въ городъ.

То, что ему нужно было итти на войну, нисколько не испугало и не опечалило его. Напротивъ, въ душѣ его точно сразу водворился миръ, глубокій покой, какъ будто ему представился, наконецъ, выходъ изъ его труднаго положенія. Съ его уходомъ

все обрывалось уже окончательно; можетъ быть, онъ и не вернется уже сюда больше, не будетъ мучить Анисаву и самъ перестанетъ мучиться. Казалось, сама судьба вмѣшалась въ это дѣло, чтобы уже навсегда оторвать ихъ другъ отъ друга. Это былъ тотъ рѣшительный ударъ, который сразу кладетъ всему конецъ и послѣ котораго въ душѣ становится пусто, тихо и спокойно, какъ бываетъ, когда умираетъ близкій человѣкъ и уже нельзя больше думать о томъ, чтобы спасти его.

Жалко было только старика-отца и тетку Параню. Старуха оплакивала его такъ, словно уже знала, что онъ не вернется. А старый Жудра крѣпился и виду не показывалъ, что ему тяжело. Онъ старался даже пошутить:

— Вотъ ты опять солдатъ!—говорилъ онъ, идя рядомъ съ сыномъ и стараясь попадать ему нога въ ногу.—Ну-ка, разъ, два!

Но потомъ отворачивался и, проглотивъ вздохъ, уже грустно добавлялъ:

— Недолго погостилъ ты у насъ, Микоша. Опять дожидаться тебя со старухой будемъ... Кабы помоложе я да покрѣпче былъ, пошелъ бы воевать тоже! Съ тобой пошелъ бы, Микоша!..

У Микоши лицо было сосредоточенное, серьезное, такое, съ какимъ онъ всегда стоялъ въ церкви во время службы. Онъ шелъ на большое, важное дѣло—гдѣ ужъ тутъ было говорить о разныхъ пустякахъ!..

Много народу собралось въ городѣ изъ окрестныхъ и дальнихъ деревень; часть запасныхъ расположилась въ казармахъ, другая—въ старомъ домѣ около парка, построенномъ для стоянки рекрутовъ. Микоша долженъ былъ отправляться на слѣдующій день съ первой же партіей...

Такъ какъ призваны были запасные разныхъ годовъ, то тутъ были и молодые, только-что окончившіе службу, и бородачи, давно уже потерявшіе военную выправку. Каждый постарался надѣть на себя то, что у него сохранилось отъ солдатской формы; у того на растрепанныхъ вихрахъ торчала воен-

ная, безъ околыша, фуражка, другой поверхъ рубахи на выпускъ натянулъ на себя мундиръ, который уже былъ ему узокъ и треснулъ по швамъ на плечахъ и на спинѣ; у одного на ногахъ красовались синіе съ красныхъ кантомъ штаны, у другого—только шпоры, все, что у него осталось отъ его былого унтеръ-офицерскаго великолѣпія, которыя онъ прикрѣпилъ къ своимъ пудовымъ крестьянскимъ сапогамъ. У всѣхъ лица были такія же серьезныя, торжественныя, какъ и у Микоши. Время было самое горячее—уборка сѣна и хлѣба, но объ этомъ мало говорили, упоминали, между прочимъ, какъ о чемъ-то маловажномъ; главной темой разговоровъ была нежданно вспыхнувшая война. Достовѣрныхъ извѣстій еще не было—гдѣ война, съ кѣмъ; одни говорили—съ австріякомъ, другіе—съ нѣмцемъ, нѣкоторые увѣряли, что ихъ посылаютъ воевать съ туркомъ.

Тутъ же, среди парней и мужиковъ, находились и бабы, провожавшія своихъ мужей, братьевъ. Онѣ уже вволю наплакались дома и теперь только втихомолку, беззвучно заливались слезами; если которая-нибудь изъ нихъ не выдерживала и начинала голосить и причитать, на нее прикрикивали:

— Цыцъ! Помолчи!.. Не на погостъ провожаешь!..

И баба затихала, давясь слезами.

Потолкавшись среди запасныхъ, послушавъ разнорѣчивые толки о войнѣ, Микоша рѣшилъ пойти въ городъ. Старый Жудра хотѣлъ было пойти за нимъ, Микоша велѣлъ ему остаться.

— Подожди тутъ. Приду скоро...

— Да ты куда, паря?

— Дѣло есть!—сказалъ Микоша, отворачиваясь.

Старикъ уже понялъ, что у него за дѣло, и торопливо закивалъ головой.

— Иди, иди. Я пожду. Сундукъ твой постерегу...

Микоша закоулками прошелъ къ базару, прямо къ дому купца Барчана. Онъ осторожно подобрался къ самой стѣнѣ и

заглянулъ въ окно. Ему хотѣлось передъ уходомъ повидать Анисаву.

Въ большой комнатѣ было свѣтло, на столѣ горѣла лампа, стоялъ кипящій самоваръ. Старая купчиха плакала, прячась за самоваромъ и то-и-дѣло вытирала глаза чайнымъ полотенцемъ, а купецъ, сидя за столомъ, сильно задумался, наморщивъ лобъ, подперевъ голову кулакомъ. По комнатѣ взадъ и впередъ ходила Анисава, ломая пальцы.

Видно было, что у нихъ случилось какое-то горе, точно темная туча печально нависла во всемъ домѣ...

Анисава то удалялась отъ окна, подъ которымъ стоялъ Микоша, то приближалась; уловивъ ея взглядъ, случайно брошенный на окно, Микоша поманилъ ее пальцемъ. Молодая женщина посмотрѣла на него большими, испуганными глазами, видимо, не узнавъ его въ солдатской формѣ, потомъ узнала и кивнула ему головой. Микоша видѣлъ, какъ она выскользнула въ сосѣднюю комнату и тамъ набросила на голову шаль. Онъ отошелъ къ воротамъ и сталъ ждать.

Во дворѣ отрывисто хлопнула дверь, и послышались быстрые женскіе шаги. Скрипнула калитка, Анисава, съ головой закутанная въ мягкую шаль, высунулась, протянула Микошѣ руку и потащила его за собой во дворъ.

— Что ты такъ?..—торопливымъ, испуганнымъ шепотомъ проговорила она, указывая на его костюмъ,—Тебя взяли?..

Микоша кивнулъ головой:

— Взяли...

— Значитъ, идешь,—все еще испуганно спрашивала Анисава, точно не вѣря.—Воевать?..

— Иду... Прощаться съ тобой пришелъ...

Глаза Анисавы наполнились слезами. Микоша притронулся къ ея рукѣ, которой она придерживала на груди концы своей шали.

— Не сердишься? Анисавушка?—тихо спросилъ онъ.

Анисава вскинула на него влажные глаза.

— За что?

— Давеча обидѣлъ тебя... и твоего мужа...

Анисава покачала головой:

— Нѣтъ, не сержусь. Знаю, вѣдь, не спроста ты такъ. Тяжело тебѣ видѣть его со мной...

— Тяжело, Анисавушка... Такъ бы вотъ и разорвалъ его своими руками!

— Не говори такъ, Микоша. Чѣмъ дѣти мои виноваты, что ты осиротить ихъ хочешь?..

Микоша криво усмѣхнулся:

— Не бойся, не убью. Теперь ужъ не до него мнѣ, Анисава. Уйду завтра—и конецъ. Не встрѣчаться мнѣ съ нимъ больше...

— Встрѣтишься, Микоша...—Анисава всхлипнула и прикрыла глаза рукой.—Вмѣстѣ на войну идете.

Микоша удивился:

— Развѣ взяли?

— Взяли...

Микошка нахмурился, потемнѣлъ въ лицѣ. Задумчиво протянулъ:

—— Та-акъ...

И отвернулся, словно ему теперь непріятно стало смотрѣть на плачущую Анисаву.

Вдругъ онъ почувствовалъ у своей шеи теплыя руки молодой женщины; ея грудь близко-близко дышала около его груди. Анисава, плача, сказала:

— Микоша, милый, за что злобу къ нему имѣешь? Не виноватъ онъ, вѣдь, говорила уже тебѣ...

— Знаю, что не виноватъ...—хмуро отозвался Микоша, не оборачиваясь.—А... не могу...

— Пересиль, перемоги себя... Какъ увидишь его—припомни, что онъ, вѣдь, отецъ моихъ дѣтей, ихъ-то хоть пожалѣй!..

Она прижималась къ нему все тѣснѣй, грудь ея содрогалась отъ рыданій.

— Ладно...—сказалъ Микоша дрогнувшимъ голосомъ.—Ужо перемогусь...

Онъ тихо отвелъ отъ своей шеи ея руки и отстранилъ ее отъ себя.

— Правда, не надо...—прошептала Анисава, опуская голову; потомъ, какъ будто оправдываясь, прибавила со слезами на глазахъ.—Можетъ, не увижу тебя больше! Въ послѣдній, вѣдь, разъ!..

Она взяла руками его голову, притянула къ себѣ и тихо поцѣловала въ лобъ. Микоша прикоснулся губами къ ея шеѣ.

Кто-то съ улицы подошелъ и ударилъ ногой въ калитку,— они едва успѣли отскочить въ сторону. Во дворъ, шатаясь и бормоча что-то про себя, вошелъ Савоська Кандинъ. Онъ былъ, видимо, сильно пьянъ и прошелъ мимо Микоши и Анисавы, не замѣтивъ ихъ.

— Это онъ съ горя...—шепнула Анисава.—Весь день, съ утра пьетъ. Со всѣми прощается. Плачетъ...

Цѣпной песъ залаялъ на Савоську, потомъ узналъ его, завертѣлся, заскулилъ. Савоська нетвердыми, пьяными шагами пошелъ къ нему и сѣлъ около собачьей будки на пустой сельдяной боченокъ. Онъ что-то говорилъ, тряся головой, плача; песъ скулилъ, лѣзъ къ нему на колѣни и лизалъ его лицо, а онъ обнималъ собаку и самъ тихонько вылъ.

— Прощается съ собакой...—сказала Анисава, и по ея лицу струями побѣжали слезы.

Микоша смущенно откашлялся,—у него самого щекотало въ горлѣ, и въ глазахъ стояли слезы.

— Будемъ вмѣстѣ—уже поберегу его тебѣ, Анисава...—пообѣщалъ онъ и отвернулся, чтобы она не увидала, какъ у него задрожали губы.

Анисава схватила его за руку:

— Богъ спасетъ тебя, Микоша. Побереги мнѣ Савушку... А ужъ я буду молиться за тебя...

— Ладно. Что жъ...—онъ протянулъ ей руку.—Ну, прощай, Анисава!..

— Прощай, Микоша!..

Анисава торопливо побѣжала къ крыльцу. Микоша въ нерѣшительности постоялъ немного, потомъ вдругъ повернулся и пошелъ къ Савоськѣ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что молодая женщина остановилась въ дверяхъ; она ласково кивнула ему головой.

Цѣпной песъ заворчалъ на Микошу. Савоська поднялъ голову, увидѣлъ его, и испуганно поднялся съ боченка. Они смотрѣли другъ на друга—одинъ со страхомъ, выставивъ впередъ руки, точно заслоняясь отъ удара, другой—съ полупрезрительной, полулукавой, кривой усмѣшкой.

— Не бойся,—сказалъ Микоша и положилъ ему на плечо руку:—сиди!..

Савоська подъ давленіемъ его руки опустился на боченокъ. Онъ ударилъ себя въ грудь, заплакалъ и вдругъ повалился Микошѣ въ ноги, бормоча заплетающимся языкомъ:

— Виноватъ передъ тобой... Прости, Бога ради... Не губи душу...

— Богъ проститъ...—серьезно сказалъ Микоша.—Виноватъ, аль не виноватъ—Онъ разберетъ. Вставай, что ли...—Онъ поднялъ его съ земли и снова посадилъ, укоризненно качая головой.—Пьянъ ты больно, говорить съ тобой нельзя по-настоящему...

— Анисаву жалко!—сказалъ Савоська и опять заплакалъ.—Ахъ, какъ жалко! Какъ жалко!..

— Ты послушай, что я тебѣ скажу!—строго сказалъ Микоша.—Не баба, вѣдь, нечего ревѣть... Вмѣстѣ, слышь, идемъ воевать, такъ ты ужъ держись около меня. Коли что—не дамъ тебя непріятелю въ обиду. Понялъ, что ли?

Савоська закивалъ головой и продолжалъ твердить свое:

— За себя не боюсь... Одинъ конецъ... Анисавушку вотъ жалко... дѣтокъ...

Губы Микоши кривились недоброй усмѣшкой. Онъ старался быть съ нимъ ласковымъ, а въ сердцѣ шевелилось темное, злое чувство къ этому человѣку, отнявшему у него Анисаву, и къ ней самой, теперь для него чужой мужней женѣ. Какъ она могла выйти за такого замужъ?..

— Эхъ ты!—Микоша едва удержался отъ браннаго слова.— Пойдемъ спать, что ли!..

Онъ поднялъ его и повелъ къ дому. Савоська бормоталъ уже что-то несвязное и едва передвигалъ путавшіяся ноги. Микоша сдалъ его на руки все еще стоявшей въ дверяхъ Анисавѣ.

Молодая женщина разстроганно шепнула ему:

— Хорошій ты, Микоша... Вѣкъ буду помнить тебя!..

Она вдругъ нагнулась и поцѣловала его руку. Микоша хмуро сказалъ:

— Не попъ я... Веди лучше мужа въ постель...

Онъ ушелъ, самъ не зная—любитъ ли онъ еще Анисаву, или только одна злоба къ ней осталась въ его сердцѣ. И не могъ онъ понять себя, что онъ будетъ дѣлать съ Савоськой: убьетъ его, или, въ самомъ дѣлѣ будетъ оберегать его для Анисавы и ея дѣтей. Все это было очень сложно, и ему трудно было разобраться въ собственныхъ чувствахъ...

VI.

Рано утромъ запасныхъ разбудилъ громкій барабанный бой. У казармъ ходилъ солдатъ и мѣрно отбивалъ сухую, тревожную дробь. Бабы съ ранняго утра подняли плачъ и вой; онѣ кричали стучавшему въ барабанъ солдату:

— Да перестань ты, Бога ради!.. Сердца не рви!..

А солдатъ все гремѣлъ, и грохотъ барабана разносился по всему городу, призывая тѣхъ, которые разбрелись по разнымъ домамъ и дворамъ.

Началась скучная безконечная процедура выстраиванья въ ряды, потомъ переклички. Потомъ долго томились, ожидая молебна. Запасные группами ходили на базаръ покупать сушки, хлѣбъ, чай, сахаръ; бабы шли за ними и все плакали, не переставая, утираясь передникомъ или концомъ своего головного платка.

Рано проснулись и всѣ горожане; на лугъ, окруженный съ одной стороны домами, съ другой—лѣсомъ, гдѣ должны были служить молебенъ, стекался народъ—купцы, чиновники, мастеровые съ женами и дѣтьми, почти все полуторатысячное населеніе города.

Къ десяти часамъ на углу образовался большой кругъ—впереди стояли запасные, позади ихъ—бабы и горожане. Въ серединѣ круга находились: старенькій, совсѣмъ бѣлый, какъ лунь, священникъ съ дьякономъ и псаломщикомъ, толстый исправникъ съ краснымъ лицомъ, франтоватый въ золотомъ пенснэ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ и бойкій, чрезвычайно подвижной, маленькій, но коренастый, съ молодецкой военной выправкой воинскій начальникъ. Позади церковнаго причта помѣщался хоръ изъ мѣстныхъ интеллигентовъ—учителей, чиновниковъ, ученицъ учительскихъ курсовъ—во главѣ съ чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства, высокимъ, худымъ, какъ жердь, съ лысой головой и могучимъ басомъ, который задавалъ тонъ по камертону.

Во время молебна всѣ стояли съ серьезными, сосредоточенными лицами. Микоша искалъ поверхъ головъ Анисаву и, когда нашелъ, увидѣлъ, что она смотрѣла на него. У нея лицо было бѣлое, какъ бумага, глаза заплаканные, красные. Она жалко улыбнулась ему и кивнула головой. Около нея стоялъ Савоська, маленькій, желтый, сгорбленный, съ гладко прилизанными масломъ желтыми волосами.

Микоша замѣтилъ, что, когда онъ смотрѣлъ на одну Анисаву, онъ чувствовалъ, что любитъ ее и такъ сильно, какъ никогда раньше не любилъ, но стоило ему взглянуть на ея мужа,

какъ въ его сердцѣ поднималась жгучая злоба противъ нея, и онъ начиналъ ее ненавидѣть, какъ злѣйшаго врага. Что же будетъ потомъ, когда онъ будетъ видѣть только одного Савоську?..

«Нѣтъ,—подумалъ Микоша,—надо перемочься, пересилить себя!..» Онъ вслушивался въ слова, произносимыя священникомъ, въ знакомые церковные напѣвы, думалъ о войнѣ, объ этомъ большомъ, важномъ дѣлѣ, возложенномъ на него и на многія тысячи такихъ же, какъ и онъ, какъ и Савоська, и тогда, къ своему удивленію, онъ уже могъ смотрѣть на мужа Анисавы безъ злобы къ нему, безъ ненависти къ ней. Они отходили куда-то назадъ, становились далекими, какъ воспоминаніе какой-то давней, утратившей свою остроту печали.

Послѣ молебна сказалъ маленькую рѣчь воинскій начальникъ. Этотъ бравый капитанъ имѣлъ зычный голосъ, и когда говорилъ, все время ходилъ передъ рядами запасныхъ съ самымъ веселымъ видомъ, стараясь, видимо, подбодрить болѣе слабыхъ духомъ.

— На вашу долю, братцы,—выкрикивалъ онъ такъ громко, чтобы всѣмъ было слышно,—выпало большое счастье! Вы идете въ походъ! Поздравляю васъ, братцы, съ походомъ!.. Отъ души завидую вамъ. Я самъ, когда закончу мобилизацію въ моемъ уѣздѣ, тоже пойду на войну, добровольцемъ! Гдѣ-нибудь въ походѣ или бою встрѣтимся съ вами... Помните, братцы, что на васъ смотритъ и молится о вашей побѣдѣ вся матушка Россія!..

Онъ закончилъ громкимъ ура, которое подхватили всѣ запасные и горожане. Потомъ зычно скомандовалъ:

— Стройсь!..

Быстро выстроившаяся мѣстная рота солдатъ двинулась впередъ и зашагала, мѣрно стуча сапогами,—и за ней потянулись съ сундучками на спинахъ и запасные, на ходу становясь въ ряды. Солдаты запѣли веселую пѣсню, бабы, бѣжавшія позади и сбоковъ, завыли, заголосили. Горожане шли позади, не отставая.

Прошли черезъ городъ, къ рѣкѣ, гдѣ у пристани уже ждали двѣ завозни—большіе карбасы, въ родѣ парома, двигавшіеся при помощи огромныхъ веселъ; на этихъ завозняхъ запасные должны были переправляться на другой берегъ, а тамъ ужъ были приготовлены лошади для доставки ихъ къ ближайшей желѣзнодорожной станціи.

Огромные песчаные угоры, высившіеся по обѣимъ сторонамъ прорытаго между ними спуска къ рѣкѣ, были сплошь, съ верху до низу, усѣяны народомъ; а внизу, на самой дорогѣ, спускавшейся къ пристани, столпились запасные и провожавшіе ихъ бабы и мужики. Микоша, стиснутый со всѣхъ сторонъ, оглядывался, ища Анисаву; она стояла совсѣмъ близко, позади него, тутъ же были и ея отецъ и мужъ.

Анисава сжала Микошѣ руку и тихо сказала:

— Помни, что обѣщалъ... Побереги Савву...

— Помню...—сказалъ Микоша и усмѣхнулся.—Только самъ-то, можетъ, пропаду раньше...

Лицо Анисавы стало еще бѣлѣй, даже губы у нея побѣлѣли. Она больше ничего не сказала и низко опустила голову.

Купецъ Барчанъ дернулъ Микошу сзади за рукавъ и угрюмо сказалъ:

— Не поминай, что ли, лихомъ, паря...

Микоша спокойно посмотрѣлъ на него.

— Чего ужъ!.. твое дѣло отцовское—хотѣлъ какъ бы получше...

Старикъ вдругъ потянулъ его къ себѣ за руку и быстро зашепталъ ему на ухо:

— Маху я далъ—никчемный онъ человѣкъ.—Онъ мигнулъ на своего зятя.—Коли не вернется, твоя Анисава, такъ и знай...

— Не грѣши, старикъ!—нахмурившись, сказалъ Микоша.—Это дѣло конченное. Я тебя не виню. Не судьба, значитъ, не о чемъ больше и говорить...

Купецъ смущенно, растерянно бормоталъ:

— Такъ... такъ...

Анисава слыхала и понимала, о чемъ они говорили, но дѣлала видъ, что не слышитъ, только кусала губы и тихонько ломала пальцы. А ея мужъ стоялъ съ опущенной головой, неподвижно, точно въ столбнякѣ и, казалось, ничего не видѣлъ и не слыхалъ; его лицо выражало тяжелое, тупое недоумѣніе...

Часть запасныхъ уже отчалила на двухъ завозняхъ; бабы заревѣли во весь голосъ, ихъ съ силою оттаскивали отъ пристани. Воинскій начальникъ что-то крикнулъ съ берега, ему въ отвѣтъ загремѣло съ рѣки ура, прокатившееся и по угорамъ. Всѣ снимали шапки, махали платками; запасные тоже махали шапками и кричали:

— Счастливо оставаться!.. Не забывайте!..

Микошу вдругъ охватили чьи-то цѣпкія, костлявыя руки, и кто-то припалъ къ нему съ громкимъ плачемъ. Онъ обернулся и увидѣлъ тетку Параню. Старуха не выдержала и приплелась изъ Заборья проводить племянника. Она плакала истерично, захлебываясь, закатывая глаза; рыданія какъ будто рвали у нея все внутри, въ ея старой груди, и она временами раскрывала ротъ и не могла схватить дыханія. Микоша уговаривалъ ее:

— Что ты, что ты, тетка Параня! Господь съ тобой!..

Старуха не унималась и все рыдала, прижимала его голову къ своей груди, крестила его, цѣловала его руки и платье. Она съ трудомъ сквозь рыданія проговорила:

— Не увижу, вѣдь... больше... Смертушка моя... близко...

Старый Жудра не могъ больше выдержать и тоже заплакалъ.

— Правда!—сказалъ онъ, обнимая сына.—Стары мы съ Параней. Не дождемся тебя, Микоша...

Микоша и самъ прослезился, прощаясь со стариками.

Первая партія высадилась на томъ берегу, и завозни вернулись за остальными. Пришла и Микошѣ съ Савоськой очередь итти на завозню. Савоська прощался со своими молча, тупо, словно не понимая, что тутъ происходитъ. Микоша отвернулся, когда Анисава цѣловала и крестила мужа.

Простившись со всѣми, Савоська растерянно посмотрѣлъ на жену, потомъ на Микошу, и его лицо вдругъ покрылось темною тѣнью тоски, какъ будто онъ только теперь пришелъ въ себя и понялъ, зачѣмъ прощается и куда идетъ. Онъ взялъ Микошу за руку и потянулъ его къ Анисавѣ.

— Прощайся, не бойсь!—сказалъ онъ, съ трудомъ справляясь со своими прыгавшими губами.—Анисавушка, поцѣлуйся съ Микошей! Любитъ, вѣдь, онъ тебя...—У него брызнули изъ глазъ слезы.—Можетъ, не вернусь, такъ ужъ онъ... такъ ужъ ты...

Онъ не договорилъ, заплакалъ, махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

Анисава подняла голову и взглянула на Микошу. У него въ груди точно что-то оборвалось: столько любви, муки, печали было въ ея глубокихъ, залитыхъ слезами глазахъ!..

Микоша наклонился къ ней и осторожно трижды коснулся губами ея безкровныхъ, холодныхъ губъ.

— Идите что-ли!—кричалъ воинскій начальникъ, торопя задержавшихся въ прощаніяхъ запасныхъ.

Тогда Параня съ раздирающимъ плачемъ вцѣпилась своими костлявыми пальцами въ мундиръ Микоши; ее силой оторвали отъ него. Она упала на землю и вся забилась отъ рыданій.

Микоша взялъ за руку плачущаго Савоську и потащилъ его за собой. Анисава и старый Жудра подвигались въ толпѣ за ними; у обоихъ ручьями бѣжали по лицу слезы.

Опять что-то кричалъ воинскій начальникъ толпившимся на завозняхъ запаснымъ, и они отвѣчали ему дружнымъ ура. Завозни отчалили и поплыли. Микоша искалъ глазами оставшихся на берегу отца и Анисаву и не могъ найти, они затерялись въ толпѣ. Песчаные угоры точно двигались отъ метавшихся изъ стороны въ сторону платковъ и шапокъ провожающихъ. Оттуда доносились какіе-то крики, которыхъ уже нельзя было разобрать, и глухой, стонущій вой и ревъ осиротѣвшихъ бабъ.

Вдругъ береговые угоры точно дрогнули, многоголосое ура

огласило тихій, знойный воздухъ надъ рѣкой. И запасные съ середины рѣки отвѣтили бодро и весело, прощаясь этимъ радостнымъ крикомъ, въ которомъ, казалось, слышалось:

— Ждите! Побѣдимъ и вернемся!..

А бабы на берегу все выли и причитали; у нихъ уже не было ни голоса, ни слезъ, не было больше силъ плакать,—онѣ хрипѣли, падали, теряли сознаніе, и ихъ тутъ же отливали водой. Старая Параня зашлась плачемъ и ужъ не могла остановиться; она лишилась послѣднихъ своихъ силъ и не могла подняться съ земли. Жудра свезъ ее въ городскую больницу и одинъ поплелся домой, въ Заборье.

Къ утру другого дня Параня умерла.

VII.

Савоська однимъ своимъ видомъ вызывалъ въ Микошѣ глухую злобу; онъ съ трудомъ сдерживалъ ее. Мысль, что этотъ человѣкъ—мужъ Анисавы, ударяла Микошѣ въ голову, какъ огненная лава, у него темнѣло въ глазахъ, и кулаки сами сжимались. Онъ принуждалъ себя быть съ нимъ мягкимъ и спокойнымъ, но злость иногда прорывалась въ его голосѣ, взглядѣ, усмѣшкѣ, и Микошѣ стоило большихъ усилій подавить въ себѣ желаніе причинить ему боль, ударить, выругать его. Савоська чувствовалъ, что Микоша ненавидитъ его, и всегда имѣлъ передъ нимъ глубоко виноватый видъ. Онъ всячески старался угождать ему и, желая сдѣлать ему пріятное, часто говорилъ:

— Не вернусь я. Чуетъ мое сердце—не вернусь...

Разъ, замѣтивъ оставшійся на немъ недобрый, тяжелый взглядъ Микоши, онъ серьезно сказалъ ему:

— Вижу, не можешь ты мнѣ простить того, что я мужъ Анисавы. Тяжело это тебѣ. И мнѣ на тебя глядѣть жалко...

— Такъ что?—рѣзко сказалъ Микоша.—Ни къ чему мнѣ жалость твоя!..

— Знаю, что ни къ чему...—спокойно и какъ-то грустно-покорно продолжалъ Савоська.—Въ тебѣ злоба горитъ, а ты долженъ сдерживать себя, не можешь и пальцемъ меня тронуть—ради Анисавы-то. Только я скажу тебѣ—не стѣсняйся ты, Микоша, Анисава ничего не узнаетъ. Отведи душу свою, ну, ударь, побей меня, никому, вѣдь, ни слова не скажу, вотъ тебѣ крестъ!.. Можетъ, тебѣ отъ этого легче станетъ...

Микоша смущенно отвернулся отъ него и ничего не сказалъ. Ему стало стыдно своей злобы.

Микоша и Савоська были назначены въ одинъ полкъ, но размѣщены въ разныя роты: Микоша по своему большому росту попалъ въ передніе ряды, Савоська же—въ самый конецъ колонны, состоявшій изъ такихъ же низкорослыхъ, какъ и онъ. Оба они, какъ молодые, недавно вышедшіе въ запасъ и еще не забывшіе строевой службы (Савоська на два года раньше Микоши отбывалъ воинскую повинность) тотчасъ же были отправлены къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Къ границѣ ихъ полкъ былъ доставленъ по желѣзной дорогѣ, и въ тотъ же день они вступили на нѣмецкую землю.

Въ теченіе цѣлаго дня они нигдѣ не встрѣтили непріятельскихъ войскъ. Въ деревняхъ, попадавшихся на пути, кое-гдѣ горѣли дома, бродили безъ присмотру стада коровъ и овецъ, хлѣба были скошены, но не убраны, людей не было видно. Полное безлюдіе и тишина брошенности царили въ селеніяхъ и поляхъ. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и фермахъ тоже было пусто; въ домахъ все оставалось на своихъ мѣстахъ, какъ будто хозяева только что встали и ушли.

Когда наступила ночь, полкъ остановился на ночевку. Но палатокъ не разбивали и костровъ не разводили, опасаясь, чтобы непріятель не замѣтилъ огней и не произвелъ внезапнаго нападенія. Солдаты легли спать безъ ужина, прямо на землю, подъ открытымъ небомъ.

Рано утромъ всѣ проснулись отъ отдаленнаго орудійнаго грома. Микоша поднялъ голову, прислушался,—въ груди его

что-то глухо, тревожно заныло. «Вотъ оно!» подумалъ онъ: «Близко!..» Ему не было страшно, только томила неизвѣстность, близость чего-то огромнаго, невѣдомаго, небывалаго въ его жизни...

Въ его плечо вдругъ кто-то судорожно вцѣпился. Микоша оглянулся — Савоська.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ онъ удивленно.—Иди къ своимъ!..

На Савоськѣ лица не было, онъ былъ изжелта блѣденъ, губы его прыгали, зубы стучали. Онъ съ трудомъ проговорилъ:

— Палятъ!.. Слышишь?..

— Слышу!—усмѣхнулся Микоша:—А ты думалъ какъ — на войнѣ да чтобъ не палили?.. На то и война!..

Къ своему удивленію, онъ не чувствовалъ теперь къ Савоськѣ никакой злобы; напротивъ, ему было жалко его, въ немъ шевельнулось чувство заботливости къ этому слабому, безпомощному человѣку. Онъ ласково похлопалъ его по плечу и сказалъ, смѣясь, стараясь подбодрить его:

— Ты не думай, что страшно—и не будешь бояться. Самъ, небось, съ ружьемъ—тоже можешь убивать!..

Савоська покачалъ головой:

— Не смогу... Видитъ Богъ... Рука не поднимется...

Но разговаривать дальше нельзя было; кругомъ солдаты поднимались съ земли, торопливо строились. Офицеры предупреждали солдатъ о близкомъ сраженіи и давали короткія наставленія, какъ вести себя въ бою. Савоська бросился бѣжать къ своей ротѣ.

Снова двинулись. Грохотъ орудій слышался все ближе и ближе. Непріятеля не было видно, но въ воздухѣ скоро замелькали орудійные снаряды, со свистомъ и шипѣніемъ пролетавшіе высоко надъ головами солдатъ. Сначала снаряды перелетали и падали далеко позади, за колоннами войскъ, потомъ стали постепенно приближаться. И вотъ — сразу въ двухъ-трехъ мѣстахъ среди людей раздались взрывы, вырвавшіе изъ рядовъ по

нѣсколько человѣкъ. За ними—еще и еще. Къ грохоту орудій откуда-то со стороны присоединился трескъ пулеметовъ и ружей. Микоша видѣлъ, какъ падали люди то здѣсь, то тамъ. Вотъ упалъ, взмахнувъ руками, совсѣмъ близко около него молодой офицеръ,—упалъ и лежитъ неподвижно: у него маленькая ранка на лбу—и моментальная смерть!.. Немного дальше солдатъ крикнулъ:

— Братцы!..

И тоже повалился и не движется...

И въ другихъ рядахъ падаютъ и падаютъ,—тѣ убиты, другіе ранены...

А полкъ все идетъ и идетъ; солдаты шагаютъ молча, сосредоточенно, лица у нихъ спокойныя, серьезныя...

Микоша думаетъ: «Живъ ли Савоська?..» Передъ нимъ вдругъ при мысли о Савоськѣ всплываетъ блѣдное лицо Анисавы съ заплаканными глазами, глядящими на него съ любовью, мукой, печалью. И увидѣвъ такъ ясно ея лицо, Микоша сожалѣетъ, что Савоська не съ нимъ. «Мужъ онъ, вѣдь, ей, дѣти у ней отъ него,—поберечь бы его надо; ранятъ—подобрать бы, да къ лазарету снести...»

Снаряды все летятъ и летятъ, развертываются бѣлые клубки рвущейся шрапнели, безпрерывно трещатъ гдѣ-то въ сторонѣ ружья и пулеметы. И уже ухо привыкаетъ къ этому грохоту и треску, а мысль—къ возможности близкой смерти...

Потомъ вдругъ все сразу стихло.

Справа потянулся лѣсъ, слѣва—раскинулось большое село; за лѣсомъ, какъ потомъ оказалось, тоже была деревня, въ которой и засѣлъ непріятель.

Войска остановились недалеко отъ лѣса и разсыпались въ цѣпь. Полчаса прошло въ молчаніи, точно и здѣсь и тамъ, за лѣсомъ, къ чему-то осторожно готовились... День былъ жаркій, безоблачный, тишина стояла такая, что слышно было, какъ жужжали комары.

И вотъ гдѣ-то совсѣмъ близко громко и рѣшительно гря-

нули одинъ за другимъ десять пушечныхъ выстрѣловъ. Наша батарея! — догадался Микоша и, поднявъ голову, увидѣлъ удалявшіеся съ воемъ и гудѣніемъ снаряды. Они гулко взорвались гдѣ-то за лѣсомъ.

И сейчасъ же, словно отвѣчая, раздались и за лѣсомъ громкіе орудійные выстрѣлы, и оттуда, какъ стайка птицъ, догоняя одна другую, вылетѣло нѣсколько шрапнелей. Микоша, затаивъ дыханіе, слѣдилъ — гдѣ онѣ упадутъ. Онѣ разорвались гдѣ-то далеко позади.

Опять съ этой стороны грянули выстрѣлы и оттуда тотчасъ же отвѣтили; страшныя орудія точно вели разговоръ, передавая другъ другу какія-то убійственныя вѣсти...

Скоро за лѣсомъ показался дымъ—это загорѣлась отъ снарядовъ деревня, въ которой сидѣлъ непріятель. Потомъ вдругъ послышался сильный взрывъ, отъ котораго, казалось, всколыхнулся весь лѣсъ, и непріятельская батарея замолкла. Ближайшій къ Микошѣ офицеръ объяснилъ солдатамъ:

— Наши снаряды разбили ихъ снарядные ящики...

Савоська опять вдругъ очутился около Микоши. Видно было, что онъ уже немного привыкъ къ пальбѣ, но онъ все еще былъ блѣденъ и часто вздрагивалъ. Онъ смущенно усмѣхнулся и сказалъ:

— Я попросился къ тебѣ. Ужо тутъ побуду...

— Ладно, побудь... — согласился Микоша и ласково прибавилъ. — Ты только не бойся, братъ. Только не бойся...

— Я не боюсь... — сказалъ Савоська, дѣлая усиліе, чтобы удержать задрожавшія губы...

Пулеметы и ружья продолжали трещать, пули безпрерывно жужжали; онѣ ударяли въ стволы деревьевъ, обрывали листья, ломали вѣтви, иногда безшумно вонзались въ людей, и тѣ безъ звука падали, или, отставивъ ружье, перевязывали платкомъ повыше раны прострѣленную руку или ногу.

Цѣпь солдатъ медленно подвигалась впередъ; надъ лѣсомъ, отъ горящей деревни, валилъ густой, черный дымъ, застилавшій

солнце. Отъ этого дыма въ лѣсу становилось сумрачно, и ярко поблескивали огоньками ружейные выстрѣлы въ его зеленомъ полумракѣ.

Савоська и Микоша шли рядомъ, отстрѣливаясь; ружейные выстрѣлы непріятеля раздавались все ближе, и скоро сквозь деревья замелькали полосы огня отъ ихъ залповъ и стала видна непріятельская цѣпь. Микоша вдругъ увидѣлъ своихъ бѣжавшихъ мимо него на непріятеля съ ружьями на перевѣсъ, и онъ самъ бросился впередъ, увлекая за собой и Савоську.

Люди падали кругомъ, точно подкошенные, а сзади набѣгали другіе, прыгали черезъ убитыхъ и раненыхъ. Гдѣ-то близко что-то оглушительно затрещало. «Пулеметъ!» — подумалъ Микоша, но не было времени соображать — откуда, съ какой стороны сыпался огненный дождь. Онъ только оглянулся на Савоську—здѣсь ли онъ, и увидѣлъ его близко около себя съ какимъ-то страннымъ, точно не живымъ лицомъ, на которомъ, какъ гвозди, торчали остановившіеся безумные глаза. Савоська не отставалъ отъ Микоши и тоже держалъ ружье на перевѣсъ, но видно было, что онъ ничего не сознавалъ и бѣжалъ только потому, что всѣ кругомъ него бѣжали.

Впереди уже шелъ штыковой бой, а позади все еще трещали ружья и пулеметы. Микоша вмѣстѣ съ другими ворвался въ непріятельскіе окопы, заваленные грудами мертвыхъ тѣлъ. Два непріятельскіе солдата бросились къ нему, выставивъ впередъ окровавленные штыки своихъ ружей.

Микоша остановился на мгновеніе—не потому, что испугался ихъ штыковъ, а отъ внезапно ударившей въ голову мысли: неужели онъ проткнетъ штыкомъ живое человѣческое тѣло? Вслѣдъ за этой мыслью съ быстротой молніи вонзилась въ мозгъ другая—мысль-воспоминаніе о первомъ знакомствѣ съ Анисавой, когда она, лаская убитыхъ имъ мертвыхъ птицъ, спросила: «Неужели, тебѣ не жалко убивать ихъ?..»

«То были птицы, а тутъ...» Онъ не успѣлъ до конца додумать эту мысль, какъ въ голову ударило новое соображеніе—

если онъ не убьетъ ихъ, то они убьютъ его! И онъ бросился впередъ, движимый инстинктивнымъ чувствомъ самосохраненія, выставивъ передъ собой ружье.

Онъ вдругъ ощутилъ легкій толчокъ, заставившій его немного податься назадъ; его штыкъ за что-то зацѣпился, онъ нажалъ на него, чтобы продвинуться впередъ—и весь содрогнулся отъ отвращенія и ужаса, почувствовавъ, что его штыкъ вонзился во что-то мягкое. Непріятельскій солдатъ выронилъ свое ружье и схватился у живота за дуло микошинаго ружья; молодое, безусое лицо его сразу стало бѣлымъ, онъ согнулся вдвое и упалъ на колѣни. Микоша вскрикнулъ, точно удивился такой неожиданной бѣдѣ:

— Ахъ, ты, Господи!..

И судорожно отдернулъ назадъ свое ружье.

Раненый солдатъ повалился на-бокъ и задергался всѣмъ тѣломъ.

Все это продолжалось не больше одной секунды, штыкъ второго непріятельскаго солдата Микоша поймалъ рукой у самой своей груди и, съ силой отбросивъ его въ сторону, быстро выдвинулъ впередъ свое ружье — и опять ощутилъ то же содроганіе.

Не успѣлъ онъ расправиться съ этими двумя, какъ передъ нимъ откуда-то выросли новые, потомъ еще и еще. И уже почти ничего не сознавая, ничего не чувствуя, весь охваченный неудержимымъ порывомъ смертельной борьбы, онъ безпрерывно работалъ своимъ штыкомъ, вертясь во всѣ стороны, отбивая нападенія и нанося удары. Со штыка по дулу ружья сбѣгала кровь до самаго приклада; руки его прилипли къ винтовкѣ, какъ будто приросли къ ней и составляли вмѣстѣ съ ней одно ужасное орудіе смерти. Онъ уже не испытывалъ ни ужаса, ни отвращенія отъ вида крови, ранъ, смерти; жестокій инстинктъ самосохраненія побѣждалъ всѣ чувства: нужно было убивать, чтобы не быть самому убитымъ...

Ружейная и пулеметная пальба вдругъ прекратилась, и тогда въ воцарившейся внезапно тишинѣ послышались тяже-

лые, глухіе стоны раненыхъ, умирающихъ, желѣзный лязгъ сталкивавшихся штыковъ, хриплыя ругательства дерущихся. Микоша услыхалъ позади себя странный, протяжный звукъ, похожій на собачій вой, и ему сейчасъ же пришло въ голову: «Это Савоська!..» Онъ обернулся и, дѣйствительно, увидѣлъ Савоську, отбивавшагося ружьемъ наотмашь отъ непріятельскаго солдата, пытавшагося то съ одной, то съ другой стороны воткнуть въ него свой штыкъ. Лицо у Савоськи было сѣрое, землистаго цвѣта, полуоткрытый ротъ перекосился, и изъ него-то вырывался этотъ крикъ смертельнаго страха, похожій на собачій вой.

— Держись, милый!—крикнулъ ему Микоша и въ два прыжка очутился около него.

Солдатъ, сдѣлавшій въ эту минуту выпадъ на Савоську, напоролся бедромъ на штыкъ Микоши...

VIII.

Бой подходилъ къ концу. Непріятельская цѣпь, сильно порѣдѣвшая, не выдержала натиска и дрогнула. Вспыхнуло и понеслось по окопамъ громкое, побѣдное, торжествующее ура,— Микошу подхватилъ какой-то бѣшенный вихрь и понесъ вслѣдъ за бѣжавшимъ непріятелемъ.

Словно широкая, бурная весенняя вода влилась человѣческая масса въ пылающую деревню. Опять затрещали ружья, завыли пулеметы; непріятель стрѣлялъ изъ-за заборовъ, изъ оконъ избъ, каждый дворъ, каждую избу приходилось брать съ бою. По разоренной деревенской улицѣ бѣжали толпы непріятельскихъ солдатъ, преслѣдуемые пулями и штыками. А гдѣ-то въ отдаленіи завыли, загрохотали непріятельскія батареи, прикрывавшія бѣгство своихъ разбитыхъ полковъ...

Въ неудержимомъ вихрѣ преслѣдованія врага Микоша снова потерялъ Савоську изъ виду и увидѣлъ его, уже въ деревнѣ,

бѣгущимъ впереди него и побѣдоносно размахивающимъ ружьемъ. Общее движеніе, чувство торжества, повидимому, захватило и его; онъ бѣжалъ, обгоняя другихъ, и грозилъ ружьемъ убѣгающему непріятелю...

Но почти тотчасъ же, какъ Микоша его увидѣлъ, съ Савоськой случилось что-то странное: онъ какъ-будто споткнулся, упалъ на колѣни, поднялся, пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ снова споткнулся и, выронивъ ружье, ткнулся лицомъ въ землю. «Неужто убитъ? — подумалъ на - бѣгу Микоша. — Эхъ, не уберегъ!..

Когда Микоша подбѣжалъ къ нему, онъ уже сидѣлъ, опираясь рукой на землю. Лицо его выражало недоумѣніе, губы кривились, точно онъ собирался заплакать. Онъ походилъ на маленькаго, безпомощнаго ребенка, съ которымъ случилось что-то страшное, и онъ не понималъ, что съ нимъ случилось. Горячая волна жалости, нѣжности къ нему залила грудь Микоши.

— Что, Савося?—спросилъ онъ, наклоняясь къ нему.—Раненъ? Куда?..

Савоська жалко улыбнулся и показалъ ему на ногу; изъ пробитаго на щиколоткѣ пулей сапога сочилась кровь.

— Должно быть, кость перебило...—сказалъ онъ, недоумѣнно поднявъ брови.—Ступить не могу...

Микоша помогъ ему подняться. Савоська, въ самомъ дѣлѣ, не могъ стоять на ногахъ.

— Обопрись-ка о меня! Обойми рукой за шею!—приказалъ ему Микоша.

Савоська покорно съ той же жалкой, застѣнчивой улыбкой обхватилъ его шею руками. Здоровый Микоша подхватилъ и поднялъ его одной рукой, какъ ребенка. Онъ понесъ его назадъ, свернувъ съ дороги къ заборамъ, чтобы не быть сбитымъ съ ногъ бѣжавшей лавиной солдатъ, преслѣдовавшихъ непріятеля.

Непріятельскія батареи осыпали деревню снарядами; въ воздухѣ гудѣла и рвалась шрапнель; со свистомъ и зловѣщимъ

жужжаньемъ летѣли откуда-то ружейныя пули. Савоська прижимался къ Микошѣ, бормоча дрожавшими губами:

— Господи, спаси и помилуй...

Микоша шелъ ровнымъ, быстрымъ шагомъ, одной рукой держа Савоську, другой волоча по землѣ ружье. Странной, теплой радостью наполняла его близость тщедушнаго, слабаго тѣла Савоськи. Казалось, точно часть Анисавы была тутъ съ нимъ, и онъ радовался тому, что въ его сердцѣ не было больше злобы къ этому человѣку. «Обѣщался поберечь — такъ ужъ надо!..» думалъ онъ, тѣснѣе прижимая къ себѣ раненаго.

За деревней тотчасъ же начались окопы, изъ которыхъ только что былъ выбитъ непріятель, полные труповъ и корчившихся, громко стонавшихъ раненыхъ. Савоська въ ужасѣ зажмурилъ глаза.

— Ихъ-то, ихъ кто подберетъ?—сказалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Можетъ, бросилъ бы ты и меня тутъ—помирать, такъ ужъ со всѣми...

— Не бойсь...—успокоилъ его Микоша. — Санитары подберутъ... А тебѣ не помереть — только, можетъ, охромѣешь...

За окопами тянулся лѣсокъ, съ котораго и начата была атака на непріятеля. Тутъ было совсѣмъ тихо; глухо доносилась орудійная пальба, снаряды и пули сюда не долетали. И здѣсь много было убитыхъ и раненыхъ, и стоялъ безпрерывный стонъ.

— Санитаровъ пришли!.. Поскорѣй, Бога ради!..—кричали Микошѣ вслѣдъ.

Эти крики и стоны всю дорогу провожали ихъ.

Лѣсокъ былъ небольшой. Микоша удивился, что такъ скоро выбрался на опушку; когда шли черезъ него подъ огнемъ на непріятеля, онъ представлялся безконечнымъ, и каждая минута казалась цѣлой вѣчностью.

На опушкѣ санитары уже подбирали раненыхъ и частью на носилкахъ, частью на походныхъ повозкахъ отправляли въ стоявшій неподалеку полевой лазаретъ.

Микоша сдалъ санитарамъ Савоську. На прощаніе обнялъ и поцѣловалъ его.

— Поклонись Анисавѣ...—сказалъ онъ серьезно и спокойно.—Въ строй-то ужъ ты, видно, не вернешься, такъ увидишь ее скоро. Скажи, чтобъ не забывала... Прощай, братъ...—Онъ подумалъ немного и прибавилъ, уже тише, дрогнувшимъ голосомъ:—и еще поклонись моему старику и теткѣ Паранѣ...

Савоська всхлипнулъ, поймалъ его руку и стиснулъ ее.

— Прости, коли что...—сказалъ онъ, плача.—А ужъ я въ вѣкъ тебя не забуду!..

— Ладно!—сказалъ Микоша.—Чего ужъ...

Савоську повезли къ лазарету, а Микоша снова зашагалъ къ лѣсу.

Онъ чувствовалъ себя теперь какъ-то особенно бодро и весело, точно гора съ плечъ свалилась. И непріятеля одолѣли, и Савоську онъ уберегъ, какъ обѣщалъ Анисавѣ и, главное, въ сердцѣ у него не было больше ни злобы, ни тоски. Онъ вспомнилъ, какъ его отецъ каждое утро посматривалъ на него, ожидая, чтобы Микоша оправился, наконецъ, отъ своей бѣды и опять сталъ веселымъ, живымъ, бодрымъ—и такъ и не дождался; вонъ когда только и гдѣ ему пришлось оправиться! Старику, можетъ, и не придется уже увидѣть его такимъ!..

Раненые въ лѣсу стонали и звали на помощь; Микоша то-и-дѣло успокаивалъ ихъ:

— Идутъ санитары!.. Миленькіе вы мои, родные, потерпите маленько...

Онъ ускорялъ шаги, торопясь вернуться въ деревню, откуда еще доносилась пальба сраженія. Въ лѣсу становилось темнѣе,—солнце уже садилось, только на полянахъ еще бродили пятна золотистаго свѣта, выдѣляя изъ зеленаго сумрака то стволъ березы, то желтое лицо убитаго солдата, то стальное дуло брошеннаго на затоптанную траву ружья. По верхушкамъ деревьевъ шелъ свѣжій, предвечерній вѣтерокъ, и какимъ-то особеннымъ миромъ и тишиной вѣяло отъ легкаго ше-

леста древесныхъ листьевъ, бѣжавшаго надъ лѣснымъ сумракомъ, полнымъ страданія и смерти.

Микоша былъ уже въ самой серединѣ лѣса, какъ вдругъ произошло что-то странное, чего онъ въ первую минуту да и потомъ такъ и не осмыслилъ. Прямо передъ нимъ, шагахъ въ десяти отъ него, изъ груды мертвыхъ тѣлъ вдругъ приподнялся на локтѣ солдатъ, по формѣ—непріятельскій, видимо раненый—у него лицо и грудь были залиты кровью; онъ подался впередъ, вытянулъ руки, пригнулъ къ плечу голову и такъ и смотрѣлъ на Микошу остановившимися, похожими на стальныя острія, глазами. «Чего это онъ смотритъ?—подумалъ Микоша, невольно остановившись.—Поди, умираетъ»...

И только онъ это подумалъ, какъ передъ нимъ вдругъ блеснулъ огонекъ и грянулъ выстрѣлъ. Микошу сильно ударило въ грудь, горячая волна подкатила и сжала горло; онъ открылъ ротъ, чтобы схватить воздуху—и не могъ. А ноги какъ будто сами подгибались, и онъ сталъ падать, хватая руками воздухъ, чтобы за что-нибудь зацѣпиться. Онъ опустился сначала на колѣни, потомъ упалъ на бокъ и перевернулся на спину. Въ глазахъ сразу стало темно—онъ не успѣлъ даже подумать, что это съ нимъ, и потерялъ сознаніе.

Когда онъ очнулся, стояла ночь. Прямо передъ нимъ свѣтила въ небѣ луна, освѣщая круглую поляну посреди рѣдкой березовой рощи. Микоша ничего не помнилъ и не понималъ, что съ нимъ случилось, почему онъ здѣсь лежитъ.

Онъ не могъ ни встать, ни пошевельнуться; все тѣло точно было налито свинцомъ, а грудь—огнемъ, дышать было трудно и больно. Онъ смотрѣлъ на луну, не мигая, и ему казалось, что она все ниже и ниже опускается къ нему; вотъ она уже, совсѣмъ близко, и онъ видитъ, что это вовсе не луна, а блѣдное лицо Анисавы. Она смотритъ прямо ему въ глаза своими глубокими, темными глазами, и у него въ груди отъ ея глазъ становится легко-легко, и сердце сладко, блаженно замираетъ.

Онъ видитъ въ этихъ глазахъ свой родной край—тихую

широкую Вагу съ еловыми и сосновыми лѣсами по берегамъ, съ золотыми зорями негаснущихъ бѣлыхъ ночей; тамъ—рѣчныя заводи, гдѣ онъ съ отцомъ ловилъ рыбу, тамъ—чащи лѣсныя, гдѣ онъ бродилъ съ ружьемъ; а тамъ—милое Заборье съ роднымъ домомъ, со старикомъ Жудрой, съ теткой Параней, а тамъ—маленькій, затерянный въ лѣсахъ городокъ, съ бѣлой высокой церковью женскаго монастыря, такъ весело гудящей на зарѣ колоколами, съ нѣжной, красивой Анисавой, отъ взгляда которой такъ легко и радостно становится на сердцѣ.

У Микоши изъ глазъ бѣгутъ слезы; онъ тихо плачетъ и шепчетъ, чуть шевеля бѣлыми, безкровными губами:

— Анисава, ты?.. Анисавушка?..

Анисава низко къ нему склоняется. Ея голосъ похожъ на шелестъ листьевъ древесныхъ:

— Я, Микоша...

— Любъ я тебѣ, скажи по сердцу?..

— Любъ, Микоша...

— Поцѣлуешь меня, Анисавушка?..

— Поцѣлую, Микоша...

Она еще ниже склоняетъ къ нему свое блѣдное лицо и цѣлуетъ его прямо въ губы.

У нея холодныя, холодныя губы. Отъ ихъ поцѣлуя гаснетъ у него въ груди огонь, все тѣло словно наливается ледянымъ холодомъ.

Онъ устало закрываетъ глаза и сквозь закрытыя вѣки все еще видитъ свѣтлую, сіяющую бѣлизну ея нѣжнаго лица. Онъ пробуетъ пошевелить губами и не можетъ; и онъ внутренно произноситъ:

— Анисавушка...

Но Анисава не отвѣчаетъ. Ея лицо какъ будто темнѣетъ, словно она удаляется отъ него. И ему становится одиноко, одиноко.

Откуда-то издалека чуть слышно долетаетъ до него:

— Микоша...

. . . .

И тихая улыбка смерти ложится на его блѣдныя, безкровныя губы.

Спрятавшаяся было за облака луна выплываетъ и снова озаряетъ лѣсную поляну. Раненыхъ уже убрали, только мертвые лежатъ здѣсь и смотрятъ на луну неподвижными стеклянными глазами. И она смотритъ на нихъ.

Сергѣй Городецкій.

Червонная Русь.

Тамъ, гдѣ взгорбились дремучіе Карпаты,
На скалу влѣзаетъ левъ, буй-звѣрь косматый.

„На горбы Карпатъ,— онъ думаетъ,— взберусь!..
Тамъ Червонная, Пурпуровая Русь,

Горы съ бѣлыми хребтами, чудо-горы,
Тамъ сверкаютъ, громоздятся Медоборы.

Струи Стрыя, струи Стрыницъ и Быстрицъ
Въ долы съ горъ бѣгутъ быстрѣе молодицъ.

Села славныя въ садахъ лежатъ цвѣтущихъ,
Птицы вешнія поютъ въ зеленыхъ кущахъ.

Тамъ народъ одѣтъ въ исконныя одежды,
Тамъ въ сердцахъ живутъ старинныя надежды.

Медъ ломаютъ тамъ свѣтлѣе янтаря,
Тамъ съ Россіи подымается заря.

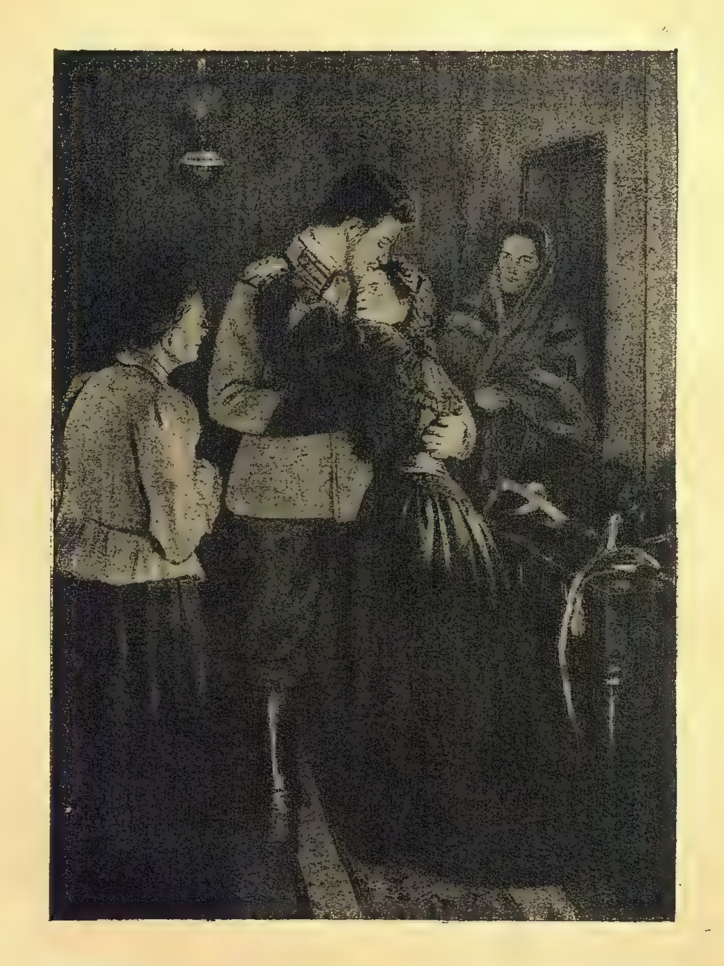
Тамъ земля дымится алой русской кровью,
Тамъ приникла Русь къ родному изголовью.

Тамъ царилъ неукротимый князь Романъ.
Тамъ престолы царства славнаго славянъ!

Любовь Столица.

Солдатъ.

Изъ Россіи многохлѣбной
Вглубь Галиціи волшебной
Онъ, упорный, зашагалъ,
Молодой, широкоскулый,
Рослый, сильный, какъ Микула,
Межъ рядовъ,— какъ сѣрый валъ.
Сзади — бороны и сохи,
Жены ласковыя, снохи.
Впереди,— быть можетъ, смерть...
Рокотъ ружей, грохотъ пушекъ
Возлѣ горъ, лѣсныхъ опушекъ.
Что же: лягъ да глазомъ смѣрь!
Притаится за окопомъ.
Мигъ — и рвется грознымъ скопомъ
Къ мѣсту вражескихъ твердынь,
И разитъ штыкомъ сверкучимъ,
И опять ползетъ по кручамъ
Въ царство яблоковъ и дынь.
Такъ иди, солдатъ, и ратай
И вокой намъ край богатый,
Чтобъ твоей Руси родной,
Бѣлой, Малой и Великой,
Какъ семьѣ единоликой,
Быть съ Червонной за-одно!

Ярошенко, Съ войны.

Ал. Ершовъ.

Западня.

РАЗСКАЗЪ.

Когда стараго Хаима Меркеля спросили, почему онъ не уѣзжаетъ, онъ покачалъ головой:

— Зачѣмъ? Развѣ мнѣ и здѣсь не хорошо?

Тогда всѣ въ одинъ голосъ стали доказывать, что пруссаки жестоко обращаются съ жителями, что его могутъ разстрѣлять, и что лучше уже бросить все, чѣмъ попадаться въ ихъ руки.

Но старикъ, слушая эти доводы, упрямо повторялъ:

— Пфа! А что мнѣ сдѣлаютъ нѣмцы?

Тогда его рѣшили оставить въ покоѣ.

Пограничное мѣстечко было похоже на огромный сундукъ со всякой всячиной. Пестрый нищенскій скарбъ валялся прямо на улицѣ, фыркали лошади, наспѣхъ запряженныя въ подводы, и пронзительно визжалъ чей-то поросенокъ, посаженный въ корзину. Мальчишки, обрадовавшись неожиданной свободѣ, гонялись другъ за другомъ по улицѣ, поднимая цѣлые столбы пыли, и только взрослые, иногда отрываясь отъ работы, съ тревогой поглядывали на западъ. Но тамъ тянулась обычная болотистая равнина, и было до-жуткости спокойно.

Послѣдней уѣзжала Фрейда Фибишъ, сосѣдка Меркеля. Она измучилась, ловя бѣлую насѣдку, и теперь стояла, запыхавшаяся и красная, возлѣ повозки. Глядя на ея красивые глаза и растрепанные, черные волосы, Меркель вспомнилъ свою единственную, рано умершую дочь Ревекку, и въ первый разъ за весь день

ласковой улыбкой освѣтилось его старое лицо. Онъ вошелъ въ свою лавочку, досталъ четвертку дешеваго чая и, сунувъ ее въ руку Фрейдѣ, сказалъ:

— На, возьми на дорогу. А это—тебѣ,—протянулъ онъ нѣсколько карамелекъ ея маленькому Давиду.

Кудрявый и черноглазый—весь въ мать, сидѣлъ онъ на подводѣ, испуганно посматривая вокругъ. Привыкшій къ постояннымъ окрикамъ, онъ недовѣрчиво взялъ карамельки и крѣпко сжалъ ихъ въ кулакѣ.

Фрейда вдругъ всплеснула руками:

— И кто бы могъ подумать, Меркель, что все это случится, а? Жили мы, жили—а теперь...

Она видимо искала сочувствія въ старикѣ, но тотъ промолчалъ и лицо его сдѣлалось безучастнымъ.

Оно не измѣнилось даже и тогда, когда подвода тронулась въ путь и Фрейда въ послѣдній разъ крикнула:

— Прощайте, Меркель! Можетъ-быть, еще увидимся!

Старикъ только пошевелилъ губами и пробормоталъ:

— Глупые... И здѣсь — умереть, и тамъ—умереть—не все ли равно?

Онъ вернулся къ себѣ и началъ убираться въ своей убогой лавченкѣ, переставляя съ мѣста на мѣсто пачки съ папиросами и пестрые цибики чая. Потомъ, выдвинувъ ящикъ, нѣсколько разъ пересчиталъ дневную выручку. Старикъ нарочно дѣлалъ все это медленно, чтобы заполнить чѣмъ-нибудь время, но день казался безконечнымъ. Когда онъ снова вышелъ на крыльцо, солнце еще высоко сверкало въ небѣ. На пыльной улицѣ уныло бродили забытыя куры, валялся чей-то сломанный стулъ съ выбитымъ сидѣньемъ и, точно снѣгъ, бѣлѣли перья изъ перины, разсыпанныя у забора. А на западѣ, гдѣ небо было безмятежно ясно, словно громадный ястребъ, рѣялъ непріятельскій аэропланъ, и тревожное урчанье мотора доносилось съ порывами вѣтра.

Хаимъ Меркель сѣлъ на ступеньки, съ любопытствомъ наблю-

дая за плавными движеніями этой, еще невиданной имъ, птицы.

Сзади него вдругъ послышался конскій топотъ.

Трое казаковъ осторожной рысцой двигались по улицѣ. Замѣтивъ Меркеля, они направились къ нему.

— Эй, старикань! Не видалъ ли ты нашего товарища?—спросилъ одинъ изъ нихъ—рыжій и бородатый дѣтина съ калмыцкимъ лицомъ.

Меркель отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, панове, не видалъ,—сказалъ онъ.

— Навѣрно, утекъ,—увѣренно вставилъ другой—помоложе.

— Какъ же утекаешь! На него небось десять чертей навалилось!—злобно возразилъ третій, у котораго лихо заломленный картузъ какимъ-то чудомъ держался на черныхъ и жесткихъ волосахъ.

Тутъ только Меркель замѣтилъ свѣжую кровь на сапогахъ и на сбруѣ казаковъ.

— А что, панове, уже дрались?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да, было дѣло,—спокойно замѣтилъ бородатый,—пятокъ, а то поболѣ ссадили! А потомъ къ нимъ еще разъѣздъ подоспѣлъ. Ну, думаю, надо увиливать! Тутъ Сенька отъ насъ и отбился. Жалко,—добавилъ онъ,—добрый казакъ былъ!

— И напористый до страсти,—подтвердилъ другой.

Казаки немного помолчали.

— Ты что же зимовать что ли собираешься?—насмѣшливо спросилъ Меркеля молодой казакъ.—Смотри, дѣдка, нѣмцы-то тебѣ кишки выпустятъ!

— Мнѣ и здѣсь хорошо,—упрямо поджалъ губы старикъ.

— А то садился бы лучше ко мнѣ,—подмигнулъ казакъ,—авось за хвостъ удержишься!

Казаки дружно захохотали.

Меркель насупилъ сѣдыя брови.

— Развѣ я что-нибудь сдѣлалъ дурное панамъ? Или я чѣмъ обидѣлъ ихъ?—ворчливо сказалъ онъ.—Пусть ужъ панове смѣ-

ются надъ молодыми, а надъ старикомъ смѣяться нехорошо.

И Меркель сердито отвернулся.

— Ишь ты какъ осерчалъ!—удивился казакъ.—Ну, и сиди здѣсь на печи, коли нравится! Что жъ, поѣхали, что ли, ребята?

Казаки дернули поводьями и крупной рысью помчались по улицѣ. Вихрастый щенокъ покатился вслѣдъ за ними, ныряя въ пыли, но, получивъ ударъ нагайкой, жалобно взвизгнулъ и замолкъ.

Наступалъ душный, лѣтній вечеръ.

Хаимъ Меркель попрежнему сидѣлъ, съ напряженіемъ глядя на западъ, гдѣ уже исчезъ непріятельскій аэропланъ и порозовѣло вечернее небо.

Все ниже и ниже опускалось золотое солнце. Сизая пила лѣса словно распиливала его смолистый торецъ, и сверкающія сыпались опилки на дорогу. Какой-то предметъ ослѣпительно блестѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Меркеля.

Старикъ подошелъ и потрогалъ его палкой. Это оказалось коробкой изъ-подъ шпротъ, гдѣ лежали мотокъ черныхъ нитокъ и нѣсколько сломанныхъ иголокъ.

«Должно быть Фрейда оставила», подумалъ Меркель.

Ему почему-то представились сконфуженныя лица жителей поселка, когда вернувшись они узнаютъ, что все было спокойно, и что старый Меркель былъ правъ, оставаясь на мѣстѣ. Эта мысль показалась ему забавной, и онъ засмѣялся хитрымъ смѣшкомъ.

— И съ чего имъ нужно было ѣхать, а?—пробормоталъ онъ.

Его взглядъ внезапно упалъ на зазубренную полосу далекаго лѣса, и сердце старика тревожно стукнуло. Три тонкихъ пики колыхались въ пламени зари. Людей не было видно. Казалось, что плыли эти пики сами собой навстрѣчу Меркелю. Но это длилось только нѣсколько мгновеній. Черныя каски съ остроконечными шишаками выросли изъ-за лѣса и словно врѣзались въ

закатное небо. Отрядъ остановился. До слуха Меркеля донеслась отрывистая нѣмецкая команда и вслѣдъ за ней рѣзкій залпъ прокатился по деревнѣ.

Старикъ вздрогнулъ и отскочилъ къ стѣнѣ. Одну минуту онъ даже раскаивался, что не уѣхалъ вмѣстѣ съ другими, но потомъ успокоился.

«И зачѣмъ они будутъ разстрѣливать бѣднаго еврея?—подумалъ онъ.—И какая имъ съ этого выгода?»

Отрядъ приближался.

Впереди ѣхалъ толстый вахмистръ съ багровымъ лицомъ и голубыми на выкатѣ глазами. Его шаровары защитнаго цвѣта плотно облегали жирныя ляшки, а каска, закрытая чехломъ, была похожа на огромную рѣдьку.

— Du, Alte!—крикнулъ онъ, почти наѣхавъ на Меркеля,—wo sind die Russen?

Меркель сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ по-нѣмецки.

Тогда нѣмецъ повторилъ фразу по-русски, довольно правильно выговаривая слова.

— И здѣсь—русскіе, и тамъ—русскіе,—уклончиво отвѣтилъ имъ Меркель.

— И на лунѣ?

Вахмистръ поднялъ мясистый палецъ кверху и захохоталъ, радуясь своей остротѣ.

— Слушай, Отто,—обернулся онъ къ слѣдовавшему за нимъ бѣлобрысому кавалеристу,—я увѣренъ, что этотъ старый хрычъ знаетъ кое-что, только не говоритъ. Ну, да мы посмотримъ!

Онъ грузно спрыгнулъ съ лошади и остановился, поджидая третьяго товарища. Тотъ медленно подвигался по улицѣ, держа подъ уздцы поджарую казацкую лошаденку.

Безъ шапки, со связанными назадъ руками сидѣлъ на ней Сенька, мрачно опустивъ голову. Его безусое лицо съ рѣзкой чертой загара на лбу выражало досаду, а изъ правой руки сочилась кровь, застывая на разорванномъ рукавѣ.

Вахмистръ подошелъ къ Сенькѣ и уперѣвъ руки въ боки,

закачался своимъ огромнымъ тѣломъ.—Kosaken, Kosaken!—насмѣшливо запѣлъ онъ, выпячивая нижнюю губу.

— Kosaken, Kosaken!—подхватили остальные, тоже раскачиваясь на сѣдлахъ.

Сенька презрительно отвернулся.

— Nieder mit Kosaken!—топнулъ ногой вахмистръ и побѣдоносно потрясъ шашкой.

Эта шутка всѣмъ чрезвычайно понравилась, и ее повторили нѣсколько разъ, распѣвая на разные лады и направляя пики на Сеньку.

Меркель, стоявшій у стѣны, съ изумленіемъ наблюдалъ происходившее. На умномъ лицѣ еврея играла чуть замѣтная ироническая насмѣшка.

— Absteingen!—крикнулъ вдругъ вахмистръ и ударомъ кулака сшибъ Сеньку на землю.

Тотъ упалъ на больную руку, но не поморщился и только стиснулъ зубы.

Нѣмцы захохотали.

— Мы его свеземъ въ клѣткѣ нашему кайзеру,—замѣтилъ бѣлобрысый.

— Или сдѣлаемъ изъ него колбасу,—вставилъ вахмистръ,—die Kosake braturures! Ха-ха-ха! Das schmeckt gut!

Снова раздался общій взрывъ хохота.

Вахмистръ вдругъ грозно посмотрѣлъ на Меркеля.

— Пиво есть?—спросилъ онъ.

Старикъ замялся. Дѣйствительно, онъ тайно торговалъ пивомъ, но боялся его давать и безъ того воинственнымъ нѣмцамъ.

— Можетъ быть, панове хотятъ квасу?—хитро замѣтилъ онъ.

— Ну,—ну!—побагровѣлъ нѣмецъ.—Давайтъ пиво!

Онъ выхватилъ револьверъ и направилъ его на Меркеля.

Вахмистръ и бѣлобрысый кавалеристъ вошли въ лавку, пинками подталкивая впереди себя Сеньку. Третій же товарищъ,

получивъ какое-то приказаніе отъ вахмистра, вскочилъ на лошадь и вскорѣ скрылся за поворотомъ дороги.

При видѣ нѣсколькихъ бутылокъ пива, которыя Меркель вытащилъ изъ-подъ прилавка, лица нѣмцевъ просіяли.

Вахмистръ даже потрепалъ еврея по плечу.

— Скоро вы всѣ будете пить пиво,—снисходительно сказалъ онъ,—нашъ кайзеръ завоюетъ всю Россію.

Нѣмцы подняли стаканы до уровня глазъ, точно по командѣ произнесли—Prosit, и съ шумомъ опустили стаканы на прилавокъ.

Началась форменная попойка.

Толстый вахмистръ вначалѣ расчувствовался, вспомнилъ какую-то Annechen, оставленную дома, и, мечтательно закативъ глаза, запѣлъ:

„Ich weiss nicht was soll das bedeuten“,
„Dass ich so traurig bin!“

Бѣлобрысый кавалеристъ благоговѣйно вторилъ ему, махая въ тактъ рукой.

Но такое мирное настроеніе продолжалось недолго.

По мѣрѣ опустошенія бутылокъ, тонъ пруссаковъ становился все нахальнѣе и развязнѣе. Съ красными, возбужденными лицами стояли они, ругая Россію и русскихъ и громко стуча кулаками по прилавку. Затѣмъ уже совсѣмъ пьяными голосами запѣли популярную нѣмецкую пѣсню:

„Ein Schuss—mit dem Russ“
„Ein Schoss—mit Franzos!“
„Russen und Serben“
„Mussen alle sterben!“

Сенька сидѣлъ въ углу на ящикѣ, съ безысходной тоской глядя на окно, гдѣ трепетало алое знамя зари. «Небось, теперь наши чай пьютъ,—подумалъ онъ,—а Гаврилычъ разсказыва-

етъ, сколько нѣмцевъ ссадилъ. И, навѣрное, все вретъ. Скажетъ еще, что это онъ ихняго офицера свалилъ! А это я его шашкой огрѣлъ, а не онъ... Онъ ужъ опосля подскочилъ... Эхъ!—Кабы не моя рука!..».и.Сенька съ ненавистью посмотрѣлъ на нѣмцевъ.

Вахмистръ уже былъ сильно пьянъ.

Съ самодовольнымъ видомъ хвастался онъ своей мѣткостью, увѣряя, что никто въ эскадронѣ не можетъ съ нимъ сравниться въ стрѣльбѣ.

Бѣлобрысый подобострастно поддакивалъ ему.

— Я стрѣляю не хуже Вильгельма Телля, да!—воскликнулъ онъ наконецъ, и побѣдоносно поглядѣлъ вокругъ.

Взглядъ его упалъ на Сеньку, и тупая улыбка пробѣжала по лицу вахмистра.

Пошатываясь, подошелъ онъ къ казаку и жирными пальцами взялъ его за подбородокъ.

— So!—сказалъ онъ, поднимая его голову и ставя на нее пустой стаканъ.

Сенька сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ поблѣднѣлъ, но старался казаться молодцомъ и даже попробовалъ усмѣхнуться. Только тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ расширенныхъ зрачковъ увидѣлъ Меркель весь ужасъ того, что происходитъ.

Старый еврей не выдержалъ. Онъ подбѣжалъ къ вахмистру и вцѣпился въ его руку.

— Пане, пане, не надо стрѣлять, не надо,—залепеталъ онъ.

— Halt's Malu!—въ бѣшенствѣ крикнулъ нѣмецъ, грубо отталкивая его и поднимая револьверъ.

Рука у него дрожала.

— Оставь, еще услышитъ кто-нибудь,—съ безпокойствомъ сказалъ бѣлобрысый.

Но вахмистръ уже спустилъ курокъ. Раздался сухой трескъ выстрѣла, и пуля, расщепивъ стѣну, впилась въ двухъ вершкахъ отъ Сенькиной головы.

— Попалъ пальцемъ въ небо,—проворчалъ Сенька.

Вахмистръ съ досадой обернулся.

— Пустяки,—сказалъ онъ,—я просто мало выпилъ. Слѣдующій выстрѣлъ будетъ удачнѣе! Старикъ, еще пива!

Меркель молча указалъ на пустыя бутылки.

— Я тебя заставлю слушаться, мерзавецъ!—заоралъ нѣмецъ и схватилъ Меркеля за бороду.

Глаза старика сверкнули и гнѣвныя складки сдвинулись на лбу. Но потомъ взглядъ этотъ потухъ и странная усмѣшка скривила его губы.

— Если ужъ, панове, хотятъ, я могу достать имъ хорошаго вина,—замѣтилъ Меркель.

Въ тонѣ его послышалась какая-то жуткая вкрадчивость.

Нѣмцы закивали головами.

Старикъ подошелъ къ западнѣ, находившейся посреди лавки, и поднялъ ее за кольцо.

Подъ ней скрывался глубокій погребъ, заваленный ящиками, съ разломанными корзинами,соломой и всевозможной рухлядью.

Меркель спустился туда съ огаркомъ въ рукѣ и долго стучалъ тамъ какими-то бутылками.

— Однако старый плутъ умѣетъ прятать то, что нужно!—засмѣялся вахмистръ.

Оба нѣмца стояли наклонившись у западни, откуда вѣяло сыростью и холодомъ.

Наконецъ, показалась сѣдая голова старика.

— Можетъ быть, панове сами вытащатъ корзину,—сказалъ онъ она слишкомъ тяжела для меня.

— Слушай, Отто,—ты оставайся здѣсь, а я полѣзу,—замѣтилъ вахмистръ,—а въ случаѣ чего,—тихо добавилъ онъ,—пристрѣли его, какъ собаку.

Нѣкоторое время царило молчаніе.

Наконецъ, откуда-то снизу послышался глухой голосъ:

Фу ты, чортъ, ну и корзина! Да еще керосиномъ воняетъ! Настоящее русское свинство!

Потомъ донеслось кряхтенье и отборное ругательство.

— Эй, Отто, полѣзай ко мнѣ! Можетъ быть мы вдвоемъ ее поднимемъ!

Отто, держа въ рукѣ револьверъ, осторожно началъ спускаться по лѣстницѣ.

Когда голова нѣмца скрылась въ западнѣ, Сенька взглянулъ на еврея. Онъ стоялъ на ступенькѣ, сгорбившись и опустивъ огарокъ. Его лицо съ рѣзкими морщинами, освѣщенное сбоку блѣднымъ свѣтомъ зари, а снизу багровымъ пламенемъ свѣчи, казалось зловѣщимъ. Одно мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились, и Сенька какимъ-то чутьемъ угадалъ страшный планъ старика.

Меркель вдругъ выпрямился, вскрикнулъ что-то непонятное для Сеньки и ринулся внизъ.

Огромный столбъ пламени вырвался изъ подполья.

Старикъ съ обоженной бородой и опаленными бровями выскочилъ оттуда и мгновенно захлопнулъ западню.

Изъ погреба послышались нечеловѣческіе крики.

— Великъ Богъ Израиля!—воскликнулъ старикъ.

Глаза его дышали ненавистью и самъ онъ былъ похожъ на грознаго библейскаго пророка.

— Дѣдушка, горишь, горишь!—закричалъ Сенька, пытаясь освободиться отъ веревокъ.

Но старикъ не обращалъ на него вниманія. Поднявъ кверху руку, запѣлъ онъ гортаннымъ голосомъ древнюю еврейскую пѣснь.

Сизыя струи дыми поднимались изъ щелей и, клубясь, наполняли комнату. Снизу отчаянно стучали, пытаясь поднять западню, и крѣпкая задвижка уже начала поддаваться.

Тогда старикъ бросился на полъ и всей тяжестью придавилъ западню. Сенька послѣднимъ усиліемъ сбросилъ съ себя веревки и подбѣжалъ къ Меркелю. Здоровой рукой пытался онъ приподнять старика и потушить на немъ пылающую

одежду, но тотъ крѣпко держался крючковатыми пальцами за кольцо.

— Бѣги, бѣги!—хрипло проговорилъ онъ.

Сѣдыя пряди волосъ падали ему на лицо, и безумный взглядъ его былъ ужасенъ. А на полу раскаленной рѣшеткой свѣтились огненныя щели.

Сенька не выдержалъ. «Колдунъ»—пронеслось у него въ головѣ, и онъ опрометью выбѣжалъ изъ лавки.

Бѣшенно мчался онъ на нѣмецкой лошади, пригнувшись къ сѣдлу и боясь оглянуться назадъ. Только проскакавъ версты двѣ, онъ остановился.

Кругомъ мирно трещали кузнечики и пахло чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. А сзади за дубовой рощей, словно вырѣзанной изъ черной бумаги, полыхало багровое зарево.

Сенька внезапно почувствовалъ себя свободнымъ, и ему захотѣлось какъ-нибудь гаркнуть или свистнуть по-молодецки.

Одно мгновенье онъ даже пожалѣлъ сгорѣвшихъ нѣмцевъ, но потомъ ухарски тряхнулъ головой.

— Тоже стрѣлки!..—усмѣхнулся онъ.—А вотъ я бы не промазалъ!

Гдѣ-то на востокѣ взвилась сигнальная ракета и золотымъ горохомъ разсыпалась въ кубовой сини.

Эдмонъ Ростанъ.

Реймскій соборъ.

Онъ лишь безсмертнѣй сталъ благодаря врагамъ,
И міръ, любуясь имъ, съ презрѣніемъ отмѣтитъ
Слѣды презрѣнныхъ ордъ.
Пусть Фидіасъ отвѣтитъ, пусть скажетъ намъ
Родэнъ,
Не живъ ли Реймскій храмъ?
Твердыня павшая ужъ не нужна войскамъ,
Но храмъ израненный любовь двойную встрѣтитъ.
Да, кровля сожжена, тѣмъ ярче небо свѣтитъ
Сквозь кружево камней растроганнымъ очамъ.
Спасибо варварамъ: они французамъ дали
То, чѣмъ Эллады край одинъ былъ освященъ,—
Нетлѣнной красоты разбитыя скрижали.
Хвала губителямъ! Насилье — имъ законъ,
Имъ пушки — божество. И вотъ они создали
Себѣ въ вѣкахъ позоръ, намъ — вѣчный Пароенонъ.

Перевелъ Н. Минскій.

Эдвардъ Слонскій.

Та, что не погибла.

I.

О, братъ мой милый! Дѣти
Одной родной страны,
Мы въ двухъ враждебныхъ странахъ
Стоять осуждены.

Подъ ревомъ чуждыхъ пушекъ
Стоимъ въ кровавыхъ рвахъ,
Стоимъ другъ противъ друга —
Ты врагъ мой, я твой врагъ.

Лѣсъ плачетъ, нива плачетъ,
Въ огнѣ церквей кресты...
И въ двухъ враждебныхъ станахъ
Стоимъ мы — я и ты.

II.

Чуть загрохочутъ пушки,
При первомъ блескѣ дня —
Ты свистомъ пуль смертельныхъ
Привѣтствуешь меня.

На низкіе окопы
Шрапнельный мечешь градъ,
Зовешь меня и кличешь:
— Я здѣсь, твой братъ, твой братъ.

Лѣсъ плачетъ, нива плачетъ,
Вдали звучитъ набатъ,
А ты меня все кличешь:
— Я здѣсь, твой братъ, твой братъ!..

III.

Забудь меня, о, братъ мой,
Идя на смертный бой.
Въ огнѣ моихъ снарядовъ,
Какъ рыцарь, храбро стой!

Когда жъ меня увидишь,
Прицѣлься и стрѣляй —
И въ грудь поляка пулю
Нѣмецкую вонзай.

Вѣдь Та, что не погибла
(Стрѣляй же, братъ, вѣрнѣй!),
Взойдетъ изъ нашей крови
Надъ пашней этихъ дней.

Перевелъ В. Ходасевичъ.

Спенсэръ Прайсъ. Разоренная и бездомная Бельгія.

А. Купринъ.

О жестокости.

Въ одномъ мѣстѣ своей прекрасной книги «Тактика» замѣчательный военный писатель, покойный генералъ Драгомировъ, съ мудрой осторожностью разсказываетъ о томъ, что бываютъ на войнѣ (изрѣдка) и такіе,—увы!—неизбѣжные случаи, когда приходится встрѣчать огнемъ свою же часть, бѣгущую отъ огня непріятеля (къ счастью въ исторіи русской арміи такихъ случаевъ мы не знаемъ). И въ заключеніе онъ, точно со вздохомъ, приводитъ слова одного французскаго генерала, подавлявшаго въ Африкѣ возстаніе арабовъ:

«Страшно становится, когда подумаешь о томъ, на что можно отважиться на войнѣ».

Въ этихъ желѣзныхъ словахъ есть жестокая логика и неумолимая правда войны, которая состоитъ въ разрушеніи всѣхъ человѣческихъ правилъ, которая перешагиваетъ черезъ доводы повседневнаго разсудка, которая отметаетъ, какъ соръ, съ своего краснаго пути всѣ накопленныя міромъ драгоцѣнности: радость житія, доброту, жалость, красоту отношеній... Война перетасовываетъ въ нѣсколько дней всѣ наши понятія—бѣлое дѣлаетъ чернымъ, голубое—пурпуровымъ.

Убійство, воровство, грабежъ, поджогъ, предательство, обманъ,—всѣ эти въ мирное время такія опасныя, презрѣнныя и преступныя явленія вдругъ становятся на войнѣ не только возможными, допустимыми, неизбѣжными, но порою прямо даже героическими.

Мы, съ истерическимъ содроганіемъ убѣгавшіе, чтобы не видѣть, какъ кухарка рѣжетъ цыпленка, мы свыкаемся съ мыслью

о необходимости ужасовъ проволочныхъ загражденій, волчьихъ ямъ, камнемётныхъ фугасовъ и пулеметовъ, и развѣ мы, читая въ газетахъ о десяткахъ тысячъ людей, погибающихъ въ одинъ день, въ одномъ большомъ сраженіи, не говоримъ:

Да, все это ужасно, но логично.

Развѣ, вопреки нашему обычному, мирному разуму, мы не соглашаемся съ тѣмъ, что можно и нужно, ведя войну, захватывать чужіе города и объявлять ихъ своею собственностью, выпускать чужія фальшивыя ассигнаціи, отбирать и, если понадобится, даже силою, для нуждъ арміи частное имущество, сжигать по стратегическимъ соображеніямъ деревни и города, обманывать врага ложными устными и газетными извѣстіями, оплачивать предательство?

Развѣ не настоящими исполинами терпѣнія, самоотверженности, присутствія духа и безграничной любви къ родинѣ представляются теперь для насъ, такъ брезгливыхъ всегда къ сыску и шпіонажу, тѣ офицеры японскаго генеральнаго штаба, которые изъ святыхъ патріотическихъ побужденій служили бойками, прачками, носильщиками, чистильщиками сапогъ, рикшами,—служили въ чужой, враждебной странѣ, терпя униженія, брань, побои, всегда на волосокъ отъ позорной, наглой смерти?

А развѣ не жестоки случаи разстрѣла трусовъ и бѣглецовъ. Во всякой даже самой дисциплинированной арміи найдутся на первыхъ порахъ люди, которые по душевному складу, по особо нервной организаціи, наконецъ, благодаря внезапному безумію, не смогутъ противостоять ни разумомъ, ни волей животному, паническому страху. Вѣдь смѣлость и храбрость далеко не общее достояніе, и труса мы склонны въ мирное время свысока пожалѣть или пренебрежительно посмѣяться надъ нимъ. Но важность примѣра и неумолимыя требованія военной дисциплины гасятъ въ настоящемъ военачальникѣ голосъ сердца. И судить ли намъ человѣка, осуждающаго въ теченіе четверти часа, иногда пяти минутъ, даже секундъ на неизбѣжную смерть своего ближняго, своего брата.

Наконецъ, на войнѣ, всегда безконечно разнообразной и многогранной, могутъ быть изрѣдка и такіе ужасные случаи, когда сравнительно небольшой отрядъ, непомѣрно обремененный плѣнными и въ то же время исполняющій назначеніе громадной важности, можетъ очутиться въ такомъ безвыходномъ положеніи, когда передъ нимъ встаетъ неотвратимый вопросъ: что предпочесть — обычное ли, живущее въ душѣ, врожденное милосердіе, или собственную погибель, и съ нею, что еще главнѣе, погибель принятаго на себя дѣла, имѣющаго въ данную минуту огромное, рѣшающее значеніе? И военачальникъ, власть котораго безгранична и отвѣтственность безмѣрна, можетъ быть, съ безконечной болью въ душѣ,—съ болью, которой не представитъ себѣ никогда мирное воображеніе, приходитъ къ кровавому, но неизбѣжному рѣшенію.

Это то, что можно даже въ самой жестокой войнѣ назвать самой жестокой изъ жестокостей.

Но то, что сейчасъ дѣлаютъ германцы и о чемъ мы говоримъ ежесекундно, въ домахъ, въ ресторанахъ, въ избахъ, на площадяхъ и на улицахъ,—это вовсе не жестокость и не повальное, какъ полагаютъ иные, стихійное, садическое безуміе, несущееся въ пропасть, мракъ, въ кровь и въ грязь, а нѣчто болѣе непонятное и болѣе ужасное, чѣмъ безуміе, болѣе отвратительное, чѣмъ подлость и, несомнѣнно, впослѣдствіи болѣе гибельное для Германіи, чѣмъ правильная война.

Надо вообразить себѣ не гнѣвъ, а холодную злобу, бѣшеную и расчетливую, облеченную высокой техникой и великолѣпной внѣшней культурой и въ то же время сознательно топчащую въ прахъ и разрушающую до основанія все, чѣмъ гордится истинный человѣческій прогрессъ, созданный геніями мысли, учителями добра и служителями красоты. Вообразите себѣ кровожадность, какъ мѣру, введенную въ строгую систему.

Насиліе надъ женщинами и убійство дѣтей, какъ кабинетный способъ обезкровливанія дочиста враждебной страны.

8

Поджоги, разгромы и добиванiе раненыхъ, какъ механическiй рецептъ устрашенiя.

Глумленiе надъ ни въ чемъ неповинными людьми, толчки, плевки, кулаки, приклады и мерзости, какихъ не предвидѣлъ ни одинъ знатокъ сексуальной психiатрiи, какъ законъ моральнаго воздѣйствiя, законъ, предписанный свыше людьми безграничной власти, высокаго образованiя и рѣдкой религiозности!

Нѣтъ, видимо самъ Богъ отступился отъ страны, покаравъ ее этимъ неизлѣчимымъ, злобнымъ, хитрымъ и холоднымъ сумасшествiемъ.

И слѣдуетъ помнить намъ всѣмъ точно и твердо, что никогда еще проявленiе безмѣрной и безумной жестокости не дѣйствовало устрашающимъ образомъ на воиновъ, идущихъ сознательно и спокойно въ защиту своей родины, идущихъ не съ тѣмъ, чтобы умереть или побѣдить, а съ тѣмъ, чтобы побѣдить. Не надо вовсе быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что змѣя кончитъ тѣмъ, что начнетъ пожирать самое себя, истекая бѣшеной слюной и кровью.

Надо помнить еще, что Германiя съ ея вѣжливыми саксонцами и добродушными мюнхенцами состоитъ не изъ одной только Пруссiи, которой и въ Германiи не терпятъ.

И, конечно, наступитъ время, когда Россiи придется быть безпощадно жестокой, но жестокой не въ избiенiи стариковъ, женщинъ и младенцевъ, а въ неумолимости своихъ требованiй ради того, чтобы на нѣсколько сотъ лѣтъ, если не навсегда обезпечить землѣ миръ, одной изъ хранительницъ котораго будетъ возвеличенная Россiя.

А передъ скорбью тѣхъ отцовъ, женъ, невѣстъ и сестеръ, чьи сыновья, братья и возлюбленные пали первыми святыми жертвами необузданной германской жажды крови, мы тихо, благоговѣйно склонимъ обнаженныя головы. Ихъ скорбь — наша скорбь. И если Богу угодно будетъ дать намъ побѣду—побѣда будетъ отмщенiемъ за мученическiя тѣни.

Вадимъ Шершеневичъ.

Франція.

Да! И въ тебя дымъ пушекъ куцый
Впился, свирѣпъ и дальнозоркъ,—
Котелъ европныхъ революцій
И грезъ народныхъ мрачный моргъ!
Вотъ — конь войны развѣялъ гриву
Изъ дыма, заревъ и клинковъ...
Страна забыла, что игрива
Была въ шампанскомъ кабаковъ.

Вчера кричала „браво“ ты же
Кокоткамъ пляшущимъ вдогонъ —
Сегодня на вискахъ Парижа
Синѣютъ локоны знаменъ.

Не для того ль, съ лицомъ суровымъ,
Въ поляхъ отъ пули гибъ солдатъ,
Чтобъ здѣсь Наполеономъ новымъ
Назвался новый Геростратъ.

— Нѣтъ! На постели изъ заводовъ
И фабрикъ павшихъ подъ огнемъ,
Ты родила въ томящихъ родахъ
Вѣсть о побѣдѣ надъ врагомъ!

Пусть въ желти огненныхъ закатовъ
Ярчѣетъ мутный дискъ войны.

Пусть мало доблестныхъ солдатовъ,
Какъ шариковъ въ крови страны.

Утѣшься! Знай, въ бреду мученій,
Что прусской злобственной осѣ,
Не вырвать жало наступленій,
Завязшее въ твоей красѣ,

Что надо ждать, что часъ отъ часа
Мигъ ближе, тихнетъ ураганъ...
Рука французскаго Эльзаса
Излѣчитъ боль французскихъ ранъ.

Дивуа. Товарищи.

Леонидъ Андреевъ.

Бельгійцамъ.

Наступитъ нѣкогда день—и въ Берлинъ вступятъ войска союзныхъ державъ.

Войдетъ русская армія. Огромная, сѣрая и трудовая, спокойная и неторопливая, она идетъ долго по асфальтовымъ мостовымъ, отбивая привычный тяжелый шагъ. И мрачно смотритъ на нее мрачный Берлинъ: не для того онъ дѣлалъ такія прямыя и превосходныя улицы, чтобы по нимъ маршировали русскіе солдаты. И противно Берлину: онъ, хотѣвшій быть самымъ сильнымъ, онъ, мечтавшій стать послѣднимъ Римомъ и владычество свое утвердить надъ всѣмъ міромъ,—онъ оказался слабъ, онъ побѣжденъ. Тѣ, кого всю жизнь онъ считалъ низшей расой и варварами, непочтительно шагаютъ подъ Браденбургеръ-Торъ и... о, варвары!—даже не дѣлаютъ попытки хоть что-нибудь разрушить, хоть бы носъ одинъ отбить у мраморныхъ героевъ Аллеи Побѣдъ! Если нельзя быть побѣдителемъ, то недурно стать мученикомъ, но нѣтъ—и этого удовольствія не хотятъ доставить безжалостные варвары изъ Россіи. Противно Берлину!

Войдетъ французская армія. Легко и весело шагаютъ французы, такіе странные и такіе неприличные на улицахъ мрачнаго Берлина, въ своихъ старомодныхъ красныхъ шароварахъ; радостью горятъ ихъ черные глаза и съ обиднымъ любопытствомъ разсматриваютъ они свѣжіе памятники прусской столицы, перешептываются, смѣются. И горько Берлину... Но вѣдь и побѣжденный можетъ быть прекрасенъ: и не о красотѣ ли Берлина

шепчутся французы? Хоть и вырождающіеся, они кое-что понимаютъ въ красотѣ городовъ, у нихъ самихъ есть Парижъ, и вѣжливой похвалой они могли бы нѣсколько загладить неприличіе своего вторженія въ міровой городъ. Конечно, разрушать они не станутъ, они слишкомъ выродились для такого бодраго занятія, но похвалить они обязаны! Но нѣтъ: смотрятъ насмѣшливо и удивленно на красоту Фридрихштрассе, на строгую готику Вертхейма, на грозныхъ львовъ у памятника Вильгельму; и—это уже невѣжливо, это уже вандализмъ и варварство!—отъ души хохочутъ на Аллеѣ Побѣдъ, останавливаются, даже итти не могутъ отъ смѣха. Горько и противно Берлину.

А вотъ и англичане,—«наши кузены съ того берега», проклятые торгаши, измѣнники культурѣ,—невыносимо смотрѣть на нихъ мрачному Берлину! Какъ будто и не измѣняли культурѣ: все та же твердая поступь, какою уже давно измѣрили они землю, все тотъ же спокойный и гордый взглядъ, все та же отвратительная манера держаться господами даже въ Берлинѣ. Равнодушно шагаютъ по прекраснымъ мостовымъ, не замѣчая, какъ изумительно выметены онѣ для нынѣшняго парада,—или они притворяются равнодушными отъ зависти? Нѣтъ,—даже позѣвываютъ отъ берлинской скуки, смотрятъ на миленькую Шпре и спрашиваютъ негромко: это рѣка? Обидно и горько мрачному Берлину.

Но кто эти, которые идутъ дальше? Кто эти, передъ кѣмъ преклоняются всѣ знамена, кого привѣтствуютъ почтительнымъ молчаніемъ и русскіе и англичане, низко склоняютъ головы, обнажаютъ ихъ, какъ въ церкви? Кто эти—маленькая кучка блѣдныхъ и измученныхъ людей? Лица ихъ мужественны и опалены порохомъ, но шагаютъ они устало, какъ послѣ безконечно дальняго пути. Кто эти, кто даже не смотритъ на красоту Берлина, но передъ кѣмъ незамѣтно пригибается самъ Берлинъ, становится ниже, какъ будто падаетъ на колѣни?

Ахъ, да,—это бельгійцы... то, что осталось. И стыдно становится мрачному Берлину.

А кто этотъ, кто впереди, передъ кѣмъ склоняются сами мужественные несчастные бельгійцы? Скромный и простой, мужественный и кроткій, молодой, но уже съ сѣдиной невыразимаго горя въ волосахъ,—кто этотъ рыцарь съ открытымъ челомъ и печальными глазами? Это—бельгійскій король Альбертъ, вновь бельгійскій король. И стыдно становится Берлину! Какъ передъ жертвой насилія, возставшей изъ гроба, опускаются угрюмые глаза, стыдомъ и тоскою заливается ожесточенное сердце. И скупыми слезами плачетъ Берлинъ. О былой чести своей, о былой славѣ и честномъ имени своемъ, о погибшей Германіи плачетъ Берлинъ.

Но вотъ весеннее солнце выглянуло изъ тучъ. Мудрое, лучъ свой, самый ласковый, золотой и теплый, оно бросило, какъ золотую корону, на прекрасную и благородную голову того, кто въ невыносимыхъ страданіяхъ за свой народъ тщетно искалъ смерти подъ нѣмецкими снарядами—берегла его судьба для иной, прекраснѣйшей доли. Золотой короной легли лучи на скромной головѣ его, и ниже склонились знамена, и больнѣе стали скупыя слезы угрюмаго Берлина.

И тогда... этому трудно повѣрить, но это правда,—и тогда кто-то по-нѣмецки крикнулъ королю Альберту: «гохъ!» На него взглянули—да, это нѣмецъ кричалъ: смотрѣлъ на короля Альберта, плакалъ открыто и кричалъ: «гохъ!» «Это измѣна»—сказали одни. «Нѣтъ, это совѣсть»,—сказали другіе. А тотъ все кричалъ и плакалъ; и вскорѣ присоединились другіе голоса и также кричали: «гохъ!» И чѣмъ громче становился привѣтственный возгласъ, тѣмъ менѣе побѣжденнымъ казался Берлинъ, терялъ свою мрачность, золотился солнцемъ, какъ всякій другой Божій городъ. Смущенно и привѣтливо улыбался блѣдный король, и все громче становились клики: въ измѣнѣ самой себѣ возрождалась Германія, звала назадъ былую славу, свое честное имя.

...Конечно, это моя мечта,—отчего и не помечтать о справедливости, о совѣсти народной, о Божьемъ судѣ! И не одинъ я

такъ мечтаю. Очень возможно, что всѣ мы ошибаемся, и нѣтъ вовсе справедливости, и нѣтъ совѣсти, и не войдетъ король Альбертъ въ Берлинъ, и уже навѣки погибла свободная Бельгія. Неисповѣдимы судьбы народовъ, и уже давно не посылаетъ на землю пророковъ разгнѣванный Богъ. Кто знаетъ! Кто знаетъ!

Но что, кромѣ мечты нашей, можемъ мы послать благородному народу и его благородному королю? Истерзанный войной, онъ выгнанъ изъ своихъ трудовыхъ жилищъ и брошенъ въ море,—что, кромѣ мечты о справедливости и Божьемъ судѣ, можемъ послать мы ему!

Александръ Журинъ.

Изъ писемъ на войну.

Наконецъ-то, милый мой, вчера
Отъ тебя письмо я получила.
Какъ меня томили вечера!
Сколько жуткихъ думъ я расточила!
Дѣти спятъ, а я наединѣ
Словно вижу воспаленнымъ взглядомъ,
Какъ ты скачешь на лихомъ конѣ
Со своимъ отчаяннымъ отрядомъ.
А вокругъ тебя и надъ тобой
Взрывы, грохотъ, дымъ и пуль жужжанье...
Захватилъ тебя смертельный бой,
Какъ любви безумное желанье.
Скакуна до боли горяча,
Презирая смерть, огонь и муку,
Ты сжимаешь рукоять меча,
Какъ мою сжималъ когда-то руку.
Рвешься ты врагу въ глаза взглянуть,
Сталью грудь безжалостно пронзая,
Иль къ нему порывисто прильнуть,
Остріемъ меча его лобзая...
Воинъ мой, какъ я тобой горжусь!
Твой портретъ, ложась, цѣлую нѣжно...
О побѣдѣ я ужъ не молюсь:
Тамъ, гдѣ ты, — побѣда неизбѣжна!

Жестокій романсъ.

Францъ . . . . . . Мнѣ снится, —
Несчастливъ я даже во снѣ, —
Что русская будто граница
Все ближе и ближе ко мнѣ..

(Изъ реперт. „Летучей Мыши“).

Слезная серенада.

Францъ. . . Наша пѣснь, ферлирлю, ферлюрьета,
Будетъ скоро побѣдно пропѣта.
Кончимъ мы тра-та-та,
Воевать тра-та-та,
И на всѣхъ намъ тогда наплевать.

(Изъ реперт. „Летучей Мыши“).

П. Кропоткинъ.

Письма о современныхъ событіяхъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

I.

Дорогой мой другъ!

Вы хотите знать мое мнѣніе о теперешнихъ событіяхъ. Вотъ оно,—коротко и ясно.

При данныхъ условіяхъ всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силы что-нибудь дѣлать и кому дорого то, что было лучшаго въ европейской цивилизаціи, и то, за что боролся рабочій Интернаціоналъ, можетъ дѣлать только одно—помогать Европѣ раздавить врага самыхъ дорогихъ намъ завѣтовъ: нѣмецкій милитаризмъ и нѣмецкій имперіализмъ.

Съ этимъ врагомъ боролись уже въ 1871 году, тотчасъ послѣ окончанія франко-прусской войны, Либкнехтъ и Бебель, когда протестовали противъ разбойнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германской имперіи, завѣдомо противъ воли народа этихъ областей. Они видѣли въ этомъ грабежѣ залогъ новыхъ, неизбѣжныхъ войнъ, а съ ними—пріостановку цивилизаціи и прогресса.

Съ тѣмъ же врагомъ въ крайнемъ лагерѣ Интернаціонала боролся Бакунинъ, стараясь поднять освободительное возстаніе на югѣ Франціи, а когда это не удалось, онъ старался поднять общественное мнѣніе Европы своими проникновенными письмами,—Lettres à un français,—и тѣми статьями, которыя онъ называлъ своимъ завѣщаніемъ.

На защиту Франціи тотчасъ послѣ паденія Наполеона III и провозглашенія республики поднялся старикъ Гарибальди со своими волонтерами, и телеграмма «La sainte chemise rouge a débardué à Marseille» разнесла по Европѣ вѣсть о высадкѣ Капрерскаго льва на защиту Франціи противъ германскаго нашествія.

Мало того. Не въ однѣхъ крайнихъ партіяхъ, но и среди буржуазіи всей Европы, все, что принадлежало къ передовой мысли, протестовало тогда противъ разгрома Франціи, отторженія отъ нея двухъ областей и неслыханной въ тѣ времена контрибуціи въ пять милліардовъ франковъ. Уже тогда лучшіе люди Европы поняли, что военное торжество Германіи и созданіе въ центрѣ Европы могучей Германской имперіи значили пріостановку на долгіе годы той цивилизаціи, носителемъ которой была Франція, и отреченіе самой Германіи отъ идеаловъ, вдохновлявшихъ до тѣхъ поръ ея лучшихъ представителей. Всѣ чувствовали, что торжество прусскаго воинствующаго юнкерства неизбѣжно приведетъ къ торжеству военщины и кулачнаго права во всей Европѣ,—къ общему пониженію культуры.

И въ настоящее время съ этимъ врагомъ до послѣдней минуты боролись мирнымъ оружіемъ всѣ противники милитаризма: одни, протестуя противъ войны вообще, другіе—угрозой всеобщей стачки.

Но разъ сила стародавнихъ устоевъ военнаго государства взяла верхъ, разъ тотъ, который, посылая нѣмецкія войска въ Китай противъ боксеровъ, могъ самъ себя назвать Аттилой и приказывать своимъ солдатамъ быть столь же свирѣпыми, какъ полчища Аттилы («Times» припомнилъ на-дняхъ эту рѣчь), сталъ вождемъ и выразителемъ Германіи; разъ эта злая сила взяла верхъ и напустила своихъ озвѣрѣвшихъ солдатъ на Западную Европу, долгъ нашъ—дать отпоръ этой силѣ всѣми средствами въ нашей власти.

Нѣмецкіе дипломаты хорошо помнятъ завѣты Бисмарка: «Одновременно съ военной кампаніей вести дипломатическую

кампанію», т.-е. походъ лжи и обмана [1]). И теперь эти дипломаты воспользовались убійствомъ эрцгерцога Фердинанда, чтобы увѣрить ничего лучшаго не желавшихъ нѣмцевъ, что заступничество России за Сербію—причина войны. Между тѣмъ государственнымъ людямъ Западной Европы было хорошо извѣстно, что уже 6-го іюля (19-го новаго стиля) германскимъ правительствомъ война рѣшена была безповоротно.

Австрійскій ультиматумъ Сербіи былъ послѣдствіемъ этого рѣшенія, а не причиной.

Окончательное рѣшеніе было принято 6-го (19-го) іюля. Но сколько разъ война Германіи противъ Франціи уже готово была разразиться со времени разгрома 1871 года! Германія все время жила въ готовности къ ней, а Франція все время ждала новаго вторженія, котораго не въ силахъ была бы остановить. Сквозь всю исторію Франціи за послѣднія сорокъ лѣтъ красной нитью проходитъ сознаніе этой опасности. Три раза,—сперва при Александрѣ II, а потомъ при Александрѣ III,—Россія должна была вмѣшаться, чтобы предотвратить, иначе неизбѣжный, разгромъ Франціи. За послѣдніе же три года общеевропейская война уже дважды готова была разразиться. Въ іюлѣ 1911 года она была такъ близка, что здѣсь, въ Англіи, уголь для военныхъ судовъ спѣшно отправляли изъ Уэльса въ Ньюкастль по желѣзной до-

[1]) Бисмаркъ самъ разсказалъ, какъ онъ обработалъ депешу, полученную имъ отъ прусскаго короля Вильгельма, изъ Эмса, гдѣ онъ пилъ воды, и какъ онъ обнародовалъ ее въ такомъ видѣ, что выходило, будто Франція была виновницей войны 1870 года. Вильгельмъ телеграфировалъ Бисмарку, что онъ отвѣтилъ французскому посланнику во время гулянья на водахъ, что разъ онъ обѣщалъ отказаться отъ кандидатуры нѣмецкаго принца на испанскій престолъ, другихъ гарантій не требуется. Бисмаркъ, остававшійся въ Берлинѣ, пригласилъ къ себѣ обѣдать Мольтке, прочелъ ему депешу и спросилъ его, увѣренъ ли онъ въ побѣдѣ. Мольтке отвѣтилъ утвердительно, насколько предвидѣть возможно въ войнѣ. Тогда,—говоритъ Бисмаркъ,—я не фальсифицировалъ депеши короля: я только такъ „уварилъ ее“, что былъ увѣренъ, что завтра весь Парижъ потребуетъ войны (выходило оскорбленіе посланника). Такъ и случилось. Вышло, что въ войнѣ виновата была Франція и вся Европа и мы всѣ въ Петроградѣ повѣрили этому... То же происходитъ теперь.

рогѣ! Везти морскимъ путемъ было бы слишкомъ медленно и, можетъ-быть, уже ненадежно.

Прошлымъ лѣтомъ Австрія держала подъ ружьемъ милліонъ мобилизованныхъ солдатъ близъ своей восточной границы, а германская кавалерія уже въ февралѣ, когда снѣгъ еще лежалъ въ Россіи, стояла на западной границѣ Царства Польскаго, вполнѣ готовая къ наступленію. Я это знаю отъ очевидцевъ.

Если европейская война тогда уже не разразилась, то только потому, что расширеніе и укрѣпленіе Кильскаго канала, гдѣ долженъ былъ укрыться нѣмецкій флотъ (раньше въ него не могли войти дрэдноты), еще не было закончено. А также не были еще готовы громадный укрѣпленный лагерь въ озерной полосѣ Восточной Пруссіи и новыя укрѣпленія крѣпостей въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. Работы въ Кильскомъ каналѣ были спѣшно завершены нынѣшнимъ лѣтомъ, 20-го іюня,—и двѣ недѣли спустя война была рѣшена.

Впрочемъ, уже прошлой зимой много разныхъ признаковъ указывало на близость войны, и въ февралѣ въ Бордигерѣ я доказывалъ моему другу, редактору «Temps Nouveaux», какъ неправы были французы, протестовавшіе противъ закона о трехлѣтней службѣ. Другого средства, въ виду увеличенія Германіей ея готовыхъ къ бою войскъ на цѣлыя двѣсти тысячъ, не было. Если бы Франція объявила мобилизацію, хотя бы частную, она оказалась бы виновницей войны.—Война начнется,—говорилъ я,—какъ только жатва поспѣетъ въ Россіи и во Франціи: нѣмцы знаютъ, что иначе имъ нечѣмъ было бы кормить свои арміи, особенно свою быстро наступающую кавалерію. Помните, что война 1870 года началась 15-го іюля. Русскимъ друзьямъ я совѣтовалъ заранѣе выбраться изъ-за границы.

Все это было такъ ясно, такъ очевидно, что только люди, мало интересующіеся западно-европейскими дѣлами да нежелающіе вообще думать о «страшныхъ» вопросахъ, могли этого не видѣть. Что не мѣшаетъ теперь цѣлой кучѣ людей, начитав-

шихся нѣмецкой прессы и телеграммъ, разсылаемыхъ оплачиваемыми Германіей телеграфными агентствами, воображать, что причина войны—заступничество Россіи за Сербію, хотя Германія что-то еще не думаетъ объ Австріи, а пока-что завоевываетъ и «присоединяетъ» Бельгію [2].

Впрочемъ, кто же изъ государственныхъ дѣятелей Бельгіи не зналъ, что Бельгію давно рѣшено завоевать при первомъ удобномъ случаѣ, а Голландію—заставить примкнуть къ Германской имперіи, такъ какъ въ ея рукахъ находятся проливы, ведущіе въ Тихій океанъ изъ Индійскаго океана; Францію же давнымъ-давно рѣшено низвести на степень третьестепенной державы... Къ этимъ цѣлямъ направлена была вся жизнь Германской имперіи. Этими завоеваніями бредятъ въ Германіи милліоны какъ буржуа, такъ и рабочихъ.

II.

Не Сербія—причина войны, не страхъ Германіи передъ Россіей, а то, что, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, тотъ классъ, который заправляетъ политической жизнью Германіи, былъ опьяненъ своимъ торжествомъ надъ Франціей и своей быстро развивавшейся военной силой на сушѣ и на моряхъ. Этотъ классъ считаетъ прямо-таки оскорбительнымъ для Германіи, что ея сосѣди мѣшаютъ ей завладѣть богатыми (готовыми, заселенными уже) колоніями на Средиземномъ морѣ (Марокко, Алжиръ, Египетъ), а также Малой Азіей и частью Китая, опережаютъ ее въ планахъ захвата будущей Адріатики Индій-

---

[2]) **Англійскій парламентъ только-что издалъ „Синюю книгу" (ея офиціальный нумеръ: Cd 7595) о тайной „офиціальной германской организаціи съ цѣлью вліять на прессу другихъ странъ". Организація была составлена 28-го февраля подъ предлогомъ „увеличенія престижа германской промышленности за границей", и на нее было ассигновано 500,000 марокъ частными компаніями и 250,000 марокъ правительствомъ. Завѣты Бисмарка насчетъ купленной прессы не забыты въ Германіи.**

скаго океана, т.-е. Персидскаго залива, и вообще мѣшаютъ ей установить свою гегемонію въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Быстрое закрытіе германской обрабатывающей промышленности за послѣднія сорокъ лѣтъ, безъ одновременнаго развитія достатка среди крестьянства, которое могло бы быть рынкомъ для сбыта мануфактурныхъ издѣлій (какъ въ Соединенныхъ Штатахъ), сдѣлало то, что громадная масса нѣмецкаго пролетаріата заражалась тѣми же завоевательными планами и теперь тоже мечтаетъ о быстромъ развитіи могучаго, завоевательнаго капитализма. Вслѣдствіе чего въ результатѣ получается настоящее поклоненіе передъ идеей объединеннаго военнаго государства, обожаніе арміи и поразительное единодушіе въ завоевательныхъ мечтаніяхъ.

Что въ этой характеристикѣ нѣтъ преувеличенія, доказали событія послѣднихъ дней.

«Оставайтесь нейтральными,—писалъ Вильгельмъ англійскому правительству.—Я оставлю нетронутой территорію Франціи въ Европѣ, только отберу ея колоніи (Марокко, Алжиръ, Тунисъ, Тонкинъ)».

«Не оставайтесь нейтральными, присоединитесь ко мнѣ,—писалъ онъ въ Италію.—Вы получите за это Савойю, Ниццу, Тунисъ».

«Не вмѣшивайтесь, дайте мнѣ раздѣлаться съ Англіей, Бельгіей и Франціей,—писалъ онъ въ Россію и обѣщалъ не трогать Россіи,—покудова».

«Охота вамъ придавать такое значеніе клочку бумаги, т.-е. договору европейскихъ государствъ, которымъ обезпечивалась независимость и нейтральность Бельгіи», писалъ германскій канцлеръ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, нагло заявляя, такимъ образомъ, что для Германіи никакіе международные договоры не существуютъ.

Намъ, вѣрно, скажутъ, что Наполеонъ I тоже считалъ себя въ правѣ попирать всѣ международные договоры. Правда, но, по крайней мѣрѣ, вплоть до войны 1812 года арміи Французской

республики, а затѣмъ даже и имперіи разносили по Европѣ уничтоженіе крѣпостного права и равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Въ этомъ была ихъ сила. Что же несутъ теперь нѣмецкія арміи въ сожигаемые ими города и деревни? Ничего, кромѣ идеала военнаго государства! Никакой идеи права! Ничего, кромѣ торжества озвѣрѣвшаго солдата! Ничего, кромѣ топтанія въ грязь той самой культуры, которая развивалась въ Германіи до 1870 года.

Свобода народностей? Идеалы мира? Прогрессъ? Ничего этого нѣтъ на знамени Германской имперіи. Оно обѣщаетъ только войну, оно—залогъ новыхъ войнъ. Покореніе вольныхъ націй. Централизованное военное государство, подчиненіе всей жизни народа военному идеалу, воплощеніемъ котораго служитъ онъ, Вильгельмъ, самъ себя именующій «бичемъ Божіимъ», Аттилой!

Постарайтесь въ самомъ дѣлѣ представить себѣ, что̀ значило бы торжество Германіи въ теперешней войнѣ?

Покореніе Бельгіи,—всей или по крайней мѣрѣ большей ея части. Во всякомъ случаѣ водвореніе Германіи въ Антверпенѣ и, по всей вѣроятности, въ Калэ.

Насильственное пріобщеніе Голландіи къ Германской имперіи.

Угроза присоединенія Швейцаріи, которую болѣе не въ силахъ будутъ защищать Франція и Англія [3]).

Присоединеніе къ Германіи части Франціи (Шампани и сѣверныхъ береговъ), а, слѣдовательно, появленіе линіи нѣмецкихъ крѣпостей въ одномъ или въ двухъ дняхъ пути отъ Парижа и запрещеніе воздвигать противъ нихъ укрѣпленія; громадная, изнурительная контрибуція, идущая главнымъ образомъ на дальнѣйшее усиленіе германской арміи и флота (уже Бисмаркъ жалѣлъ, что не взялъ контрибуціи въ 15 милліардовъ вмѣсто пяти). Въ результатѣ низведеніе Франціи на роль третьестепеннаго го-

[3]) Если бы Швейцарія быстрой мобилизаціей 600-тысячнаго войска не подкрѣпила своего отказа пропустить германскія войска во Францію черезъ Базельскій кантонъ, ея независимости былъ бы положенъ конецъ.

сударства, не смѣющаго сдѣлать ни одного шага въ направленіи соціальнаго прогресса въ виду угрозы вмѣшательства Германіи. Всѣ эти годы въ этомъ положеніи была Бельгія. Въ такое же положеніе попала бы Франція и приблизительно въ такое же положеніе попала бы Англія.

Теперь, когда строятся громадные пароходы, способные принять каждый по нѣскольку тысячъ солдатъ, когда подводныя лодки, аэропланы и управляемые воздушные шары стали частью вооруженныхъ силъ, неуязвимости Англіи отъ вторженія нѣмцевъ уже не существуетъ. Уже теперь знающіе люди предвидятъ здѣсь полную возможность вторженія. Когда же прусская каска будетъ владычествовать на южномъ берегу Па-де-Калэ, вторженіе въ Англію станетъ просто вопросомъ удобной минуты. Весь строй жизни и дальнѣйшее развитіе страны должны будутъ складываться въ виду этой возможности, какъ они уже складывались во Франціи.

О послѣдствіяхъ торжества Германіи для насъ, въ Россіи, даже думать не хочется,—такъ они были бы ужасны. Что станется съ внутреннимъ развитіемъ Россіи, когда на Нѣманѣ, въ Ригѣ, а можетъ быть и въ Ревелѣ воздвигнутся нѣмецкія крѣпости, какъ Мецъ, — не для защиты отвоеванной территоріи, а для нападенія? Крѣпости, откуда въ первый же день объявленія войны смогутъ выступить двѣсти тысячъ войска, со всей своей артиллеріей, готовые итти на Петроградъ?

Вообще торжество Германіи въ этой войнѣ значило бы порабощеніе всей европейской культуры задачамъ военнаго преобладанія. Ея торжество въ 1870 году уже дало намъ сорокъ лѣтъ такого порабощенія и остановки общаго развитія. Теперь ея торжество надъ Франціей, Бельгіей, Англіей и Россіей дало бы полстолѣтія, если бы не болѣе, такой же остановки развитія, распространенной на всю Западную Европу и на весь славянскій міръ.

Я не говорю уже о томъ, въ какихъ возмутительно-дикихъ формахъ выражается въ теперешней войнѣ торжествующій гер-

манизмъ. Говоря только о томъ, что̀ засвидѣтельствовано непреложными свидѣтельскими показаніями, нѣмецкія регулярныя войска превзошли все, что̀ мы слыхали до сихъ поръ. И при этомъ, — замѣтьте, — послѣдній нѣмецкій солдатъ и цабернскій лейтенантъ, совершая звѣрства надъ бельгійцами,—стариками, женщинами, дѣтьми,—считаетъ ихъ именно бунтовщиками. Не народомъ, воюющимъ за свою свободу, а беззаконными бунтовщиками.

Что̀ всего ужаснѣе, это—то, что насиліе, совершаемое германцами надъ Бельгіей, возбуждающее омерзѣніе во всемъ образованномъ мірѣ, находитъ оправданіе даже въ средѣ крайней партіи —соціалъ-демократической. Надѣюсь, не у всѣхъ. Но вы, конечно, читали о кампаніи, предпринятой нѣмецкимъ депутатомъ Зудекумомъ въ шведской газетѣ «Socialdemokraten» и лично въ Италіи, и видѣли отвѣты, данные ему въ этихъ странахъ.

Тѣмъ временемъ внѣ Германіи пролетаріатъ всей Европы понимаетъ, какое клеймо теперешняя война налагаетъ на германскій народъ, и желаетъ, ждетъ полнаго пораженія Германіи и прекращенія внесенной ею въ нашу жизнь военщины.

Многое еще хотѣлъ бы сказать. Но на сегодня довольно. Всѣмъ, кто не закрываетъ глаза на совершающееся вокругъ насъ, достаточно ясно, почему всякій, кому дорого прогрессивніе развитіе человѣчества и у кого мышленіе не отуманивается личными привязанностями, привычкой и софизмами казеннаго якобы патріотизма, не можетъ колебаться. Нельзя не желать полнаго пораженія зарвавшейся военной Германіи. Нельзя даже оставаться нейтральнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ нейтральность была бы потворствомъ желѣзному кулаку.

Это понимаетъ громадное большинство, и отовсюду слышатся такія рѣчи: Союзники побѣдятъ, и эта война будетъ послѣдней европейской войной. Права всѣхъ національностей на свободное развитіе будутъ признаны; федеративное начало найдетъ широкое приложеніе при передѣлѣ карты Европы. Безобразіе войны и неспособность вооруженнаго мира предотвартить

ее такъ бьютъ въ глаза, что наступаетъ періодъ всеобщаго разоруженія. А единеніе внутри передовыхъ націй, къ которому уже ведетъ теперь необычайное напряженіе всѣхъ силъ, съ тѣхъ поръ, какъ надвинулась общая опасность, неизбѣжно оставитъ слѣды во всѣхъ народахъ. Оно уже кладетъ зачатки новой, болѣе объединенной жизни всѣхъ слоевъ, изъ которыхъ теперь слагаются націи.

Таковы мысли, нарождающіяся въ Западной Европѣ. Онѣ вѣрны и онѣ должны восторжествовать.

Письмо второе.

I.

Дорогой мой другъ!

Конечно, вамъ, должно-быть, очень больно переживать противорѣчія, которыя осаждаютъ васъ. «Меня одна мысль, главнымъ образомъ, мучаетъ,—пишете вы.—Неужели война, въ особенности въ такихъ размѣрахъ, какъ теперешняя, можетъ являться войной освободительной?.. Если вы раньше знали, что война съ Германіей будетъ освободительной войной, тогда къ чему намъ былъ весь антимилитаризмъ, всѣ фразы о всеобщей стачкѣ и т. п.? Вообще, рядъ вопросовъ, которые теперь не даютъ жить»...

Я понимаю, какъ должны мучить подобные вопросы. Но не оттого ли они возникли, что во всей работѣ антимилитаристовъ, противниковъ войны, лежитъ коренная ошибка? Они думали, что своей пропагандой противъ войны они могутъ помѣшать войнѣ, несмотря на то, что теперь существуютъ еще во всей силѣ тѣ причины, которыми обусловливается неизбѣжность войнъ.

Они писали, что причина всѣхъ современныхъ войнъ—европейскій капитализмъ со всѣми его извѣстными послѣдствіями. А съ другой стороны, они вѣрили, что «достаточно объявить все-

общую стачку» во всѣхъ странахъ, готовыхъ броситься на войну (только!), и война станетъ невозможною.

Какимъ-то чудомъ вся громадная сила капитала и подвластныхъ ему орудій исчезла, рушилась, парализовалась. И исчезла она не только во Франціи, но и въ той другой странѣ,—въ Германіи, которая въ завоеваніи части Франціи, въ обезсиленіи ея и пріобрѣтеніи ея колоній видѣла «необходимый шагъ», чтобы дать развиться во-всю своему, германскому, капитализму.

Выходила, такимъ образомъ, явная несообразность. И я теперь спрашиваю себя: Вполнѣ ли сознавало большинство антимилитаристовъ неразрывную связь между войною и разрастаніемъ европейскаго капитализма? Не придавали ли они все-таки слишкомъ большое значеніе въ войнахъ злой волѣ отдѣльныхъ личностей?

Вотъ почему за послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, когда неизбѣжность нападенія Германской имперіи на Францію стала ярко обозначаться, я старался убѣдить французскихъ товарищей, что пропаганда противъ войны—одно, а положеніе, которое имъ придется занять въ моментъ объявленія войны Германіей,—совершенно другое.

Живя въ обществѣ, скажемъ, двадцати человѣкъ и видя, что одинъ изъ насъ, посильнѣе, норовитъ угнетать другого, я могу, я долженъ употреблять всѣ мои усилія, чтобы вразумить всѣхъ насъ, а въ особенности сильнаго, стремящагося угнетать слабаго товарища. Но если мои слова не подѣйствовали, если сильный началъ бить слабаго, развѣ я имѣю право стоять въ сторонѣ, сложа руки, на томъ основаніи, что кулакъ—не доказательство и что я раньше проповѣдовалъ вредъ драки и необходимость мира? Именно потому, что я противникъ угнетенія слабаго сильнымъ, я бросаюсь въ драку и помогаю слабому отбить сильнаго, хотя прекрасно знаю по опыту, что ударъ кулака, предназначавшійся слабому, непремѣнно попадетъ въ мою голову.

Я понимаю, что можно не отвѣчать на личную обиду. Но

стоять сложа руки, когда злой и сильный бьетъ слабаго,—непростительная подлость. Именно ею держится всякое насиліе.

Проповѣдь противъ войны, конечно, приближаетъ время, когда люди поймутъ, что истинною причиною войны всегда бываетъ желаніе одной страны воспользоваться трудомъ другой страны и накопленными ею богатствами. Она поможетъ также убѣдиться, что даже «успѣшная война» приноситъ, въ концѣ-концовъ, больше вреда, чѣмъ пользы, самимъ побѣдителямъ.

Но при нынѣ существующихъ условіяхъ такая пропаганда не можетъ помѣшать войнѣ, покуда есть страны, которыхъ населеніе готово помогать желающимъ наживаться чужимъ трудомъ, сплошь да рядомъ предполагая въ этомъ и свою выгоду.

Угроза всеобщей стачки может̃ъ сдерживать до поры, до времени завоевательные порывы. Но бросьте думать,—говорилъ я,—что всеобщая стачка можетъ состояться въ моментъ объявленія войны, если одна изъ сторонъ рѣшила открыть военныя дѣйствія. Каждый въ той странѣ, которой грозитъ вторженіе, будетъ чувствовать въ такую минуту, что одинъ день промедленія въ мобилизаціи представитъ подарокъ завоевателю цѣлой области и увеличитъ число жертвъ войны на лишнюю сотню тысячъ человѣкъ.

На это мои французскіе товарищи возражали: «Для того-то мы и ведемъ антивоенную пропаганду, чтобы открыть глаза нѣмцамъ; чтобы они отказались помогать своимъ капиталистамъ въ грабежѣ Франціи. Помни, что у нѣмцевъ есть уже три съ половиною милліона соціалистовъ,—наивно прибавляли мои друзья,—и эта масса соціалистовъ вмѣстѣ съ нами воспротивится войнѣ».

Когда же я доказывалъ, что этого не будетъ и быть не можетъ, мнѣ смѣло отвѣчали: «Если даже и такъ, то кто-нибудь долженъ же взять на себя починъ. Мы начинаемъ,—будь, что будетъ!»

На это оставалось только сказать: «Пусть такъ! Но съ тѣмъ,

что, когда Германія начнетъ съ дикой энергіей,—съ согласія своихъ соціалистовъ,—собирать свои полчища, вы съ еще большей энергіей и съ тѣмъ болѣе полнымъ сознаніемъ правоты своего дѣла, что вы старались помѣшать войнѣ, будете помогать мобилизаціи и будете драться противъ завоевателей. Только бросьте вы говорить такой вздоръ, что рабочему-французу все равно, кто бы ни владѣлъ имъ: французскій капиталистъ и французскій префектъ или нѣмецкій генералъ и нѣмецкій фабрикантъ. Вы, во Франціи, не видали и, мало путешествуя, не знаете, что значитъ жить подъ владычествомъ другой націи».

Впрочемъ, на этотъ счетъ за послѣдній мѣсяцъ нѣмцы сами постарались открыть глаза мечтателямъ[1]).

Большая часть французскихъ антимилитаристовъ именно то и сдѣлала, что слѣдовало предвидѣть. Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны одинъ изъ близкихъ моихъ товарищей, одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ антимилитаристовъ, писалъ мнѣ изъ Парижа: «Ты былъ правъ: надо защищаться. Только сопротивленіе и нападеніе сломятъ нѣмецкую военщину». Другіе пишутъ: «Состою въ такомъ-то полку»: санитаромъ—кто постарше, рядовымъ—кто помоложе; и дерутся антимилитаристы, навѣрное, съ такимъ же твердымъ намѣреніемъ выгнать изъ Франціи разъ навсегда численно превосходныхъ засѣвшихъ въ окопы нѣмцевъ, какъ и всѣ остальные.

Такъ же поступили и бельгійцы. До послѣдней минуты они стояли за миръ. А когда надвинулась орда завоевателей, они стали геройски защищать дорогіе имъ родные поля и города.

Теперь вы, конечно, знаете, что двинуло нѣмцевъ на завоева-

---

[1]) Одинъ изъ такихъ мечтателей, французскій депутатъ-соціалистъ Комперъ-Морель, побывавъ въ Санлисѣ (Senlis) и убѣдившись на мѣстахъ, съ какимъ злорадствомъ нѣмецкіе солдаты подвергали пыткамъ французовъ, раньше чѣмъ ихъ добить, съ грустью признается въ своихъ заблужденіяхъ. Онъ указываетъ, что изъ четырехъ милліоновъ избирателей-соціалистовъ въ Германіи по крайней мѣрѣ одинъ милліонъ долженъ находиться въ нѣмецкихъ войскахъ, наводнившихъ Бельгію и Францію.

ніе Бельгіи и Франціи. Вы знаете, какъ безъ всякаго повода или даже подобія повода они вторглись въ Бельгію, чтобы легче имъ было раздавить ненавистную имъ Францію; вы знаете, какъ они завоевываютъ, знаете, какъ они мстятъ, когда имъ приходится отступать изъ городовъ и селъ, которые они уже считали своими. Вы знаете, почему и какъ они ведутъ войну. Такъ скажите: желаете вы успѣха бельгійцамъ и французамъ? Желаете вы изгнанія озвѣрѣлыхъ завоевателей изъ Бельгіи и Франціи?

Если да, то о чемъ же еще разговаривать?

II.

Я знаю, что далеко не всѣ раздѣляютъ такой взглядъ. Въ Италіи есть много рабочихъ, особенно анархистовъ, синдикалистовъ и отчасти соціалъ-демократовъ, которые безусловно противъ того, чтобы Италія приняла какое бы то ни было участіе въ войнѣ. Всѣ они выражаютъ сочувствіе Бельгіи и Франціи и ненависть къ завоевательному германизму; но вмѣстѣ съ тѣмъ они стоятъ за полное невмѣшательство,—не только правительства, но даже отдѣльныхъ отрядовъ добровольцевъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, теперешнимъ состояніемъ Италіи послѣ триполійской войны. Рабочіе, очевидно, боятся, что если начнется агитація для посылки во Францію добровольческихъ отрядовъ (какъ это совѣтовалъ на недавнемъ совѣщаніи синдикалистовъ де-Амбрисъ), это дастъ поводъ правительству вмѣшаться въ войну. А въ данную минуту,—думаютъ они,—вмѣшательство было бы гибельно для Италіи. Дѣйствительно, поживши въ Италіи, вполнѣ понимаешь, какъ должны итальянцы, любящіе свою родину, опасаться войны. При теперешней дезорганизаціи арміи послѣ триполійской войны, при полномъ истощеніи военныхъ запасовъ и особенно казначейства,—начинать новую войну они считаютъ невозможнымъ.

Такимъ образомъ, положеніе, принятое итальянцами, вполнѣ понятно. Можно сказать только одно: что его послѣдствія могутъ быть очень невыносимы для Италіи. Своимъ отказомъ стать на сторону тройственнаго союза Италія нажила непримиримаго врага въ Германіи, которая, если она не потерпитъ полнаго пораженія, непремѣнно воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить давно подготовляемое ею вторженіе въ сѣверную Италію.

Что же касается до тѣхъ группъ, глубоко убѣжденныхъ антимилитаристовъ во Франціи и Швейцаріи, которыя во имя своего отрицанія войны не желаютъ поощрять ни той, ни другой воюющей стороны и среди которыхъ я имѣю близкихъ друзей, то они впадаютъ, на мой взглядъ, въ серьезную ошибку. Ихъ сочувствіе на сторонѣ французскаго и бельгійскаго народа. Самый фактъ завоеванія и обиранія одного народа другимъ имъ ненавистенъ. «Но война—зло,—говорятъ они,—а потому они не хотятъ ея ни за, ни противъ Германіи.

Но они упускаютъ изъ вида одно. Теперешняя война творитъ новую исторію. Она всѣмъ народамъ ставитъ новыя задачи общественнаго строительства. И когда начнется эта перестройка, новая жизнь пройдетъ мимо тѣхъ, кто отказался быть людьми дѣйствія въ минуты, когда судьбы нашего вѣка рѣшались на поляхъ битвъ.

Да, война, дѣйствительно, поставила мучительные вопросы. Но нельзя ли на нее взглянуть попроще?

Почему-то повсюду на нее возлагаются большія надежды. Отовсюду слышится мнѣніе, что эта война положитъ конецъ развитію могучаго военнаго государства въ центрѣ Европы, служащаго угрозой своимъ сосѣдямъ. Почему-то люди вѣрятъ, что она положитъ начало временамъ мирнаго развитія въ лучшемъ направленіи; ужасы войны выступили за эти два мѣсяца въ такой потрясающей наготѣ; наконецъ, вызванное ею объединеніе всѣхъ слоевъ общества въ одномъ общемъ дѣлѣ не прой-

детъ безслѣдно, а заложитъ начатки болѣе объединенной жизни...

Конецъ гегемоніи Германіи, распаденіе Австрійской имперіи и заря новой жизни для славянскихъ народностей, объединенная Польша, снова вносящая свои народныя начала въ сокровищницу знаній и творчества Европы, какъ она вносила ихъ раньше,—чего только не ждутъ отъ этой войны!

Конечно, можно только радоваться, что войнѣ придаютъ такія цѣли. Сколько бы изъ этихъ цѣлей ни осуществилось, во всякомъ случаѣ, начало ихъ осуществленія будетъ положено.

Но нужно ли все это, чтобы опредѣлить наше отношеніе къ войнѣ? Но достаточно ли ясно уже опредѣлились ея ближайшія задачи?

Когда старый, раненый Гарибальди созвалъ въ 1870 году своихъ старыхъ и молодыхъ товарищей и пошелъ съ ними сражаться противъ нѣмцевъ за Французскую республику, онъ не задавался міровыми задачами. Онъ не переоцѣнивалъ значенія войны вообще. Онъ видѣлъ во Франціи «борьбу свободы съ самовластьемъ» и счелъ своимъ долгомъ стать, какъ всегда стоялъ, на защиту первой противъ второго.

Понятно, онъ не вмѣшался бы въ войну 1866 года между Пруссіею и Австріею, потому что ни за той, ни за другой онъ не признавалъ права на подавляющее значеніе въ Германскомъ союзѣ. И не вмѣшался бы онъ въ войну двухъ государствъ за право завоеванія какой-нибудь чужой земли въ Африкѣ или Азіи. Но онъ вступился во франко-прусскую войну, потому что со времени паденія Наполеона III война не имѣла для Германіи иной цѣли, кромѣ завоевательной, при чемъ право и прогрессъ были на сторонѣ Франціи.

То же самое приходится сказать себѣ теперь. События последнихъ двухъ мѣсяцевъ показали, насколько необходимо сокрушить злую силу, которая воюетъ во имя того, что германскимъ капиталистамъ «нужны» чужія земли и колоніи; что для покоренія своей соперницы, Франціи, Германіи «нужно было»

провести свои милліонныя арміи черезъ нейтральную Бельгію; что ей «нужно» сокрушить Англію, чтобы богатѣть. А потому Германія будто бы имѣетъ право и даже «священную миссію» предавать огню и мечу поля, политыя потомъ и кровью бельгійскихъ и французскихъ крестьянъ, обращать въ развалины города и избивать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разъ кто-нибудь изъ гражданъ вздумаетъ защищать свой домъ и свою семью отъ вторженія.

Для васъ и многихъ другихъ всего этого еще недостаточно. Вы сомнѣваетесь, вы хотите знать навѣрно, будетъ ли эта война войною освободительной? Но на этотъ вопросъ заранѣе отвѣтить невозможно. Все будетъ зависѣть отъ исхода войны со всѣми возможными, побочными ея осложненіями.

Одно только несомнѣнно. Если восторжествуетъ Германія, то война не только не будетъ освободительною: она принесетъ Европѣ новое и еще болѣе суровое порабощеніе.

Правители Германіи этого не скрываютъ. Они сами заявили, что начали войну съ цѣлями завоевательными: надолго обезсилить Францію, отобрать у нея колоніи, разбогатѣть на ея счетъ; обезсилить Англію, отобрать нѣкоторыя изъ ея колоній; обезсилить Россію, «обезпечить себя отъ ея нападеній», т.-е. «округлить границы» и настроить укрѣпленныхъ лагерей въ родѣ Меца въ областяхъ, отобранныхъ у Россіи,—поближе къ Петрограду и Москвѣ.

Что именно къ этому стремятся и владыки Германіи, и ихъ политическіе и военные писатели, и ихъ офицеры, и даже часть солдатъ,—въ этомъ нѣтъ нынѣ сомнѣнія. Они сами этого не скрываютъ. Они гордятся этимъ. И кто же не понимаетъ, какой источникъ новыхъ войнъ представилъ бы собою такой исходъ войны? Какимъ препятствіемъ онъ явился бы всякому прогрессивному внутреннему развитію въ Европѣ?

Но если это вѣрно, то помѣшать такому торжеству завоевателей, избавить Европу отъ висящей надъ нею угрозы,—не будетъ ли это уже такимъ великимъ дѣломъ, чтобы война, достиг-

шая такой цѣли, вполнѣ заслужила бы названія войны освободительной?

Замѣтьте, что въ теперешней войнѣ намѣчается еще одинъ вопросъ громадной важности: вопросъ небольшихъ народностей, стремящихся завоевать себѣ право на самобытное развитіе.

Во всякомъ случаѣ, уже теперь характеръ гигантской борьбы, ведущейся въ Европѣ, достаточно выяснился. Пора прекратить разговоры о «носителяхъ германской высокой культуры». Они достаточно выказали себя въ Бельгіи. Мы увидѣли, до чего могутъ дойти люди, даже не глупые и по природѣ не злые, если они выросли съ дѣтства въ обожаніи права военнаго захвата. И мы вынуждены опредѣленно высказать слѣдующее:

«Въ Европѣ безусловно невозможно будетъ дальнѣйшее развитіе идеаловъ и нравовъ свободы, равенства и братства, пока среди насъ будетъ семидесятимилліонное государство, гдѣ до машиннаго совершенства разработаны всѣ пріемы военнаго разбоя; гдѣ вся нація, включая ея лучшихъ людей и ея передовыя партіи, оправдываетъ эти пріемы и считаетъ ихъ своимъ правомъ, видя въ нихъ залогъ своего дальнѣйшаго развитія.

Необходимо, чтобы весь германскій народъ увидѣлъ на дѣлѣ, въ какую бездну разоренія и нравственнаго паденія повергла его культура, цѣликомъ направленная къ завоевательнымъ цѣлямъ».

Проф. Д. Анучинъ.

Значеніе нынѣшней войны.

I.

НѢМЦЫ О СЕБѢ И О ДРУГИХЪ.

Многіе убѣждены, что виновникомъ нынѣшней войны является исключительно Вильгельмъ II, навязавшій ее и Германіи, и Австро-Венгріи. Въ извѣстной степени, конечно, это такъ, но было бы ошибочно думать, что Вильгельмъ шелъ въ данномъ случаѣ противъ желанія своего народа. Объявляя войну, онъ опирался, несомнѣнно, на сочувствіе большинства нѣмцевъ, для которыхъ едва ли какая-либо война могла быть болѣе популярной, чѣмъ война съ Россіей. Во всякомъ случаѣ, война эта способна увлекать нѣмцевъ не менѣе, чѣмъ борьба съ французами, въ которыхъ каждый истый нѣмецъ долженъ обязательно видѣть своихъ враговъ. Но непріязнь нѣмцевъ къ французамъ — иного рода, чѣмъ къ славянамъ и русскимъ. Французамъ нѣмцы завидуютъ, какъ народу культурному и богатому, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и смотрятъ на нихъ свысока, какъ на націю вырождающуюся, и не могутъ забыть, что когда-то имъ приходилось терпѣть отъ французскихъ войнъ и завоеваній. Въ 1870—1871 гг. нѣмцамъ удалось разгромить Францію и на разгромѣ ея основать новую Германскую имперію. Отнявъ Эльзасъ и Лотарингію и наложивъ на побѣжденную націю колоссальную контрибуцію (5 милліардовъ), нѣмцы разсчитывали подорвать въ корень по-

ложенiе Францiи и надолго ее обезсилить. Этого однако не случилось; страна выдержала тяжелое испытанiе, стала быстро оправляться и въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, напримѣръ, въ колонiальномъ, стала даже болѣе сильной и богатой. Какъ извѣстно, Германiя проявляла впослѣдствiи неоднократно желанiе добить окончательно свою западную сосѣдку, но Россiя стала заявлять себя уже не столь покладистой, какъ ранѣе, и Германiи пришлось сдерживать свои аппетиты. Тѣмъ не менѣе мысль о новомъ разгромѣ Францiи и о показанiи ей вторично нѣмецкаго кулака лелѣялась не однимъ Вильгельмомъ и военными сферами Германiи, но и вообще влiятельными слоями германскаго общества.

Къ Россiи и славянамъ нѣмцы относятся иначе. Славяне, это въ ихъ глазахъ низшая раса, удѣлъ которой быть въ политическомъ и культурномъ подчиненiи у нѣмцевъ. Славяне средней Европы и были, какъ извѣстно, подчинены нѣмцами, причемъ жившiе на территорiи нынѣшней Сѣверной Германiи были большей частью онѣмечены. Южные славяне попали, правда, большей частью подъ власть турокъ, но турецкое владычество въ Европѣ постепенно падало, и южные славяне образовали, наконецъ, независимыя государства. Съ нѣмецкой точки зрѣнiя, для блага культуры и нужно однако, чтобы надъ славянами господствовали нѣмцы, и прежде всего Австрiя, которая присоединенiемъ Боснiи и Герцеговины начала было свое движенiе къ югу на Балканскомъ полуостровѣ. Но послѣдовавшiя затѣмъ событiя отдали остальную часть полуострова въ руки славянъ и грековъ, что, конечно, не въ интересахъ нѣмцевъ. Начатая Австро-Венгрiей войны съ Сербiей и науськиванiе Германiи Турцiей и явились попытками новаго расширенiя нѣмецкаго влiянiя насчетъ связаннаго исторически съ полуостровомъ греко-славянскаго мiра.

Изъ всѣхъ славянскихъ государствъ только одной Россiи удалось не только отстоять свою независимость, но и сдѣлаться великой державой. Была она, правда, одно время подъ монголо-

татарскимъ игомъ, но не утратила отъ того своей самостоятельности и, собравшись вокругъ Москвы, свергла иго и стала расширяться и крѣпнуть. Пробовали было подчинить ее и нѣмцы, и шведы, но попытки эти не удались. Еще въ XIII вѣкѣ и тѣ, и другіе пытались завладѣть Новгородской землей, но получили рѣзкій отпоръ отъ князя Александра Ярославича; какъ извѣстно, шведы были разбиты на Невѣ, а нѣмецкіе рыцари на Ледовомъ побоищѣ—на Чудскомъ озерѣ. Какое значеніе придавалось Русью этому отпору, видно изъ того, что память князя Александра Невскаго, признаннаго святымъ, высоко чтится и до сихъ поръ русскимъ народомъ.

Въ XVII вѣкѣ владѣнія Польши и Швеціи отдѣлили насъ отъ нѣмецкихъ державъ, но побѣды Петра I ввели въ число русскихъ подданныхъ и нѣмцевъ (въ Прибалтійскихъ провинціяхъ). Начатое Петромъ дѣло преобразованія (европеизаціи) Россіи вызвало потребность въ болѣе свѣдущихъ и образованныхъ иностранцахъ, которые стали приглашаться и сами наѣзжать въ реформируемую имперію. Шли они изъ разныхъ странъ Европы, но, въ концѣ-концовъ, преобладаніе получили нѣмцы, какъ ближайшіе къ намъ, да и въ другихъ отношеніяхъ болѣе подходящіе. Нѣмцы шли къ намъ и въ качествѣ земледѣльцевъ (колонисты) и ремесленниковъ; они стали нашими учителями въ заводскомъ, фабричномъ, горномъ, военномъ, частью сельскохозяйственномъ и коммерческомъ дѣлѣ; они долгое время поставляли намъ ученыхъ и педагоговъ, врачей, техниковъ; они заняли видное мѣсто и въ администраціи, въ различныхъ вѣдомствахъ, при чемъ и самая организація чиновничества была построена, главнымъ образомъ по нѣмецкимъ образцамъ. При Николаѣ I однимъ нѣмецкимъ писателемъ было подсчитано, что нѣмцы на русской государственной службѣ, на высшихъ и среднихъ должностяхъ составляли 26%, но,—прибавляетъ этотъ писатель,—если бы можно было опредѣлить отношеніе вѣсомъ, т.-е. принять въ соображеніе степень власти, значенія и вліянія, то оказалось бы болѣе 74%.

И это, пожалуй, было близко къ истинѣ, если припомнимъ, что нѣмцы (изъ Германіи) стояли тогда часто во главѣ вѣдомствъ, были министрами (какъ, напр., гр. Канкринъ, гр. Нессельроде) и что недаромъ же извѣстный острякъ, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, просилъ какъ-то разъ императора Николая Павловича оказать ему милость — произвести его въ нѣмцы. Такая роль нѣмцевъ въ Россіи дала основаніе историку Россіи Герману (Geschichte des russischen Staates. 1846) утверждать, что «преимущественно благодаря нѣмцамъ, ихъ образованности, трудамъ и познаніямъ Россія поднялась на степень великой европейской державы и распространила свои предѣлы до образованнѣйшихъ странъ Запада и въ доброй части азіатскаго востока», а другому писателю, Дитцелю, сказать, что «истинную государственную силу русскаго народа составляютъ чужіе, нѣмецкіе элементы (die wahre staatliche Stärke des russischen Volks die fremden, die germanischen Elemente sind»).

Такое убѣжденіе въ значеніи нѣмецкихъ элементовъ для Россіи давно уже стало соединяться у нѣмцевъ съ презрительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ славянамъ и, въ частности, къ русскимъ и Россіи. Стараніями нѣмецкихъ ученыхъ, историковъ, антропологовъ, философовъ, публицистовъ, была выработана теорія, по которой германцы, въ частности нѣмцы, представляютъ изъ себя наиболѣе совершенную во всѣхъ отношеніяхъ вѣтвь человѣчества, и что духовное превосходство нѣмцевъ и ихъ центральное положеніе въ Европѣ предопредѣляетъ Германію къ владычеству и господству надъ истощеннымъ и безсильнымъ латинскимъ Западомъ и грубымъ, некультурнымъ славянскимъ Востокомъ. Германцы стоятъ выше другихъ расъ и народовъ и по своимъ физическимъ признакамъ; древній германскій типъ, характеризующійся высокорослостью, бѣлокуростью, глубоглазостью, удлиненной головой (долихоцефаліей), продолговатымъ лицомъ, можетъ быть признанъ наиболѣе совершеннымъ въ человѣчествѣ. Онъ и теперь еще сохранился, особенно на сѣверѣ германскаго міра, и если онъ сталъ рѣдокъ въ другихъ мѣстахъ,

то это объясняется тѣмъ, что въ составъ населенія Германіи вошло много онѣмеченныхъ кельтовъ, славянъ и другихъ инородцевъ. Зато указанный бѣлокурый типъ былъ занесенъ готами, франками, лангобардами и др. за предѣлы Германіи, въ Галлію, Италію, Испанію, и внесъ туда, по мнѣнію многихъ нѣмецкихъ писателей, благородную германскую кровь, явившуюся благодѣтельнымъ ферментомъ для развитія цивилизаціи въ этихъ странахъ. Л. Вольтманъ въ двухъ большихъ сочиненіяхъ [1]), основанныхъ на массѣ изысканій и на просмотрѣ громаднаго числа портретовъ, старался доказать, что величайшіе геніи Италіи и Франціи были потомками германцевъ, и что исторія культуры въ этихъ странахъ была дѣломъ бѣлокурой германской расы, постепенно вымиравшей тамъ, что и было причиной позднѣйшаго упадка романскаго міра. Авторъ доказываетъ, что почти всѣ итальянскія знаменитости—Данте, Тассо, Петрарка, Аріосто, Альфіери, Боккачіо, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Тиціанъ, Макіавелли, Савонаролла, Лоренцо Медичи, Хр. Колумбъ, Галилей, Д. Бруно, Вольта, Мадзини, Канова, Гарибальди, Кавуръ, Верди и многіе другіе были германцами по крови, что доказывается какъ ихъ типомъ, такъ отчасти и ихъ фамиліями. Такъ, Гарибальди, это старонѣмецкое прозвище—Garipalt, Мадзини происходитъ отъ Matz, Верди отъ старонѣмецкаго Verdo, Werth, Тассо—отъ Dasse, Боккачіо—отъ Bock, Данте Алигіери—отъ Aigler, Леонардо да-Винчи—отъ Winke, Рафаэль Санти—отъ Sandt, Буонаротти—отъ Bohnrodt и т. д. Во Франціи оказывается то же самое: германскій типъ имѣли будто бы Вобанъ, Кондэ, Кольберъ, Мазарини, Монтэнъ, Декартъ, Мольеръ, Вольтеръ, Руссо, Корнель, Лафайеттъ, Робеспьеръ, Наполеонъ I, Лавуазье, Кювье, Ламартинъ, Мюссэ и мн. др., даже В. Гюго и Родэнъ. Вообще эпоха Возрожденія и послѣдующее развитіе культуры въ романскихъ странахъ были дѣломъ проникнувшей туда германской расы, которая явилась

[1]) *L. Woltmann*, „Die Germanen und die Rennaissance in Italien". 1905 г. Его же „Die Germanen in Frankreich". 1907 г.

наслѣдницей древнихъ въ политической и духовной исторіи Европы[1]). Мысль, что обитатели «сердца Европы» (das Herz von Europa) нѣмцы — составляютъ лучшую, благороднѣйшую часть человѣчества, была уже давно высказана Фихте въ его «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу» (Reden an die deutschen Nation), а теперь едва ли найдется такой нѣмецъ, который бы не былъ убѣжденъ, что «das deutschen Volk in dem Gesammtwerthe seiner Kräfte weitaus das erste Volk der Welt ist»[2]).

Возвращаясь къ нѣмецкому мнѣнію о славянахъ, его можно резюмировать вкратцѣ такъ[3]): Славяне хотя и родственники германцамъ по языку, относящемуся также къ индо-европейской вѣтви, но представляютъ изъ себя расу несравненно низшую. Положеніе славянъ относительно нѣмцевъ можетъ быть сравниваемо съ отношеніемъ негровъ и туранцевъ къ европейцамъ, кельтовъ къ римлянамъ и германцамъ, женщины къ мужчинѣ. Славяне — раса пассивная, германцы—раса активная. Эти положенія доказываются бѣдностью, неразвитостью, грубостью и невѣжествомъ славянскаго простонародія, преданнаго суевѣріямъ, лѣности и пьянству,—постояннымъ господствомъ всевозможныхъ злоупотребленій въ славянской общественной и государственной жизни,—неспособностью и неумѣніемъ славянъ

---

1) Не стоитъ и доказывать, что все это—вздоръ. Бѣлокурый долихоцефальный типъ былъ извѣстенъ уже въ древнемъ мірѣ, у грековъ и на востокѣ, гдѣ, конечно, никакихъ германцевъ не было, хотя нѣкоторые ультра-германцы видятъ и тамъ своихъ родичей, утверждаютъ даже, что и І. Христосъ былъ германцемъ по типу. Германскія племена отнюдь не были носителями новой культуры въ романскихъ странахъ; они только разрушали древнюю культуру, и возрожденіе началось тамъ лишь подъ культурнымъ вліяніемъ Греціи, когда романскій геній сталъ подниматься надъ задавившей, было, его германской военщиной. Что касается бѣлокураго типа, то онъ болѣе сохранился не у нѣмцевъ, а у шведовъ, норвежцевъ, датчанъ, шотландцевъ и др., и большинство выдающихся носителей нѣмецкой культуры не выказывало вовсе признаковъ этого типа.

2) „Нѣмецкій народъ въ совокупности его силъ есть первый народъ въ мірѣ“.

3) Такое резюмэ на основаніи обширной нѣмецкой литературы было сдѣлано В. И. Ламанскимъ въ его изслѣдованіи: „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ“. Птргр. 1871.

пользоваться умѣренною свободою, подражательностью, испорченностью, легкомысліемъ, дряблостью воли высшихъ классовъ. Поэтому вся исторія славянъ такъ мало поучительна для мыслителя, такъ ничтожна въ исторіи новой (христіанской) образованности. Немногія исключенія принадлежатъ тѣмъ періодамъ ихъ исторіи, когда политическая и духовная жизнь славянскихъ государствъ направлялась нѣмецкой цивилизующей стихіей. Литература, наука, искусство славянъ отличаются отсутствіемъ умственной оригинальности и творческой самобытности. Историческая и культурная неспособность славянской расы доказывается и тѣми огромными утратами, которыя въ теченіе вѣковъ пришлось ей испытать на югѣ и западѣ. Нѣмцы захватили у славянъ и онѣмечили болѣе восьми тысячъ кв. миль славянской земли и доставили своему языку господство у тридцати съ лишкомъ милліоновъ славянъ и другихъ племенъ такъ называемой субгерманской Европы. Какъ доказывалъ Трейчке, всѣ попытки славянъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго господства безполезны, безсмыслены и тщетны. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами славяне, лишившись руководительства назначеннымъ имъ Провидѣніемъ повелителей, учителей и обуздателей (Bezwinger, Lehrer, Zuchtmeister), а исторія человѣчества сдѣлала бы огромный шагъ назадъ. Дальнѣйшее завоевательное движеніе германской стихіи на славянскомъ востокѣ вызывается всей предыдущей исторіей европейско-христіанской образованности, всѣми высшими интересами современной цивилизаціи. Еще около времени Крымской войны, въ 1850 годахъ, вышелъ рядъ нѣмецкихъ (особенно—прусскихъ) брошюръ, въ которыхъ доказывалась необходимость для Пруссіи рѣшительнаго выступленія противъ Россіи въ соединеніи съ Франціей и Англіей. Въ 1858 г. вышла брошюра одного изъ видныхъ прусскихъ государственныхъ людей, въ которой настоятельно рекомендовалось осадить и урѣзать Россію, отнять у нея Финляндію, Прибалтійскія губерніи, Польшу, Литву, Подолію, Бессарабію, Новороссію съ Крымомъ, Кавказъ и вернуть ее къ старымъ предѣламъ

Московіи, предоставить ей развивать свою силу въ Сибири и Средней Азіи. Авторъ доказывалъ, что Пруссія должна была бы взять на себя иниціативу въ этомъ выступленіи Европы противъ Россіи. Трейчке въ 1865 году тоже доказывалъ необходимость для нѣмцевъ распространиться насчетъ славянъ и Россіи, и колонизовать Балканскій полуостровъ и Малую Азію, Кинкель въ 1868 г. проповѣдавалъ полуостровъ и Малую Азію. Кинкель («Kreuzzug gegen Russland»).

Все это высказывалось еще до французско-прусской войны и до объединенія Германіи. Созданіе Германской имперіи не могло, конечно, способствовать бо̀льшей скромности нѣмецкихъ вожделѣній. Занявъ первое мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ (какъ это скоро показалъ берлинскій конгрессъ и роль на немъ Бисмарка), Германія стала стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться первой міровой державой (Weltmacht). И, дѣйствительно, прошло какихъ-нибудь 25—30 лѣтъ, и у Германіи оказались многочисленныя колоніи,—въ Африкѣ, Австраліи, Полинезіи, она стала твердою ногою въ Китаѣ, у ней образовался обширный коммерческій флотъ и быстро началъ расти военный, ея промышленность и торговля получили міровое распространеніе въ соотвѣтствіи съ высокимъ уровнемъ, достигнутымъ ея техникой, однимъ словомъ, сдѣланы были такіе успѣхи, которые открывали самыя широкія перспективы для міровой роли Германіи. И это тѣмъ болѣе, что съ прогрессомъ культуры шло параллельно и усиленіе военной мощи, способной устранить всякія препятствія, какія могли возникать на пути къ достиженію Германіей мирового господства. Все это вмѣстѣ благопріятствовало самымъ радужнымъ надеждамъ, самымъ смѣлымъ планамъ: окончательный разгромъ Франціи и побѣда надъ Россіей, представлялись дѣломъ легкимъ и скорымъ, а затѣмъ имѣли слѣдовать: захватъ французскихъ колоній и части русскихъ владѣній, подчиненіе Бельгіи, униженіе Англіи и отнятіе нѣкоторыхъ ея заморскихъ владѣній, присоединеніе Голландіи и ея колоній, расширеніе сферы вліянія на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ и т. д.,

и т. д. Въ концѣ-концовъ, на развалинахъ отжившаго или неспособнаго къ плодотворному развитію должна будетъ,—какъ мечтаютъ нѣмецкіе патріоты,—начаться новая политическая жизнь, руководимая нѣмецкимъ геніемъ, и возникнуть новая міровая имперія, много болѣе обширная и мощная, чѣмъ Римская первыхъ вѣковъ нашей эры, или—императора Карла V.

II.

ГЕРМАНІЯ ВЫШЕ ВСЕГО НА СВѢТѢ.

Успѣхъ Германіи въ франко-прусской войнѣ 70-хъ годовъ принято было одно время приписывать «школьному учителю», т.-е. бо̀льшей грамотности и вообще бо̀льшему развитію нѣмецкихъ солдатъ сравнительно съ французскими. Нѣкоторое вліяніе, конечно, это могло оказать, но, какъ потомъ выяснилось, главная причина успѣха лежала въ бо̀льшей подготовленности Пруссіи къ войнѣ, въ бо̀льшей численности и лучшей организаціи германской арміи, въ болѣе высокомъ уровнѣ нѣмецкаго командного состава. Какъ бы то ни было, кампаніи 1866 года съ Австріей и начала 70-хъ годовъ съ Франціей высоко подняли духъ германской, особенно прусской арміи, которая стала смотрѣть на себя какъ на первую въ мірѣ. Съ своей стороны, и высокія сферы Германіи не считали возможнымъ заснуть на побѣдныхъ лаврахъ, а, напротивъ, не жалѣли средствъ и прилагали всѣ старанія, чтобы умножить свои военныя силы, улучшить ихъ организацію, использовать успѣхи техники, создать большой морской и воздушной флотъ. Усилія въ этомъ направленіи дѣлались въ такихъ размѣрахъ, что и у спеціалистовъ, и у профановъ крѣпло убѣжденіе въ непобѣдимости германской арміи. И это тѣмъ болѣе, что кромѣ ея большой численности, хорошаго матеріальнаго устройства, техническаго совершенства

она и по духу,—какъ увѣряютъ нѣмцы,—стоитъ выше другихъ армій...

Чѣмъ же отличается этотъ духъ отъ свойственнаго другимъ арміямъ, которыя вѣдь также представляютъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови соотвѣтственныхъ націй и также способны грудью отстаивать предѣлы родной земли? Одно изъ отличій заключается, повидимому, въ бо̀льшей суровости и жестокости нѣмецкаго воинства, способнаго искать себѣ лавровъ не только въ борьбѣ съ вооруженнымъ врагомъ, но и съ мирнымъ, безоружнымъ населеніемъ. Любопытно, что культъ жестокости и хищничества проповѣдывался въ Пруссіи еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Такъ, въ сочиненіи нѣкоего д-ра Коха (Regierungs und Medicinalrath), вышедшемъ въ 1859 г., доказывалась необходимость для Пруссіи быть сильной военной державой, для чего совѣтовалось поощрять воинственный духъ и воинскія способности націи, развивая общіе у человѣка съ хищными животными инстинкты и способности.

Къ такимъ относятся, напримѣръ, по его словамъ, «хитрое подстереганіе непріятеля, неподвижное выжиданіе, несмотря на кипучую страсть борьбы, пока не придетъ удобная минута, борьба съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ, готовность пожертвовать жизнью и всѣмъ для побѣды, преслѣдовать ее съ высшимъ земнымъ наслажденіемъ до уничтоженія врага, при пораженіи скорѣе принять самую мучительную смерть, чѣмъ служить побѣдителю рабомъ»... «Именно тѣмъ и отличается хищническая природа человѣка отъ животнаго, что человѣкъ съ усиленною страстью ищетъ и находитъ своихъ враговъ не внѣ своего рода, а среди его. Эта хищническая природа человѣка первая побудила людей соединиться въ общества и племена, она и теперь составляетъ ихъ связь, ибо только общеніе спасаетъ отъ внѣшняго пораженія. Поэтому человѣкъ не долженъ совершенно подавлять и уничтожать въ себѣ хищническихъ стремленій. Многіе народы оттого и погибли, что уничтожили въ себѣ благородные хищническіе инстинкты (die edeln Raubthur-

triebe)“. Можно припомнить, что уже Фрейтагъ въ своемъ романѣ «Soll und Haben», возводилъ въ идеалъ «полное отсутствіе того добродушія, которое ложно восхваляютъ какъ нѣмецкую добродѣтель (den gänzlichen Mangel jener Gutmüthigkeit, die man fälschich als eine deutsche Tugend preis)». Теперь можно сказать, что указанный идеалъ въ значительной степени достигнутъ нѣмцами, особенно германской арміей. Добродушіе теперь считается преступной слабостью, а жестокость, духъ истребленія и разрушенія,—нерѣдко въ самой варварской формѣ и не только по отношенію къ вооруженному противнику, но и по отношенію къ мирному населенію,—признаются необходимыми спутниками войны въ значительно бо́льшей степени, чѣмъ это допускалось предшествовавшими войнами XIX столѣтія.

И такой духъ (возвращающій Европу почти ко временамъ 30-тилѣтней войны) внушается германцамъ съ дѣтства. Еще Кохъ, 50 лѣтъ тому назадъ, рекомендовалъ для развитія въ юношествѣ воинственныхъ и хищническихъ инстинктовъ обученіе въ школахъ военнымъ упражненіямъ и хоровое исполненіе патріотическихъ и военныхъ пѣсенъ. Это, дѣйствительно, нашло себѣ широкое примѣненіе, и уже съ дѣтства нѣмцамъ внушается необходимость борьбы и побѣды надъ сосѣдними народами.

Du musst steigen oder si ken,
Du musst herrschen und gewinnen,
Oder dienen und verlieren,
Leiden oder triumphiren,
Amboss oder Hammer sein.

(Ты долженъ восходить или опускаться, долженъ господствовать и пріобрѣтать или быть слугою и терять, страдать или торжествовать, быть наковальней или молотомъ).

А Германія должна быть для каждаго нѣмца выше всего на свѣтѣ, какъ говорится въ извѣстной патріотической пѣсенкѣ Гофмана фонъ-Фаллерслебена, ставшей народной:

„Deutschland, Deutschland über Alles,
Ueber Alles in der Welt".

Пѣсенка, на первый взглядъ милая и невинная, по смыслѣ ея значительный и тяжкій. Германія для нѣмца должна быть выше всего на свѣтѣ, слѣдовательно, и выше человѣчества, христіанства, нравственности, цивилизаціи, добра, Бога. Нѣмцы, правда, говорятъ, что они не боятся никого, кромѣ Бога одного, но этотъ богъ не есть Богъ милосердія и любви, а богъ нѣмецкій, который благоволитъ только къ нѣмцамъ и разрѣшаетъ имъ двѣ морали: одну—для своихъ, а другую—для чужихъ.

Извѣстно, что мораль дикарей и варварскихъ народовъ тѣмъ отличается отъ высшей христіанской морали, что она совершенно эгоистична: все, что хорошо и выгодно для меня, то—добро, а то, что невыгодно, то—зло. Впрочемъ, уже на раннихъ ступеняхъ общественности область морали расширяется: люди уже считаютъ зломъ все, что невыгодно и вредно для цѣлаго рода, даже для всего своего племени. Нельзя красть у своихъ родичей и соплеменниковъ, нельзя убивать ихъ, грабить, насиловать; но вполнѣ можно дѣлать все это по отношенію къ другимъ, чужимъ племенамъ. Мало того: эти акты насилія по отношенію къ чужимъ считаются подвигами, доставляющими честь и славу. У даяковъ, напримѣръ, и нѣкоторыхъ другихъ народовъ отрѣзать и принести въ качествѣ трофея голову иноплеменника—похвальное дѣло, хотя бы эта голова была женская или дѣтская, добыта отъ спящаго или убитаго изъ засады; у многихъ племенъ ограбить чужого считается не только выгоднымъ, но и похвальнымъ. При возстаніяхъ дикарей въ европейскихъ колоніяхъ происходили нерѣдко ужасныя варварства; возставшіе съ особеннымъ стараніемъ и удовольствіемъ истребляли все европейское,—все, что свидѣтельствовало объ европейской культурѣ,—церкви, больницы, школы, библіотеки и пр. Мы, конечно, не думаемъ отождествлять нѣмцевъ, народъ съ высокой культурой, съ дикарями, но нельзя отрицать, что усиленно

поощряемый жестокій милитаризмъ и старательно внушаемыя враждебныя чувства къ «чужимъ» вызвали со стороны передового европейскаго воинства нѣсколько такихъ актовъ возмутительнаго истребленія и разрушенія, которые должны заклеймить его у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ печатью грубаго варварства.

Нѣмцы, однако, не особенно безпокоятся тѣмъ, что о нихъ думаютъ другія культурныя націи. У нихъ процвѣтаетъ теперь культъ силы, впрочемъ, только своей силы, избраннаго своего народа. Проявленія этой своей силы по отношенію къ другимъ націямъ признаются всегда справедливыми и законными, какъ бы они ни были жестоки и возмутительно-несправедливы. Они законны уже потому, что совершаются въ интересахъ Германіи, а интересы Германіи, по наивному убѣжденію нѣмцевъ, совпадаютъ съ интересами высшей части человѣчества, передовой его вѣтви. Миссія нѣмцевъ—распространять блага культуры и вести впередъ міровую цивилизацію. Остальные народы обязаны не мѣшать нѣмцамъ въ выполненіи ими ихъ миссіи и подчиняться ихъ власти или, по крайней мѣрѣ, признавать ихъ гегемонію и преклоняться предъ ихъ руководительствомъ. Противники нѣмцевъ должны считаться поэтому всегда неправыми, и ихъ выступленіе противъ Германіи равносильно возстанію противъ высшей культуры. Такая mania grandiosa обуяла не одного Вильгельма; ею заражены и высшіе представители современнаго германскаго духа. Пытаться разубѣдить нѣмцевъ въ этомъ отношеніи было бы совершенно напрасно и безполезно; націямъ, вызваннымъ на борьбу, остается только исполнить свой долгъ, напрячь всѣ свои силы, чтобы сломить искуснаго и мощнаго врага. И сломить нужно основательно, потому что, если этого не будетъ достигнуто, то въ ближайшемъ будущемъ Европу ожидаетъ новая, ужасная рѣзня, и это тѣмъ болѣе, что для германскаго правительства всякіе договоры—только клочки бумаги, имѣющіе силу лишь до тѣхъ поръ, пока это выгодно Германіи. Нѣмцы говорятъ, что въ нынѣшней войнѣ дѣло идетъ о существованіи

Германіи. Это, конечно, вздоръ: никто не думаетъ подчинять Германію и присоединять къ себѣ нѣмцевъ въ качествѣ новыхъ подданныхъ; никто не будетъ и мѣшать развитію германской культуры, ея науки, искусства, литературы, техники, промышленности. Но необходимо привести въ должные предѣлы ея милитаризмъ, необходимо обезопасить хотя бы на десятокъ—другой лѣтъ Европу и весь міръ отъ нѣмецкой «маніи величія», что будетъ благомъ не только для другихъ націй, но и для самихъ нѣмцевъ, которые въ состояніи будутъ сосредоточиться тогда на производительной культурной работѣ и вернуться, хотя бы отчасти, отъ человѣконенавистничества къ своей старой Gutmüthigkeit (добродушію). Только достиженіе этой цѣли потребуетъ еще многихъ усилій отъ союзниковъ, такъ какъ нѣмецъ силенъ, главнымъ образомъ, своей техникой и ловокъ и увертливъ, какъ врагъ нашихъ богатырей въ старинной русской былинѣ. Но какъ бы ни были велики и тяжелы требуемыя усилія, надо имѣть въ виду девизъ: «Теперь или никогда»; трудно ожидать, чтобы въ другой разъ условія сложились такъ благопріятно, какъ теперь, когда противъ силъ двухъ нѣмецкихъ державъ выступили самыя многочисленныя арміи (русская и французская) и первый въ мірѣ флотъ (англійскій), да еще помогаютъ три другихъ державы. Необходимо одолѣть непремѣнно, иначе нѣмецкій орелъ даже съ подбитыми крыльями окончательно заклюетъ болѣе слабыхъ и причинитъ массу зла человѣчеству.

А. Кизеветтеръ.

Война и переоцѣнка идей.

Міровая война, нами переживаемая, измѣнитъ не только политическія границы многихъ европейскихъ и нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ странъ. Въ связи съ этой борьбой народовъ политическо-экономическій кризисъ сплетается съ не менѣе острымъ кризисомъ также и въ области идей. И здѣсь, въ итогѣ войны окажутся и свои пріобрѣтенія, и свои опустошенія. Въ настоящей моментъ эта сторона великой катастрофы, потрясающей міръ, еще не чувствуется во всей ея силѣ: слишкомъ приковано сейчасъ трепетное вниманіе всѣхъ и каждаго къ событіямъ, развертывающимся на поляхъ битвъ. Но когда смолкнетъ, наконецъ, пальба смертоносныхъ орудій и дипломаты покончатъ свою работу по подведенію итоговъ военной борьбы, когда люди получатъ возможность спокойнѣе вглядѣться внутрь самихъ себя, тогда-то станетъ ясно, что вихремъ кровавыхъ событій произведены перевороты не только въ политическихъ и экономическихъ международныхъ отношеніяхъ, но и въ мірѣ идей, надеждъ и упованій, властвующихъ надъ человѣчествомъ.

Я вѣрю въ то, что эти идейные перевороты развернутъ передъ человѣчествомъ новыя широкія перспективы, освѣжатъ атмосферу человѣческой мысли и укажутъ для этой мысли новые пути, которые будутъ свободны отъ нѣкоторыхъ прежнихъ иллюзій, а потому и потребуютъ болѣе смѣлаго пересмотра старыхъ вопросовъ на новыхъ основаніяхъ. Такъ, напримѣръ, не разрушитъ

ли эта война прежнюю иллюзію о томъ, что успѣхи милитаризма сами по себѣ способны, все сильнѣе и сильнѣе устранять возможность войнъ? Вѣдь до сихъ поръ люди, не находя въ себѣ силы властно заклясть торжествующій духъ милитаризма, притворялись сами передъ собой въ томъ, что будто бы они вѣрятъ въ смертоносность милитаризма для самой войны. Пусть растутъ вооруженія, пусть изобрѣтаются все болѣе и болѣе разрушительныя орудія для войны; въ этомъ-то и заключается залогъ міра, ибо при такихъ орудіяхъ никто не дерзнетъ воевать: слишкомъ страшно и дорого было бы это удовольствіе для всѣхъ безъ исключенія!

До іюля мѣсяца текущаго года такъ именно разсуждало немалое количество людей. Повторятъ ли они теперь подобныя разсужденія? Не доказано ли теперь на страшномъ примѣрѣ, что безпрерывный ростъ вооруженій рано или поздно съ фатальной неизбѣжностью приводитъ къ тому моменту, когда пушки начинаютъ стрѣлять словно сами собою? Такъ, вопреки ожиданіямъ многихъ, ростъ милитаризма не могъ убить войны. Но не случится ли обратнаго! Война, теперь потрясающая міръ, не убьетъ ли милитаризма? Не станетъ ли передъ человѣчествомъ послѣ пережитыхъ событій во всей своей ясности дилемма: либо мириться съ неизбѣжностью въ будущемъ, близкомъ или отдаленномъ, повторенія міровой боевой катастрофы, либо во что-бы то ни стало добиться уничтоженія того положенія, которое такъ намъ знакомо подъ именемъ вооруженнаго мира? До сихъ поръ признавалось за аксіому старинное правило: «Если хочешь мира, готовься къ войнѣ».

Не близится ли пора, когда эта «аксіома», будетъ признана парадоксомъ, опрокинутымъ силою ужаснаго жизненнаго опыта?

Если этотъ опытъ показалъ, что ростомъ вооруженій не обезпечивается миръ, то онъ показалъ также и другое. Ростомъ классовой борьбы внутри отдѣльныхъ странъ не обезпечивается интернаціональное братство. Вопреки былымъ возвышеннымъ иллюзіямъ оказалось, что классовыя перегородки не въ силахъ

стереть національныхъ различій. Юбилей интернаціонала совпалъ съ великой международной борьбой, въ которой соціалисты борющихся странъ приняли самое горячее участіе, такъ красиво истолкованное въ заявленіи Эрве: «Началась борьба, и всѣ мы упали съ облаковъ теоріи на землю; но каждый изъ насъ упалъ на свою родную землю и почувствовалъ горячую потребность стать на ея защиту». Благо тѣмъ, кто борется для защиты своей земли. Но вотъ нѣмецкіе соціалисты борются не ради защиты, а ради нападенія. Какъ же они согласовываютъ свой образъ дѣйствій со своей доктриной? Передъ нами—заявленіе «Vorwärts», по случаю юбилея Интернаціонала. Увы!—нельзя не признать, что это заявленіе ниже всякой критики. Хуже всего то, что оно основывается на двойной лжи. Во-первыхъ, тамъ говорится, что германскій народъ вынужденъ защищаться отъ нападенія на его самостоятельность. Этого заявленія не стоитъ и опровергать. Во-вторыхъ, тамъ сказано, что нѣмецкіе соціалисты защищаются отъ нападенія на «сравнительно демократическія учрежденія» Германіи. Плохая софистика для объясненія борьбы съ Франціей, Англіей и Бельгіей! Наконецъ, въ заявленіи этомъ находимъ и третій аргументъ. Въ 1870 г.,—читаемъ въ заявленіи,—нѣмецкіе соціалисты были противъ войны, ибо тогда приходилось только еще закладывать основы своего ученія; теперь же ученіе уже настолько отлилось въ законченно-твердую форму, пустило такіе корни, что его все равно не потрясешь и не расшатаешь, если даже нѣмецкіе соціалисты и будутъ нападать на своихъ иноплеменныхъ партійныхъ товарищей. Кончится война, и чрезъ бездну снова какъ-нибудь перекинемъ золотой мостъ!

Этотъ аргументъ еще удивительнѣе, нежели два первые. Если догма получила наибольшее развитіе, то, значитъ, отъ нея не опасно на время и отступить: разсужденіе, хитроумію котораго позавидовалъ бы и Игнатій Лойола.

Я вѣрю, что возвышенная идея всечеловѣческаго братства не погибнетъ въ сознаніи лучшихъ представителей человѣче-

ства. Думаю, что даже и то, частное проявленіе этой идеи, которое переживаетъ теперь въ связи съ текущими событіями острый кризисъ и которое написано на знамени Интернаціонала, еще могло бы найти въ себѣ извѣстныя жизненныя силы. Но ради этого, отъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ потребовалось бы не самооправданіе, а раскаяніе, не рвущаяся при первомъ же прикосновеніи паутина софистики, а чистосердечное принесеніе повинной и осужденіе собственнаго поведенія. Способны ли они на это? Если не способны, въ такомъ случаѣ «мостъ», о которомъ они мечтаютъ, неизбѣжно будетъ гнилымъ и никуда негоднымъ.

П. Берлинъ.

Пушечные короли.

Когда со стороны Германіи были пущены первые пробные шары вопроса объ условіи мира, одинъ изъ крупныхъ англійскихъ политиковъ, опрошенный по этому вопросу, выставилъ основныя условія прекращенія войны. Ихъ было очень мало, и въ ихъ числѣ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ фигурировало уничтоженіе Крупповскихъ заводовъ.

Безплодно спорить о томъ, кто кого породилъ: Круппъ— прусскій милитаризмъ, или, наоборотъ,—прусскій милитаризмъ Круппа.

Сомнѣнія нѣтъ никакого, что не будь прусскаго милитаризма, не расцвѣлъ бы и Круппъ. Это ясно. Если бы не было спроса на крупповскіе снаряды и пушки, то выдѣлывалъ бы Круппъ кухонную посуду и машины.

Но безспорно, съ другой стороны, что Круппъ не только рожденъ былъ милитаризмомъ, но и, въ свою очередь, питалъ и растилъ этотъ милитаризмъ. Какъ шампанское, отвѣчая вкусу человѣка, въ то же время культивируетъ и развиваетъ этотъ вкусъ, развиваетъ потребность въ себѣ, такъ и Крупповская фабрика не только отвѣчала на спросъ милитаризма, но и сама дѣятельно и успѣшно работала надъ ростомъ и кругосвѣтнымъ распространеніемъ этого спроса.

Намъ ниже еще придется увидѣть, къ какимъ утонченнымъ и ухищреннымъ средствамъ прибѣгалъ Круппъ съ цѣлью поддерживать вѣчно пылающій огонь милитаризма.

Но прежде, чѣмъ останавливаться на этой пропагандѣ милитаризма, на этомъ пробужденіи и озлобленіи милитаристическихъ чувствъ Круппомъ, мы должны освѣтить самую характерную, стальную фигуру нѣмецкаго короля пушекъ и посмотрѣть, что представляетъ онъ въ нынѣшней Германіи.

Имя Круппа, конечно, всѣмъ извѣстно. Всемірный поставщикъ пушекъ, великій мастеръ изготовленія орудій истребленія человѣка человѣкомъ можетъ гордиться своею извѣстностью. И въ мирное время имя его у всѣхъ на устахъ. Онъ не даетъ о себѣ забыть. Онъ постоянно о себѣ напоминаетъ. Ночью и днемъ его огнедышащіе заводы выдѣлываютъ снаряды, пушки и брони, а мысль ихъ инженеровъ лихорадочно работаетъ надъ особою задачею истребленія наибольшаго числа людей при наибольшемъ разстояніи.

Такова въ краткихъ словахъ задача, надъ которой Круппы работаютъ вотъ уже сто лѣтъ, прославляя свое имя.

Но русскій читатель, достаточно наслышавшись о пушечномъ королѣ, все же понятія не имѣетъ, какъ популярно имя Круппа въ Германіи. Тамъ это настоящій герой нашего времени, воплощеніе нѣмецкаго національнаго генія. Вообразить себѣ развитіе официальной Германіи, не подумавши о Круппѣ, вещь совершенно невозможная.

Какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, такъ изъ капиталистически-милитаристической прозы современной Германіи не выкинешь Круппа. Недаромъ маленькая мастерская Круппа впервые появляется въ 1812 году, когда униженная и обиженная Наполеономъ Германія собиралась съ національными силами и подъ грозными ударами Наполеонова войска просыпалась къ самостоятельной національно-исторической жизни. Но гдѣ же въ тогдашней разгромленной и раздробленной Германіи было разгуляться Круппу! Ему было тѣсно въ Германіи, пока она была и оставалась тихою обителью поэтовъ и мыслителей. Круппъ, основавъ въ 1812 году свою мастерскую, самъ денно и нощно работалъ въ ней, обнаруживая неутомимую энергію и недюжин-

ныя способности. Но мастерская его жалко прозябла. О ней никто не зналъ, и ея слабый огонь еле мерцалъ въ тогдашней Германіи, грозя потухнуть.

Но родоначальникъ династіи пушечныхъ королей самъ былъ сдѣланъ изъ той крѣпкой стали, которую онъ мастерски выдѣлывалъ на своемъ заводѣ. Неудачи и полное равнодушіе публики заставляли его лишь утраивать энергію. Они не сломили его. А чего достигъ онъ и его пушечный родъ, показалъ столѣтній юбилей, отпразднованный два года тому назадъ. Какъ пышно и богато онъ былъ отпразднованъ! Страна мыслителей и поэтовъ въ 1812 году и не замѣтила робкое появленіе на свѣтъ Божій родоначальника пушечныхъ королей, основавшаго свою первую мастерскую.

Но зато страна бронированныхъ кулаковъ въ 1812 году необычайно пышно и богато отпраздновала столѣтній юбилей пушечной фирмы. Бѣдный и скромный мастеръ Круппъ, на послѣдніе гроши открывшій въ 1812 году свое заведеніе и пробивавшійся съ хлѣба на квасъ, и не мечталъ, конечно, что будетъ нѣкогда день и самъ германскій императоръ съ императрицей будутъ мчаться на юбилей его почтеннаго заведенія, и кругомъ будетъ длинная цѣпь все знатныхъ господъ съ длинными фамиліями. И будутъ произноситься рѣчи во славу Крупповъ и будутъ славить ихъ заслуги, неизмѣримыя, великія, передъ родиной, и имя Крупповъ затмитъ имя Шиллера.

А оно такъ и случилось. Столѣтній юбилей Круппа былъ два года тому назадъ отпразднованъ офиціальною Германіей такъ, какъ, конечно, никогда не праздновался юбилей ея величайшихъ поэтовъ и мыслителей. Пресса въ тысячу языковъ славила Круппа, императрица сидѣла рядомъ съ Круппомъ, а императоръ говорилъ комплементы г-жѣ Круппъ. А длинный рядъ людей съ длинными фамиліями поднималъ тосты за тостами во славу Крупповъ.

Правда, праздникъ былъ омраченъ. Классически омраченъ. Въ самый разгаръ пиршества и славословій Круппа пришло извѣ-

стіе о катастрофѣ въ шахтѣ, унесшей очень много жизней. Праздникъ былъ омраченъ этимъ непрошеннымъ и неожиданнымъ появленіемъ смерти у пиршественнаго стола. Но это была странная и неумѣстная сантиментальность. Вѣдь, чествовали не Шиллера, а Круппа, пушечнаго короля, изобрѣтателя, изготовителя наилучшихъ орудій истребленій. И когда чествовали фирму, орудія которой уже такъ много тысячъ людей отправили на тотъ свѣтъ и обѣщаютъ отправить еще большія, не смѣшно ли портить праздникъ огорченіемъ о погибшей сотнѣ людей.

Развѣ же нѣмецъ Круппъ не является величайшимъ поставщикомъ загробнаго міра!

Но уже такова людская непослѣдовательность. Славя Круппа изобрѣтающаго, изготовляющаго орудія истребленія наибольшаго числа не нѣмцевъ при наибольшемъ разстояніи, вдругъ разстроились, и праздникъ прекратили изъ-за гибели сотни людей.

Все это «высшая знать». Но дѣло не въ ней, а въ томъ апоѳеозѣ, который былъ устроенъ Круппу по случаю столѣтняго юбилея его фирмы.

Кто только не славилъ его! Тутъ и ученые люди и дипломаты, и солдаты, и императоръ, и рабочіе. Добро бы еще хвалили Круппа просто, какъ хорошаго мастера по переселенію людей на тотъ свѣтъ, если въ этомъ окажется необходимость. Но, напр., Круппа славили, какъ героя, какъ національную гордость, какъ вѣру, надежду и любовь нѣмецкой націи.

И со стороны глядя, жутко становилось отъ этого юбилея. Въ самомъ центрѣ Европы раскинулась страна, густо населенная, культурная, передовая, съ цвѣтущими городами и весями, могущественной соціалъ-демократіей, процвѣтающими искусствами и науками, міровою торговлею и промышленностью. Жить бы и поживать да добра наживать. И она быстро наживала добро. За время съ франко-прусской войны Германія необыкновенно разбогатѣла, но видно, правда, что чужое добро въ прокъ не идетъ. Французскіе милліарды дали сильнѣйшій толчокъ развитію къ нѣмецкой торговлѣ и промышленности, вмѣстѣ съ тѣмъ

толкнули Германію, предводительствуемую Пруссіей, на путь безудержнаго милитаризма. Она сотворила себѣ кумиръ изъ пушки и казармы провозгласила Круппа пророкомъ.

Начавъ съ крошечнаго заведенія, долго перебиваясь съ хлѣба на квасъ, пушечная династія расширила свою мастерскую сначала въ заводъ, а потомъ въ цѣлый промышленный округъ по мѣрѣ того, какъ росъ прусскій милитаризмъ. И, повторяемъ, Круппъ не только росъ по мѣрѣ развитія милитаризма, но онъ и растилъ милитаризмъ. Сначала передъ нимъ стояла задача скромная и мирная—научиться выдѣлывать сталь, которая бы по своимъ качествамъ не уступала всецѣло господствовавшей тогда англійской. Трудная это была задача, но и родоначальникъ пушечной династіи былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ отпугиваетъ трудная задача. Онъ считалъ задачу разрѣшенной. Да и почему бы не разрѣшить ее нѣмецкому мастеру, разъ ее разрѣшили англійскіе мастера. Надо было только терпѣніе, упорство, трудъ и увѣренность въ торжествѣ дѣла. А всего этого у Круппа было въ изобиліи. На помощь пришелъ и Наполеонъ. Онъ установилъ знаменитую континентальную систему и этимъ заградилъ англійскимъ товарамъ доступъ въ Пруссію. Англійская сталь перестала проникать на нѣмецкій рынокъ, и Круппъ воспользовался этимъ, чтобы завоевать нѣмецкій рынокъ для своей нѣмецкой стали. Задача мирная и долгое время съ перемѣннымъ успѣхомъ Круппъ былъ передъ этой мирной и скромной задачей. Но по мѣрѣ того, какъ она разрѣшилась въ Германіи, наступали новыя времена и передъ Круппомъ выросли новыя задачи. Страна мыслителей и поэтовъ все болѣе становилась страною торговцевъ и солдатъ. Булаты и аршинъ, прилавокъ и пушка заключили союзъ и объединили свою дѣятельность. Параллельно шелъ ростъ экономической и промышленной мощи Германіи. И Круппъ, идя по этому историческому вѣтру, придаетъ своей мирной мастерской все болѣе грозные размѣры и грозное направленіе. Сталь, не уступающая англійской, уже не удовлетворяетъ его. Нужно создать стрѣляющую сталь, которая

сдѣлала бы, чтобы «Германія, Германія была надо всѣмъ», какъ поется въ нѣмецкой патріотической пѣснѣ. И Крупповскій заводъ, чудовищно разрастаясь, превращается въ грозную мастерскую милитаризма. Сотни людей, щедро оплачиваемыя, получившія спеціальное образованіе, награжденныя высокими дипломами, сидятъ въ крупповскихъ лабораторіяхъ и кабинетахъ и спеціально занимаются придумываніемъ новыхъ орудій, которыя бы еще надежнѣе и скорѣе, чѣмъ прежнія, отправляли людей на тотъ свѣтъ. Высчитываютъ, чертятъ, спорятъ, а, когда начерчено и провѣрено, десятки тысячъ рабочихъ превращаютъ выкладки и чертежи ученыхъ людей въ грозные снаряды и пушки. И прислуживающая, купленная пресса славитъ Круппа по поводу новаго геніальнаго изобрѣтенія пушечнаго короля, и патріотическая печать самодовольно твердитъ: «Дорогое отечество, будь спокойно, на посту твоемъ стоитъ Круппъ».

Начинается новое перевооруженіе арміи и флота вновь изобрѣтеннымъ оружіемъ, и огнедышащіе огромные заводы Круппа, выбрасывая широкой струей блестящую сталь, привлекаютъ въ карманы Круппа широкую струю золота.

Но Круппъ никогда не успокаивается. Его инженеры, щедро оплачиваемые, продолжаютъ думать надъ изобрѣтеніемъ новыхъ орудій. Они зорко слѣдятъ за движеніемъ техники и науки. У нихъ образцовыя, превосходно обстановленныя лабораторіи. Круппъ не желѣетъ для нихъ денегъ. Онъ не насилуетъ ихъ трудъ. Позволяетъ имъ заниматься «чистою» наукою, но только съ однимъ условіемъ—вся ихъ мысль и помыслы должны принадлежать Круппу. Все, что они придумаютъ и сдѣлаютъ, есть собственность Круппа, и онъ сдѣлаетъ изъ этого примѣненіе въ милитаристическихъ интересахъ и цѣляхъ. И сотни талантливыхъ и ученыхъ людей служатъ у Круппа, и молотъ милитаризма безжалостно съѣдаетъ всѣ соки ихъ нервовъ, поглощаетъ всю умственную ихъ энергію. Круппъ не жалѣетъ денегъ для талантливыхъ химиковъ и инженеровъ. Онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ на службу. Онъ щедро ихъ вознаграждаетъ.

Онъ предоставляетъ въ ихъ распоряженіе превосходныя лабораторіи, уютные, просторные кабинеты, богатѣйшую библіотеку. Позволяетъ имъ заниматься отвлеченною наукою. Но очень скоро они оказываются въ плѣну у милитаризма. Всѣ ихъ «отвлеченныя» изысканія тотчасъ пробуютъ примѣнить къ милитаристическимъ цѣлямъ, всѣ ихъ опыты и испытанія дѣлаютъ приложеніемъ къ пушкамъ и снарядамъ. И талантливые ученые скоро оказываются плѣнными. Имъ не уйти изъ стальной клѣтки милитаризма. Постепенно и понемногу они втягиваются въ міръ милитаристическихъ измѣреній и пріучаются все къ нему примѣнять и на его аршинъ мѣрить.

Въ короткое время Круппу удается всѣ мысли и помыслы нанятыхъ имъ ученыхъ людей втянуть въ орбиту германскаго милитаризма, золотою цѣпью приковать дѣятелей науки къ грозной пушкѣ. А дальше все идетъ уже своимъ порядкомъ. Всѣ знанія, всѣ дарованія, всѣ завоеванія науки употребляются этими купленными Круппомъ учеными людьми на изобрѣтеніе все болѣе смертоубійственныхъ орудій. И какая всѣхъ охватываетъ радость, когда оказывается изобрѣтеннымъ новый сплавъ, новый составъ стали, которую не пробиваютъ прежнія пушки, или новой силы пушка, которая пробиваетъ доселѣ непробиваемую толщу стали.

Конечно, сопротивляемость человѣческихъ тѣлъ и костей тутъ не принимается во вниманіе. Это такіе пустяки, которые уже давнымъ довно не составляютъ преградъ для г. Круппа. Надо только удалить, удлиннить то разстояніе, съ котораго дѣйствуетъ пушка. И это разстояніе все болѣе увеличивается, все сильнѣе растетъ, по мѣрѣ успѣховъ прежней науки. Надо еще усилить смертоносное дѣйствіе пушекъ, и ученые люди Крупповскихъ заводовъ объ этомъ непрестанно думаютъ. Странно видѣть этихъ мирныхъ людей, въ черныхъ пиджакахъ, часто съ прозаическими очками на носу, окончившихъ гимназическій и университетскій курсъ, мирныхъ, скромныхъ филистеровъ, только и думающихъ объ изобрѣтеніи новыхъ орудій, которыя бы на

наибольшемъ разстояніи уничтожали наибольшее число не нѣмцевъ.

Эти мирные и смирные люди менѣе всего думаютъ объ истребленіи рода человѣческаго, они совершенно не одержимы жаждою крови. Просто, у нихъ такая спеціальность. И тѣ рабочіе,—а ихъ сотни тысячъ,—которые по этимъ ученымъ чертежамъ и выкладкамъ добросовѣстно выдѣлываютъ пушки и снаряды—они тоже совсѣмъ мирные люди. Много среди нихъ соціалъ-демократовъ, сторонниковъ международнаго и вѣчнаго мира, но они попросту наняты для этого и добросовѣстно исполняютъ свое дѣло.

Такъ создалась своеобразная отрасль промышленности, обратившаяся въ гнѣздо милитаризма—это промышленность крови и желѣза, королемъ которой является Круппъ. Если Бисмаркъ провозгласилъ и воплотилъ политику крови и желѣза, то стальнымъ воплощеніемъ его въ жизни явился Круппъ. Съ его именемъ не только въ Германіи, но и во всемъ мірѣ неразрывно связанъ расцвѣтъ промышленности крови и желѣза. Питаясь милитаризмомъ и въ свою очередь питая его, эта промышленность всѣми отъ нея зависящими средствами будитъ и поддерживаетъ во всемъ мірѣ чувства международной отчужденности, вражды, злобы и зависти. Она сѣетъ международную ненависть, чтобы пожать обильную жатву новыхъ военныхъ заказовъ.

Сторонній читатель понятій не имѣетъ, какого колоссальнаго развитія достигла эта промышленность. И опять-таки лучшей иллюстраціей ея роста и степени ея развитія служатъ предпріятія Круппа. Мы приведемъ нѣсколько статистическихъ и историческихъ данныхъ, рисующихъ ростъ и размѣры Крупповскихъ предпріятій. Намъ уже приходилось отмѣтить, что Крупповское дѣло было основано въ 1812 году Фридрихомъ Круппомъ.

Пользуясь континентальною системою Наполеона, закрывшей англійскимъ товарамъ доступъ на европейскіе рынки, Фридрихъ Круппъ дѣлаетъ попытку замѣнить англійскую сталь нѣмецкою.

Хотя ему и удается достигнуть большихъ успѣховъ и развить свое дѣло, но съ прекращеніемъ континентальной системы англійская сталь вновь вытѣсняетъ нѣмецкую.

Умирая въ 1827 году, Фридрихъ Круппъ оставляетъ своему четырнадцатилѣтнему сыну дѣло, еще не ставшее на ноги, обремененное тяжелыми долгами. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, одаренный необычайно дѣловою зоркостью, силою воли и энергіей, поддерживаемый столь же энергичной матерью, принимается за работу. Онъ не доѣдаетъ и не досыпаетъ, отдаетъ все свое время и всѣ свои силы работѣ надъ расширеніемъ и укрѣпленіемъ дѣла и, благодаря его неутомимой энергіи, недюжиннымъ способностями, дѣло начинаетъ расти. Растетъ заводъ, число его рабочихъ, его оборотовъ. При Фридрихѣ Круппѣ весь годовой оборотъ завода достигалъ въ 1818 году 2900 талеровъ (талеръ около 1½ рубля) и въ 1823 году 3000 талеровъ, число рабочихъ едва достигало 10 человѣкъ, въ годъ выдѣлывалось какихъ-нибудь 3 тонны стали.

Таковы были младенческіе размѣры завода, когда его взялъ въ свои руки юный Альфредъ Круппъ. При Альфредѣ Круппѣ заводъ начинаетъ мощно раздвигать рамки своего производства. Въ 1834 году годовое производство стали поднимается до 14 тоннъ, а въ 1835—до 25 тоннъ. Число рабочихъ увеличивается до 67, а годовой оборотъ до 11 тысячъ талеровъ.

Какъ видитъ читатель, и въ тридцатыхъ годахъ крупповскія предпріятія представляли собою еще маленькую скромную фабрику. Еще не приспѣло время расцвѣта нѣмецкаго милитаризма, и Круппъ еще не мечтаетъ о той грозной роли, которой ждетъ его заводъ. Онъ льетъ сталь и ставитъ себѣ единую задачу—стать въ уровень съ англійскими заводами. Этой стали еще не ставится задача убивать людей.

Несмотря на изумительную энергію и безспорную даровитость, Круппъ съ огромными трудностями развиваетъ свое предпріятіе. Порою такъ ему туго приходилось, что онъ закладываетъ, какъ это было, напр., въ 1848 г., домашнее серебро, чтобы расплатить-

ся съ рабочими. Но съ чисто нѣмецкою выдержкою и настойчивостью онъ продолжаетъ цѣною тяжелыхъ личныхъ лишеній гнуть свою линію, точно предчувствуя, что настанетъ и его, Круппа, время.

Какъ онъ впослѣдствіи самъ разсказывалъ, ему приходилось питаться въ эти черные годы однимъ картофелемъ и хлѣбомъ, только чтобы спасти свое дѣло отъ краха.

Этотъ періодъ въ жизни Круппа одинъ изъ самыхъ поучительныхъ. Круппъ вѣрилъ въ свое дѣло, и этой вѣры достаточно оказалось для того, чтобы изо дня въ день въ теченіе десяти лѣтъ, не досыпая и не доѣдая, развивать свое дѣло, отдавая ему всѣ свои силы, всѣ свои гроши. Выдержка поистинѣ изумительная. Владѣлецъ завода, не задумываясь, ограничиваетъ себя картофелемъ и хлѣбомъ, закладываетъ послѣднія ложки, но только не сдается. Эта пружинная настойчивость многое объясняетъ намъ въ судьбѣ не только крупповскихъ предпріятій, но и всей Германской культуры. Нѣмцы вышли въ большіе историческіе люди изъ бѣднаго и низкаго состоянія. Способность отказывать себѣ во всемъ ради обезпеченнаго будущаго, ради своего дѣла, готовность отказаться отъ всѣхъ соблазновъ и радостей сегодняшней жизни ради сытости завтрашняго дня, изумительная внутренняя дисциплина, все это ярко было присуще Круппу и все это превращало его въ національный типъ.

Лишенія и упорство Круппа были вознаграждены. Его заводъ начинаетъ расти, въ особенности съ той поры, какъ производство поворачиваетъ въ сторону милитаристическаго спроса. Уже въ 1847 году Круппъ отливаетъ первенца-пушку, а въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ крупповскія пушки начинаютъ обращать на себя всемірное вниманіе.

Въ 1855 году на всемірной выставкѣ въ Парижѣ Круппъ выставляетъ пушку, которая безъ поврежденія можетъ дѣлать 300 выстрѣловъ двѣнадцатифунтовыми ядрами. О пушкахъ Круппа съ этихъ поръ начинаютъ говорить. Его скромный заводъ въ Эссенѣ начинаетъ обращать на себя тревожное вниманіе всего

міра. Появился въ Европѣ заводъ, который съ необычайною добросовѣстностью, настойчивостью и успѣхомъ сталъ дарить міръ все болѣе смертоубійственными пушками.

И весь міръ становится данникомъ этого завода. Египетъ, Россія, Англія, Турція, Франція—всѣ спѣшатъ сдѣлать Круппу заказы и обзавестись самоновѣйшими пушками. И великій патріотъ Круппъ съ самаго начала своей пушечной дѣятельности проявляетъ полное національное безразличіе. Онъ доставляетъ пушки не только Германіи, но и противъ Германіи. Онъ снабжаетъ ими государства, которыя, какъ, напр., Франція, заводитъ пушки, главнымъ образомъ, цѣля въ Германію. Любопытно отмѣтить, что Наполеонъ III придавая большое значеніе Крупповскимъ пушкамъ, предлагалъ вооружить ими французскую артиллерію и уже почти закончилъ объ этомъ переговоры съ Круппомъ. Но общественное мнѣніе Франціи возстало противъ вооруженія французской артиллеріи нѣмецкими пушками, и Наполеонъ III долженъ былъ уступить и прервать переговоры съ Круппомъ.

Если бы не это вмѣшательство французскаго общественнаго мнѣнія, то въ франко-прусской войнѣ 1870 года французы истребили бы нѣмцевъ патріотическими пушками Круппа, чуждыми всякихъ національныхъ предразсудковъ. Если не случилость этого, то по обстоятельствамъ, отъ Круппа не зависящимъ.

Пушки доставили Круппу славу и деньги. Въ 1864 году онъ выпускаетъ уже 817 пушекъ, а въ 1876 г.—1562 пушки. Это заставляетъ сильно увеличить заводъ. Постепенно одно за другимъ создаются четыре отдѣленія завода, специально занятыхъ выдѣлкою пушекъ.

Въ Датской войнѣ 1864 г. Крупповскія пушки впервые испробованы были на войнѣ.

О, онъ вполнѣ оправдалъ свою заслуженную репутацію! Круппъ и прислуживающіе ему органы печати не могли нахвалиться «убійственнымъ» дѣйствіемъ этихъ пушекъ. Не только специально-военная, но и обще-штатская печать заговорила о

нихъ въ возвышенномъ тонѣ. Съ радостью сообщалось, что Крупповскія пушки отлично цѣлыми массами отправляютъ датчанъ на тотъ свѣтъ.

Слава Круппа восходила все выше. Франко-прусская война 1870 года еще болѣе содѣйствовала расцвѣту этой славы. Мы уже отмѣтили, что только излишній націонализмъ помѣшалъ французамъ обзаестись Крупповскими пушками. Не будь этого, дѣйствіе Крупповскихъ пушекъ было бы въ 1870 году испробовано не только нѣмцами, но и на нѣмцахъ. Страшное дѣйствіе нѣмецкихъ пушекъ проявилось въ франко-прусской войнѣ въ такихъ яркихъ фактахъ, что имя Круппа получило міровую славу. Очевидцы войны въ потрясающихъ картинахъ изображали опустошительное дѣйствіе пушекъ Круппа.

Никакой героизмъ французовъ не могъ устоять передъ стальными чудовищами. Французы не ожидали такого дѣйствія пушекъ и тѣмъ съ большимъ ужасомъ заговорили они, а съ ними весь міръ, объ этихъ чудовищныхъ «вѣрныхъ средствахъ» противъ людей.

Послѣ франко-прусской войны слава Крупповскихъ пушекъ была такъ велика, что заказы сыпались непрерывно густымъ дождемъ. Всѣ государства одно за другимъ спѣшили обзавестись Крупповскими пушками. И Круппъ добросовѣстно всѣмъ имъ поставлялъ. Но едва только успѣвали обзавестись самоновѣйшими и самострашнѣйшими пушками, какъ въ лабораторіяхъ и мастерскихъ завода начинали лихорадочно работать надъ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ, усиленіемъ пушекъ. И скоро разносилась по всему свѣту вѣсть, что прежнія пушки уже устарѣли и теперь изобрѣтены новыя. Приходилось дѣлать новые заказы, твердо зная, что и новыя пушки скоро окажутся устарѣлыми. Къ 1887 году было выпущено Круппомъ въ общей сложности 24.576 пушекъ, изъ нихъ 10.666 для Германіи, а остальныя для иностранныхъ государствъ. Число иностранныхъ государствъ, заказывавшихъ пушки у Круппа, равняется 46.

Съ этихъ поръ на заводахъ Круппа непрерывно кипитъ двоя-

каго рода дѣятельность. Изготовляютъ все растущее количество пушекъ по уже принятой системѣ и въ то же время безъ устали изобрѣтаютъ новыя модели и усовершенствованія. Благодаря этому Круппъ едва сдавалъ готовыя пушки, изобрѣтаетъ новыя и этимъ привлекаетъ новые милліоны заказовъ.

Пушка становится объектомъ, надъ которымъ работаютъ тысячи рабочихъ рукъ и сотни ученыхъ головъ. Создается цѣлая отрасль знанія и техники—пушковѣдѣніе, и нѣмцы разрабатываютъ эту «дисциплину» съ присущей имъ добросовѣстностью, аккуратностью, упорствомъ и глубокомысліемъ.

Нѣтъ винтика, нѣтъ отверстія въ пушкѣ, надъ которыми бы не ломали головы и которые не обдумывали бы во всѣхъ деталяхъ ученые люди, нанятые Круппомъ. Пушка у Круппа это цѣлая отрасль знаній. Десятки ученыхъ, дипломированныхъ людей, работающихъ у Круппа, всю жизнь только и занимаются этимъ пушковѣдѣніемъ. Они продѣлываютъ безчисленные опыты, изготовляютъ безконечные чертежи, все съ тою же цѣлью—усовершенствованія пушки. Трудно себѣ представить, сколько средствъ, силъ учености и изобрѣтательности затрачены и затрачиваются въ Германіи на усовершенствованіе пушки. И, конечно, никто не сдѣлалъ для этого столько, сколько поколѣнія пупушечныхъ королей.

Уже въ 1888 году фирма Круппа выставляетъ новинку—13-тисант. скорострѣльную пушку. Но уже въ 1890 году эта новинка оказывается устарѣвшей,—Круппъ изготовилъ 15-тисантиметровую скорострѣльную пушку. Въ 1895 году новинкой оказывается уже 24-сантиметровая, а въ 1899 году послѣднимъ словомъ пушечной науки считается 30,5-сантиметровая пушка и т. д., и т. д.

При этомъ пушка превращается во все болѣе и болѣе сложный аппаратъ. Кругъ ея автомотическихъ движеній все расщиряется. Автомотически заражаясь, закрываясь, открываясь, двигаясь впередъ и назадъ, пушка становится все болѣе подвижнымъ и сложнымъ аппартомъ. Въ то же время безостановочно со-

вершенствуется ея дальнобойность, сила разрушенія и число выстрѣловъ въ минуту.

Неудивительно поэтому, что всѣ государства продолжають заказывать пушки у Круппа. Онъ давно получилъ славу лучшаго въ мірѣ мастера пушечныхъ дѣлъ, мірового поставщика орудій. Къ 1911 году въ общей сложности 52 государства заказывали у Круппа пушки! Эти 52 государства купили у Круппа 27.300 пушекъ. И сюда не входитъ еще Германія, одна накупившая у Круппа въ общей сложности 26.300 пушекъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ общей характеристикѣ дѣятельности Круппа, мы приведемъ данныя, характеризующія весь огромный размѣръ и размахъ Крупповскихъ предпріятій.

Общее количество угля, потребляемаго Крупповскими предпріятіями, равнялось въ 1911 году 1.389.308 тоннамъ! Сырого желѣза заводъ съѣдаетъ 882.005 тоннъ. Воды заводы проглатываютъ 18.818.509 куб. мет., т.-е. больше, чѣмъ средній нѣмецкій городъ. Газъ уходитъ въ суммѣ 17.661.900 куб. метр., т.-е. также болѣе, чѣмъ въ среднемъ нѣмецкомъ городѣ. У завода имѣется, конечно, собственная желѣзнодорожная вѣтка, по которой проходитъ 50 поѣздовъ въ сутки. Это кромѣ узкоколейной дороги, по которой движется 36 паровозовъ и 1585 вагоновъ.

Въ Крупповскія предпріятія вложенъ капиталъ въ 256.000.000 марокъ!

Машины Крупповскихъ заводовъ воплащаютъ 250.175 лошадиныхъ силъ! Сюда надо еще прибавлять 3.192 электрическихъ двигателя въ 62.565 лошадиныхъ силъ.

Въ предпріятіяхъ Круппа занятъ персоналъ въ 70.329 человѣкъ. Это вѣдь населеніе цѣлаго города!

Эти пестрыя цифры показываютъ, что Крупповскія предпріятія изъ маленькой мастерской, гдѣ работалъ хозяинъ и два работника, успѣли превратиться въ колоссальный заводскій округъ, который, постепенно расширяясь, завелъ собственную же-

лѣзную дорогу, собственныя угольныя копи, собственныя желѣзные рудники. Питаясь косвенно или прямо заводомъ, около него вырастаетъ цѣлый городъ, съ обширными и разнообразными учрежденіями, кассами, библіотеками, спортивными, научными, музыкальными обществами.

Круппу надо отдать справедливость—онъ пожертвовалъ многіе милліоны на устройство всевозможныхъ рабочихъ кассъ, обществъ, общежитій, страхованій и т. д.

Благодаря этому вокругъ фабрикъ Круппа выросъ цѣлый рабочій городъ со своими учрежденіями, населеніемъ, интересами. Круппъ построилъ для своихъ рабочихъ 6.531 квартиру. Тутъ домики для рабочихъ, для инвалидовъ, для вдовъ, для рожениць. Тутъ потребительское общество, имѣющее цѣлыхъ 96 отдѣленій, одиннадцать заводскихъ пивныхъ, заводская мельница, заводская ледодѣлательная фабрика, щетинная фабрика, сапожная фабрика и т. д., и т. д. Кромѣ того, тутъ и заводская больница, и лазаретъ, и зубная клиника, баня, водолѣчебница, школа для дѣтей и взрослыхъ, библіотека, читальня, спортивныя учрежденія и т. д.

Цѣлый городъ съ многообразными интересами выросъ вокругъ пушки и ея производства. Сотни тысячъ людей живутъ въ зависимости отъ успѣховъ и щедротъ пушечнаго производства.

Такъ поддерживаемая ростомъ милитаризма необычайно разраслась скромная мастерская Круппа.

Времена мѣняются, а съ ними измѣнился и Круппъ. Изъ страны мыслителей и поэтовъ, Германія превратилась въ страну пушки и аршина. И интересы пушки стали въ центрѣ государственнаго вниманія. Круппъ, какъ хорошій пушечный мастеръ, становится національнымъ героемъ. И онъ создаетъ своеобразный, чрезвычайно многолюдный пушечный городъ. Благотворительствуя своимъ рабочимъ, дѣйствительно много давая для улучшенія ихъ быта, Круппъ въ то же время стремился окружить ихъ духомъ казармы, выдрессировать изъ нихъ дисципли-

нированные рабочіе батальны, которые бы ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ автоматовъ въ мундирѣ, которыхъ выпускаютъ прусскія казармы.

Городъ Эссенъ, резиденція Круппа, во всѣхъ смыслахъ является однимъ изъ многочисленныхъ въ Германіи разсадниковъ милитаризма. На заводахъ Круппа вводится чисто солдатская дисциплина. Все производство въ его людскихъ взаимоотношеніяхъ опирается на военную дисциплину и субординацію. Все дѣлается по автоматическому нажиму. И внѣ фабричной жизни Круппъ требовалъ отъ рабочихъ военной дисциплины, и вотъ почему, несмотря на всѣ его благодѣянія и нововведенія, рабочіе такъ часто бѣгутъ отъ него. Нестерпимымъ дѣлается духъ казармы. Но это только молодые, еще не укрощенные солдатскою муштрою и дисциплиною.

Сталъ инымъ Крупповскій заводъ, измѣнились и Круппы. Если Круппъ I былъ, какъ мы видѣли, трудолюбивымъ, скромнымъ труженикомъ, если Круппъ II отдавалъ все свое время и всю энергію любимому дѣлу и жилъ во истину акридами, какимъ-то пушечнымъ отшельникомъ, то уже Крупъ III, получившій уже въ готовомъ видѣ громадное богатство и процвѣтающее пушководство, былъ совсѣмъ инымъ дѣльцомъ. Изнѣженный и слабый потомокъ сильныхъ и суровыхъ отцовъ, онъ широко тратилъ свое богатство на личныя прихоти, а, такъ какъ богатство притекало къ нему все болѣе широкою струею и всѣ прихоти оказывались использованными и извѣданными, то очень скоро Круппъ сталъ все глубже и безвольнѣе погружаться въ разслабляющую тину извращенныхъ и утонченныхъ наслажденій.

Совсѣмъ было человѣкъ въ нѣмецкія хрестоматіи попалъ, какъ національный образецъ всяческихъ добродѣтелей. «Смотрите, вотъ примѣръ для васъ»,—говорили нѣмецкіе патріоты, указывая на Круппа III. Но,—увы!—скверный пассажъ испортилъ всю добродѣтельную славу національнаго героя и лишилъ Круп-

па III совсѣмъ уже почтительно ему пріуготовленнаго мѣста въ хрестоматіи.

Непочтительные соціалъ-демократы напечатали жестокія разоблаченія изъ личной жизни Круппа III. Расслабленный потомокъ стальныхъ отцовъ на поэтическомъ островѣ Капри устраивалъ чудовищныя оргіи, предаваясь самому утонченному и извращенному разврату.

Хрестоматическая карьера была окончательно испорчена. Патріоты смущенно молчали. И несчастный Круппъ покончилъ съ собою.

Съ нимъ, собственно, прервался ходъ пушечныхъ королей. У него не осталось мужского потомства. Дочь вышла замужъ за господина, носящаго очень длинную и знатную фамилію. Но Императоръ Вильгельмъ II, всегда такъ чтившій Круппа, сотворившаго нѣмецкую пушку, милостиво разрѣшилъ мужу своей жены, знатному господину съ длинной фамиліей, женившемуся на дочери Круппа, присоединить къ своей фамиліи фамилію Круппа.

Такъ искусственнымъ путемъ былъ созданъ современный Круппъ IV.

Круппъ выдѣлываетъ не только пушки. Кромѣ мирныхъ вещей, выдѣлываемыхъ на его заводѣ, онъ спеціализировался еще и прославился выдѣлкой брони. И тутъ мы подходимъ къ безконечно поучительной страницѣ исторіи милитаризма. Мы уже видѣли, какъ много успѣшныхъ усилій потратилъ Круппъ на созданіе пушки, которая бы на наибольшемъ разстояніи пробивала бы наиболѣе толстую броню. Сюда направлены всѣ усилія Круппа. Но вотъ эти усилія вѣнчаются успѣхомъ. Круппу удается соорудить такую пушку, противъ которой никакая броня устоять не можетъ. Самая крѣпкая и толстая броня пробивается пушкою Круппа. Круппъ, конечно, торжествуетъ, широкою золотою струею со всѣхъ концовъ міра притекаютъ къ нему заказы. Слава его растетъ въ подлунной. Патріоты его сла-

вить за новое орудіе «отечеству на пользу» и «на страхъ врагамъ».

Но успокаивается ли Круппъ на достигнутыхъ результатахъ? Нисколько. Разрѣшеніе задачи о пушкѣ ставитъ передъ нимъ задачу о бронѣ. Разъ достигнуто, чтобы пушка пробивала любую броню, то теперь надо достигнуть, чтобы броня могла противостоять любой пушкѣ. И начинается новая серія опытовъ и испытаній. Безъ устали работаютъ надъ усиленіемъ силы сопротивленія брони. И работа вѣнчается успѣхомъ. Научаются приготовлять броню, которую не въ силахъ пробить пушка послѣдняго образца.

И идетъ, гудётъ новая милитаристическая радость—Круппъ изобрѣлъ броню, которую не въ силахъ пробить пушка. И вновь проливается золотой дождь заказовъ. Всѣ спѣшатъ обшить корабли, защитить крѣпости новою бронею и славить Круппа.

Но недавно изобрѣтенная пушка? Она, конечно, признается устарѣлою. Разъ она не въ состояніи пробить самоновѣйшую броню, значить, она не достигаетъ своей цѣли. Надо ее, значитъ, усовершенствовать. И начинается усовершенствованіе пушки, которой ставится цѣль пробить броню. Цѣль въ концѣ концовъ достигается, и тогда вновь начинается сказка про бѣлаго бычка, и такъ до скончанія милитаризма.

Пушка и броня играютъ въ какую-то безумную, сумасшедшую чехарду, по очередно перепрыгивая другъ черезъ друга.

Создается форменный милитаристическій perpetum mobile. И устройство этого perpetum mobile является источникомъ вѣчнаго, пока существуетъ нѣмецкій милитаризмъ, процвѣтанія Крупповскаго завода.

За пушкою броня, за бронею пушка.

Намъ до сихъ поръ приходилось говорить больше о технической мощи Крупповскихъ предпріятій, объ ихъ роли въ усиленіи техники милитаризма. Но было бы ошибочно думать, что

этимъ исчерпывается роль Крупповскаго предпріятія. Оно не только работаетъ на милитаристическій спросъ, но еще расширяетъ, раздуваетъ послѣднее. Крупповское предпріятіе, несмотря на свою патріотическую національную славу, есть интернаціональное явленіе. Оно поставляетъ свои пушки и брони безъ различія національности. Мы уже видѣли, что болѣе полусотни государствъ состоятъ заказчиками Круппа.

Но, работая на всѣ государства, будучи всеобщимъ поставщикомъ, Круппъ въ то же время заинтересованъ, чтобы между всѣми государствами было какъ можно больше вражды и недовѣрія. Ему необходимо, чтобы международныя отношенія всегда были чреваты войною, чтобы всѣ государства смотрѣли другъ на друга грозными жерлами пушекъ, всегда готовыми къ выстрѣлу. Дойдетъ ли дѣло до войны или не дойдетъ, но необходимо во всякомъ случаѣ, чтобы воинственныя чувства жили и ярко пылали. Это вѣрная гарантія, что не истощатся заказы на пушки.

Круппъ—фабрикантъ. Онъ привыкъ все обрабатывать, изготовлять. А обработкѣ и фабрикаціи поддаются не однѣ лишь пушки, но и общественное мнѣніе. Зная силу и вѣсъ послѣдняго въ Западной Европѣ, Круппъ стремится фабриковать общественное мнѣніе. Съ этой цѣлью онъ всячески старается раздувать шовинистическія чувства, разжигать международную войну.

У Круппа на содержаніи находится цѣлый рядъ печатныхъ органовъ. На міросозерцаніе этихъ органовъ Круппу «вполнѣ и исключительно наплевать», какъ выражается одинъ изъ героевъ Успенскаго, онъ одного лишь требуетъ — разжиганія международной вражды и натравливанія одного государства на другое.

Газеты, находящіяся у Круппа на содержаніи или отдающіяся ему за жирную плату одновременно, ведутъ азартную игру на повышеніе международной вражды. Пустѣйшіе и малѣйшіе факты столкновеній и недоразумѣній въ пограничныхъ мѣ-

стахъ, дипломатическія шероховатости, все это раздувается мѣхами сенсаціи до огромныхъ размѣровъ грядущей войны. Изо дня въ день эта продажная и купленная пресса занимается вылавливаніемъ, а то и выдумываніемъ фактовъ международныхъ столкновеній и международной вражды.

И что всего характернѣе, Круппъ содержитъ не только нѣмецкую, но и сомнительную часть французской печати. (Въ семьѣ не безъ урода!) Эти французскіе органы, издаваемые сомнительными «французами» на деньги Круппа, изо дня въ день доказываютъ, что Германія вооружается противъ Франціи, что она готовится къ войнѣ, что она обзаводится новыми пушками и т. д., и т. д.

А въ то же самое время Крупповскіе органы, издающіеся въ Германіи, ведутъ такую же яростную и столь же бозсовѣстную кампанію противъ Франціи. Во Франціи Крупповскіе органы натравливаютъ противъ Германіи, доказывая, что Германія хочетъ войны и усиленно къ ней готовится, а въ Германіи они съ такимъ же купленнымъ азартомъ ежедневно увѣряютъ публику и правительство, что Франція денно и нощно только и мечтаетъ о войнѣ съ Германіей и къ этому готовится.

Цѣль этой газетной кампаніи ясна—ловить заказы въ мутной водѣ шовинистическихъ страстей и международныхъ осложненій.

Если римская поговорка учила, что кто хочетъ мира, тотъ долженъ готовить войну, то нынѣшняя капиталистическая поговорка учитъ — если хочешь заказовъ на пушки, то готовь войну. «Готовить войну», это очень сложное искуссство, которымъ мастерски владѣетъ Круппъ.

Готовить войну, это не значитъ воевать. Это значитъ лишь держать всю страну въ состояніи военнаго напряженія, вызывать постоянную лихорадку вооруженій, напряженное и неослабное стремленіе перегнать своими вооруженіями другую страну.

При этомъ дѣло можетъ никогда не дойти до войны. Надо лишь, чтобы войну усердно «готовили», иначе говоря, что-

бы тому же Круппу всѣ государства наперерывъ другъ передъ другомъ заказывали новыя пушки и новыя брони.

Такъ тянулись годы. Сѣя международную вражду, Круппъ пожиналъ обильную жатву пушечныхъ заказовъ.

Такъ создалась и выросла могучая пушечная промышленность. И если политика Бисмарка получила названіе политики крови и желѣза, то крупповская промышленность вполнѣ заслуживаетъ названіе промышленности крови и желѣза.

Задача изготовленія стали, «желѣза», которая бы гарантировала наибольшее количество «крови», въ случаѣ, если ее надо будетъ пролить—такова техническая задача Круппа.

Но, какъ мы видѣли, этою чисто-техническою задачею Круппъ не довольствуется. Онъ ведетъ азартную игру на повышеніе международной вражды, и въ этой жуткой игрѣ ставкою являются милліоны человѣческихъ головъ.

Крупповскіе заводы это не только и не просто техника пушечнаго производства. Это цѣлая общественная организація, неразрывно сплетенная съ милитаризмомъ и капитализмомъ Германіи. Цѣль этой промышленности не только технически разрѣшить задачу убійства наибольшаго числа людей при наибольшемъ разстояніи. Промышленность крови и желѣза стремится сверхъ того увѣковѣчить то постоянное напряженіе военныхъ силъ, то лихорадочное вооруженіе, которое, точно тяжелая лихорадка, истощаетъ всѣ государства Европы.

Какъ вода рыбѣ, Круппу нужны эти милитаристическія неистовства, эти постоянныя и быстро старѣющія вооруженія, эти международныя тренія, рождающія новую полосу вооруженій, а съ ними новые заказы Круппу.

Отъ заводовъ нѣмца Круппа по всей Германіи, а за нею по всей Европѣ все ширящимися кругами расходится милитаризаціи всей жизни. Вопросы милитаризма поглощаютъ все больше вниманія, средствъ стремленій. Они разжигаютъ международную вражду, и призракъ войны постоянно стоитъ передъ глазами Европы.

И тутъ ужасный конецъ лучше безконечнаго ужаса.

Прусскій милитаризмъ, пылающій въ доменныхъ печахъ Крупповскихъ заводовъ, породившій политику, а за нею и промышленность крови и желѣза, можетъ быть уничтоженъ лишь кровью и желѣзомъ.

И нынѣшняя война съ Германіей, есть война во имя освобожденія всей Европы, а съ нею даже и самой Германіи отъ невыносимо тяжелой и давящей прусской каски милитаризма.

Огнедышащіе заводы Круппа являются не простыми исполнителями милитаризма, а, какъ мы видѣли, они раздуваютъ мѣхами шовинизма и сенсаціи всѣ международныя тренія. И пока будетъ существовать эта промышленность крови и желѣза, нѣтъ надежды, что прусскій милитаризмъ не воскреснетъ въ немъ. Это могло бы случиться лишь тогда, если бы въ Германіи совершенно измѣнился общественный строй. Но пока этого не случится, Крупповскія предпріятія являются тѣмъ неугасимымъ, пылающимъ огнемъ, на которомъ «готовятъ войну».

Задуть и залить этотъ огонь въ интересахъ всей европейской демократіи. Безконечно тяжко и больно, что для залитія этого огня понадобилась человѣческая кровь.

Но клинъ клиномъ вышибай. Политика и промышленность крови и желѣза, которую такъ широко примѣняла Германія, нуждается въ крови и желѣзѣ, чтобы быть умерщвленной въ своемъ чревѣ—въ Пруссіи.

Тяжелое несчастье войны должно принести счастье освобожденія Европы отъ милитаристическаго ига, наложеннаго на него Германіей.

Конечно, нельзя думать, что послѣ нынѣшней войны всѣ государства Европы перекуютъ мечи въ плуги.

Но нѣтъ сомнѣнія, что у прусскаго милитаризма будутъ вырваны его стальные когти, выдѣланные на заводѣ Круппа.

В. Тотоміянцъ.

Роль силы въ конфликтахъ жизни.

Недавно «Международный институтъ для обмѣна передовыми опытами», находящійся въ Парижѣ, издалъ сборникъ мнѣній выдающихся современныхъ ученыхъ политиковъ, какъ результатъ ихъ спеціальнаго вопроса. «Институтъ» задался вопросомъ, должны ли конфликты между народами и различными классами одного народа, ведущіе къ войнѣ и забастовкамъ, рѣшаться силою или мирнымъ посредничествомъ. Лицамъ, которымъ была разослана анкета, былъ предложенъ вопросъ, кажется ли имъ насиліе, какъ война, революція, стачки, судъ Линча и дуэль, лучшимъ средствомъ разрѣшенія конфликтовъ.

Первый отвѣтъ декана медицинскаго факультета въ Каирѣ Османа Халебъ-Бея съ нѣкоторой горечью констатируетъ, что насиліе царитъ вездѣ, и мирныя средства едва ли надолго дѣйствительны.

Второй отвѣтъ данъ нѣмецкимъ соціологомъ д-ромъ Г. Ратценхоферомъ. По его мнѣнію, сила является и останется продолжительною функціей соціальной жизни. Государство и правовой порядокъ—созданія силы, не могутъ существовать безъ нея. Внутри цивилизація зависитъ отъ сознательнаго и насильственнаго примѣненія соціальнаго авторитета въ пользу общихъ интересовъ и противъ поползновеній безсовѣстныхъ. Всегда будутъ существовать люди, которые преслѣдуютъ свои интересы, не обращая вниманія на окружающихъ. Поэтому общество не можетъ обойтись безъ полиціи и уголовнаго права.

Сила, готовая быть примѣненной, является единственнымъ естественнымъ и безапеляціоннымъ средствомъ для рѣшенія политическихъ и экономическихъ разногласій между государствами. Только сила можетъ рѣшить, какой интересъ можетъ быть удовлетворенъ и какой подавленъ. Войны приносятъ съ собой послѣ моря горя перемѣны границъ государства, побѣду сильныхъ и жизнеспособныхъ надъ слабыми.

Отвѣтъ нашего соотечественнаго, французскаго соціолога И. Новикова особенно интересенъ. По его мнѣнію, сила не въ состояніи улаживать конфликты, она можетъ только вызывать и раздувать ихъ. Общественный конфликтъ или соціальный «вопросъ» является ни чѣмъ инымъ, какъ массовою болѣзнью. Пока органъ выполняетъ въ человѣческомъ организмѣ свой долгъ, человѣкъ не заботится о немъ. Только тогда, когда органъ перестаетъ правильно функціонировать, когда появляется боль, его значеніе выростетъ въ сознаніи человѣка.

Эта аналогія примѣнима также къ человѣческому обществу и къ государству. «Нормандскаго вопроса» во Франціи нѣтъ, нормандцы и не думаютъ объ отдѣленіи отъ Франціи, ибо они очень довольны и равноправны съ коренными французами. Другое дѣло эльзасцы. Большая часть населенія Эльзасъ-Лотарингіи страдаетъ отъ насильственной аннексіи 1871 года. Имъ противно нѣмецкое владычество. Тамъ ощущается боль, а гдѣ есть боль, тамъ возникаетъ «вопросъ», въ данномъ случаѣ «эльзасскій вопросъ». Что, въ концѣ-концовъ, сдѣлала сила? Она не помѣшала даже возникнуть эльзасскому вопросу.

То же самое происходитъ и въ соціальной области. И внутри страны нельзя создать прогресса силой. Прогрессъ и насиліе— двѣ противоположности, какъ свѣтъ и тьма. Гдѣ дѣйствуетъ сила или насиліе, тамъ нѣтъ истиннаго прогресса. «Прогрессъ заключается въ ростѣ тѣсныхъ связей индивидуума съ обществомъ». Главнѣйшая изъ этихъ связей создается только трудомъ. Для прогресса науки нужно работать, для прогресса земледѣлія, для постройки домовъ и т. п. тоже нужно работать.

Насиліе останавливаетъ эту работу и потому противно прогрессу.

Профессоръ парижскаго университета Ш. Рише заявляетъ, что принципъ насилія есть заблужденіе. Заблужденіе же нуждается въ насиліи, чтобы господствовать. Революціи являются чистѣйшимъ насиліемъ и потому вредны. Война является варварскимъ, безсмысленнымъ уничтоженіемъ и отрицаніемъ всякой морали. Но въ будущемъ опасны не внутреннія тренія, а войны, и противъ нихъ долженъ дѣйствовать международный трибуналъ, рѣшенія котораго должны быть обязательными для всѣхъ.

Лейпцигскій профессоръ В. Оствальдъ пишетъ, что насиліе во всѣхъ его формахъ является примитивнымъ, грубѣйшимъ и нецѣлесообразнымъ средствомъ къ устраненію противоположностей между индивидуумомъ и группами. Совершенныя формы жизни характеризуются меньшей потерей энергіи и проявляются двояко: путемъ предварительныхъ договоровъ и учрежденіемъ третейскихъ судовъ для мирнаго рѣшенія вопросовъ.

Д-ръ Ю. Офнеръ, членъ австрійскаго рейхсрата полагаетъ, что война, революція и всеобщая стачка должны пускаться въ ходъ только въ крайнихъ случаяхъ.

М. Угартэ, членъ аргентинскаго парламента, допускаетъ насиліе только какъ средство противъ насилія.

Э. Бріа, редакторъ органа союза производительныхъ товариществъ Франціи, является противникомъ насилія во всѣхъ сферахъ жизни и сторонникомъ обязательнаго третейскаго суда.

Парижскій профессоръ П. Ноде пишетъ, что и безъ насилія можно добиться всего. Стачки не являются факторомъ прогресса. Онѣ законны, но не должны порождать безпорядковъ и анархіи. Непозволительно, чтобы предприниматель увольнялъ рабочихъ по своему капризу, но не менѣе непозволительно и то, что рабочіе вдругъ прекращаютъ работу, не думая о хозяинѣ и обществѣ.

Д-ръ С. Мотода пишетъ изъ Токіо, что сила можетъ быть примѣнена только въ случаяхъ самозащиты. Единственнымъ

средствомъ для устраненія конфликтовъ безъ насилія является мораль. Ни одно другое учрежденіе не можетъ устранить рѣшающее превосходство физической силы. Поэтому, единственнымъ благомъ, въ которомъ мы нуждаемся, является развитіе моральнаго сознанія какъ всего общества, такъ и индивидуума».

В. Бернеръ, секретарь австрійскаго «Этическаго общества», считаетъ, что революція разрушаетъ и разъѣдаетъ, а положительныя ея стороны никакъ не могутъ быть предусмотрѣны. Война является результатомъ анархическихъ отношеній и государствъ между собой и можетъ быть допущена только въ случаѣ вмѣшательства во внутреннія дѣла чужой державы. Забастовки могутъ быть оправданы съ этической точки зрѣнія только тогда, когда онѣ носятъ оборонительный характеръ.

Александра Давидъ изъ Туниса увѣрена, что укрѣпленіе идеи мира получится въ результатѣ воспитанія. Классовая борьба и революція могутъ произвести перемѣщеніе нѣкоторыхъ элементовъ въ обществѣ, могутъ передать власть и богатство одной касты другой, но онѣ не могутъ измѣнить внутренняго существа человѣка. «Стачка, являющаяся одной изъ формъ революціи, замѣняющей явное насиліе хитростью, конечно, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть успѣхъ. Но въ чемъ заключается этотъ успѣхъ? Въ повышеніи заработной платы на нѣсколько сантимовъ. Эти деньги имѣютъ значеніе для тѣхъ, кто ихъ добился, но развѣ онѣ измѣняютъ основы соціальной организаціи, отношенія между трудомъ и капиталомъ и понятія большинства людей о роли третейскихъ судовъ и ихъ сущности».

Французскій сенаторъ Д'Эстурнель де-Констанъ утверждаетъ, что Дарвинъ никогда не говорилъ о силѣ, какъ послѣднемъ словѣ въ борьбѣ за существованіе. Въ настоящее же время насиліе не только не устраняетъ, а обостряетъ конфликты. Наша ошибка заключается въ томъ, что мы измѣряемъ будущее масштабомъ прошлаго.

Цюрихскій профессоръ А. Форель, извѣстный психіатръ, не

вѣритъ въ силу насилія, ибо оно порождаетъ противодѣйствіе. Въ виду исключеній онъ допускаетъ забастовки, революцію и войны. Онъ ничего не возражаетъ противъ оборонительной войны. Война можетъ быть вытѣснена третейскимъ судомъ, а затѣмъ федераціей всѣхъ культурныхъ націй. Такая федерація, какъ видно изъ примѣра Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи, можетъ быть осуществлена. Современная война, въ отличіе отъ старыхъ войнъ, не является средствомъ возрожденія народовъ, ибо ведетъ къ истребленію молодыхъ и здоровыхъ мужчинъ.

«Что касается стачекъ, то онѣ постепенно должны быть вытѣснены потребительными и производительными кооперативами, ведущими къ устраненію трестовъ и капитализма».

Членъ французскаго парламента Ш. Бокье съ горечью разсказываетъ о своемъ разочарованіи въ третейскихъ судахъ. Онъ посѣщалъ всѣ конгрессы міра, но они не принесли никакого мира. Раздоры между націями не уменьшились.

В. Шортъ, секретарь Нью-Іоркской лиги мира, предлагаетъ учрежденіе международной полиціи, которая слѣдила бы за соблюденіемъ постановленій международныхъ третейскихъ судовъ.

А. Кеферъ, секретарь федераціи французскихъ типографскихъ рабочихъ, пишетъ: «Сила сыграетъ свою роль, когда распространится альтруизмъ, когда человѣческая мораль проникнетъ въ политику. Подъ альтруизмомъ я подразумѣваю нѣчто въ родѣ патріотизма Востока. Для созданія его понадобится вліяніе новаго ученія, новой религіи, которая умѣрила бы идеи и чувства. Для достиженія столь крупнаго переворота, въ результатѣ котораго получится перерожденіе народовъ Европы и всего міра и наступленія мирной трудовой жизни, нужны силы сердца».

Профессоръ Бухарестскаго университета, Драгическу, полагаетъ, что при нынѣшнихъ условіяхъ только войной можно добиться удовлетворительнаго рѣшенія конфликтовъ. До войны турки считали себя сильнѣйшими. Если бы Европѣ предоставили право опредѣлить, на чьей сторонѣ сила, то она, судя только

по цифрамъ, вѣроятно, усмотрѣла бы превосходство силъ, а, слѣдовательно, и правъ на сторонѣ турокъ. При всемъ желаніи европейскій третейскій судъ не призналъ бы за балканскими народами того права, которое они завоевали съ оружіемъ въ рукахъ. Побѣда надъ турками, несомнѣнно, является и побѣдой цивилизаціи надъ варварствомъ. Что сдѣлали для прогресса турки, населяющіе богатые, плодородные края и единственный по своей красотѣ Босфоръ? Ясно, что дѣло турокъ не является дѣломъ цивилизаціи и прогресса.

Д-ръ Шіе-Тонъ-Фа, префектъ провинціи Нанкинъ, съ горечью жалуется на то, что мирные китайцы на практикѣ увидѣли, что только сильные имѣютъ право на независимое существованіе и потому и имъ приходится обратить вниманіе на развитіе среди своихъ силы.

Таковы результаты анкеты относительно роли силы и насилія въ жизни человѣчества. Большинство сужденій, безусловно, склоняется къ тому, что выдающаяся роль силы и насилія временна и должна постепенно уступить мѣсто мирнымъ формамъ взаимныхъ отношеній.

